ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

В. В. БАТЫРОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Монография

Элиста
2016

УДК 908-29
ББК 63.3(2)
Б 28

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Рецензент
Э. П. Бакаева, докт. ист. наук

Батыров В. В.
Б 28 Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. Монография [Текст] – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 250 с.

Настоящее издание представляет собой очерки традиционной культуры калмыков, основанные на архивных источниках второй половины XIX в., содержащих материалы по истории и этнографии калмыцкого народа.

Анализ состояния традиционной культуры калмыков в исследуемый период проводится с учетом политики российской администрации, а также глубокого социально-экономического кризиса, поразившего калмыцкое общество в XIX в. В работе освещаются основные аспекты этнографических исследований — этническая история, хозяйство, материальная и духовная культура, общественные отношения калмыков.

Издание адресовано ученым-историкам, этнологам, преподавателям, студентам и всем интересующимся историей и культурой калмыцкого народа.

ISBN ~~978-5-903833-70-2~~

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Изучение традиционной культуры народов составляет одну из неизменных и главных задач этнографической науки. Однако ее решение осуществимо только при наличии широкой источниковой базы. Актуальность данного исследования определяется, прежде всего, выявлением и анализом новых источников по этнографии калмыцкого народа. Среди них особое место занимают архивные источники — благодаря им можно документально проследить и проанализировать этапы развития этнической истории и культуры калмыцкого народа. В современной историографии имеется довольно значительное количество исследований по этнографии калмыцкого народа, однако архивные источники все еще не получили достаточного описания и оценки.

Целью данного исследования является обзор архивных источников второй половины XIX вв., содержащих материалы по этнографии калмыцкого народа.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- выявлены архивные документы, касающиеся указанной тематики;
- определена новизна и оригинальность сведений, содержащихся в архивных источниках, и их значение для изучения калмыцкого народа в историко-этнографическом плане;

- сгруппированы материалы, содержащиеся в источниках второй половины XIX в., по основным аспектам этнографических исследований: хозяйство, материальная культура, духовная культура, общественные и семейные отношения и др.
- прослежены процессы накопления этнографических знаний о калмыцком народе в рассматриваемый период.

Богатой источниковой базой для проведения исследований в области этнографии калмыцкого народа располагает Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НА РК). Он является средоточием неопубликованных ценных источников по этнографии калмыцкого народа. В документах отражен огромный исторический период — с начала XVIII в. по настоящее время. Фонды НА РК составляют калмыковедные материалы, выделенные из Астраханского областного архива, где они хранились в фондах астраханского губернатора. Уникальность фондов НА РК заключается в том, что здесь отложились материалы, исходившие от органов управления Российской империи и поступавшие из степи от калмыцких правителей, нойонов, зайсангов, представителей духовенства и простых калмыков. Существенным недостатком НА РК является неполная сохранность материалов.

Основу источниковой базы исследования составили архивные источники, которые были привлечены главным образом из Национального архива Республики Калмыкия. Богатейший фактический материал, в основном впервые вводимый в научный оборот, раскрывает историю и культуру калмыцкого народа в исследуемый период. В исследовании были использованы материалы различных фондов НА РК, в особенности фонда № 9 «Управление Калмыцким народом» (1836–1917 гг.) и фонда 42 «Ламайское духовное правление» (1836–1898 гг.). Состав документов указанных фондов

обширен и многообразен, в них встречаются сведения по хозяйству, жизнеобеспечению, семейно-брачным отношениям, материальной культуре и многому другому. Особый интерес представляют сводные годовые отчеты Управления калмыцким народом (УКН) о состоянии Калмыцкой степи Астраханской губернии. Содержащийся в отчетах материал давал наиболее обобщающие сведения о состоянии Калмыцкой степи за каждый год. В исследовании также были привлечены материалы фондов архива КалмНЦ РАН, а также Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА).

Изучению калмыцкого народа в историко-этнографическом плане в XIX в. уделяли внимание многие профессиональные ученые и другие представители российской интеллигенции. Результатом их исследований стали труды по этнографии калмыков. Такими этнографами и бытописателями были Н. И. Страхов, Н. А. Нефедьев, Ф. А. Бюлер, П. И. Небольсин и др. [Страхов 1810; Нефедьев 1834; Бюлер 1846; Небольсин 1852]. Значительную часть исследований составляют труды православных миссионеров: Мефодия (Н. Львовского), Я. П. Дубровы и Гурия (Степанова) [Мефодий 1898; Дуброва 1898; Гурий 1915]. Местные краеведы — И. Г. Черкасов, И. В. Бентковский — также занимались изучением этнографии калмыков Ставропольской и Астраханской губерний [Черкасов 1852; Бентковский 1868]. Особое место в этом ряду занимает И. А. Житецкий [Житецкий 1892], который по результатам проведенных исследований опубликовал книгу «Астраханские калмыки», вышедшую в 1892 г.

Общей чертой, характеризующей содержание данных работ, является описание различных сторон материальной и духовной культуры калмыков. Дореволюционные исследо-

ватели, путешественники и наблюдатели калмыцкого быта обращали внимание, главным образом, на одежду, элементы калмыцкого быта, жилища, буддийские культовые здания, некоторые стороны хозяйства кочевников. Простая фиксация фактов без должного анализа порой приводила некоторых авторов к идеализации патриархальных отношений, что, в свою очередь, порождало неверное толкование действительных социально-экономических отношений в Калмыцкой степи, которые рисовались более упрощенными, чем были на самом деле.

В послереволюционный период развитие этнологической науки в Калмыкии во многом было связано с именем исследователя Улюмджи Душановича Душана (1892–1974 гг.), который, будучи по профессии врачом, работал в 1920-е годы редактором областной газеты «Улан Хальмг» и журнала «Ойратские известия». Им было опубликовано немало ценных материалов, содержащих сведения об обычаях и обрядах калмыков. Исследователи не сомневаются в достоверности заметок У. Д. Душана, поскольку он в течение многих лет изучал быт, обычаи и обряды калмыков. У. Д. Душан собрал богатый фактический материал о семейно-брачных отношениях калмыков, об их отношении к явлениям природы, животному миру, об обычаях, обрядах и традициях калмыков. В 1928 г. была издана его первая книга «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними» [Душан 1928], в 1930-е годы им была подготовлена к печати рукопись книги «Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX вв.» [Душан 1976]. Эти издания стали первыми в истории Калмыкии обобщающими работами по исследованию обрядов и обычаев у калмыков.

Последовавшие в 1930-е гг. сталинские репрессии, а в 1943 г. незаконная ликвидация Калмыцкой республики и насильственная депортация калмыцкого народа в восточные

районы страны задержали развитие научной мысли Калмыкии на 30 и более лет. Положительные изменения в калмыцкой этнографической науке наметились лишь в конце 1950-х годов — после возвращения калмыков в родные места.

В 1960-е годы в Калмыкии центром этнологических исследований Калмыкии стал Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ), в котором работала целая плеяда ученых — этнографов. В этот период калмыцкая этнографическая наука развивалась благодаря усилиям ученых, привлеченных из других областей знания, в частности историков, филологов и др. Одним из них был У. Э. Эрдниев который сыграл весомую роль в формировании этнографии как научного направления и заслуженно считается основателем калмыцкой этнографии. Первой работой У. Э. Эрдниева стала статья «Пища и напитки калмыков», в которой освещались особенности рациона питания кочевого народа [Эрдниев 1962]. Обращаясь к вопросу о составе этнических групп, У. Э. Эрдниев отмечал различный характер происхождения их наименований: этнонимы, восходящие к родоплеменному делению и реальным предкам, топонимам и др. Ученый обращал внимание на этногенетические контакты ойратов и калмыков, проводил сравнительный анализ их этнического состава, определял собственно монгольские компоненты, а появление отдельных этнических групп в составе калмыков относил к определенным периодам межэтнического взаимодействия с тюркоязычными народами. Итогом многолетней работы У. Э. Эрдниева по проблемам калмыцкой этнографии явилось монографическое исследование «Калмыки. Историко-этнографические очерки», изданное в 1970 г. [Эрдниев 1970].

В 1970-е гг. этнологические исследования получило дальнейшее развитие — в науку пришли молодые ученые,

получившие специальное образование в высших учебных заведениях и научных учреждениях Москвы и Ленинграда. В их числе были А. Г. Митиров, Г. О. Авляев, Д. Д. Шалхаков, В. П. Дарбакова, Т. Б. Бадмаева, Г. М. Красильникова и др.

Именно по результатам этнологических исследований в эти 1970-е гг. были написаны первые обобщающие труды по проблемам материальной и духовной культуры калмыцкого народа. Так, А. Г. Митиров в этот период занимался изучением изобразительного искусства калмыцкого народа, в 1974 г. им была защищена кандидатская диссертация по теме «Изобразительное искусство монгольских народов по проблеме этногенеза» [Митиров 1974]. Проблемами изучения этнической истории калмыков стал заниматься Г. О. Авляев, который написал ряд статей и в 1975 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Этнический состав и расселение приволжских калмыков в конце XIX – начале XX вв.» [Авляев 1975]. Значительный вклад в изучение процесса преобразований в культуре и просвещении внес Н. Ш. Ташнинов [Ташнинов 1969]. Исследованиями вопросов семьи и брака у калмыков одним из первых стал заниматься Д. Д. Шалхаков, который в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Семья и брак у калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографическое исследование)» [Шалхаков 1976]. Традиционный быт, обрядность и антропонимия калмыков стали основными темами исследования В. П. Дарбаковой, которая в ряде своих работ рассматривала обряды наречения именем у калмыков [Дарбакова 1968]. Первым исследователем калмыцких национальных танцев стала Т. Б. Бадмаева [Бадмаева 1985]. Калмыцкая национальная одежда стала предметом исследований Г. М. Красильниковой, которая в своих работах показала этническую специфику традиционного калмыцкого костюма [Красильникова 1985].

В 1980-е гг. этнологи стали расширять тематику своих исследований, что было обусловлено результатами проведенных полевых исследований. В 1970-80-е гг. ими были совершены экспедиции в села республики, в ходе которых были собраны интересные сведения о народных обычаях и обрядах, народных праздниках, этнических группах, топонимике и ономастике. Так, в изданной в 1982 г. книге Д. Д. Шалхакова «Семья и брак у калмыков» [Шалхаков 1982] предметом исследования стали семейно-брачные отношения, семейная обрядность и воспитание молодежи. Автор сознательно ограничил хронологические рамки XIX – началом XX в., так как именно этот период представлен в источниках как наиболее полно характеризующий традиционные формы семейно-брачных отношений у калмыков. Д. Д. Шалхаков на достаточно убедительных фактах показал основные формы семьи и брака у калмыков, чем заложил базу для дальнейших исследований по данной тематике.

С конца 1980-х гг. одной из характерных черт в развитии этнологии становится изучение духовной культуры и локальных этнических групп калмыков в широком этнокультурном контексте. Это было связано с тем, что к концу 1980-х гг. и в 1990-е гг. в Калмыкии появилось новое поколение ученых-этнографов — Э. П. Бакаева, Э.-Б. М. Гучинова, З. Э.-Г. Гоголданова и др., получивших образование в ВУЗах Москвы и Ленинграда.

Изучение истории буддизма в Калмыкии стало основной темой исследований Э. П. Бакаевой. После защиты в 1989 г. кандидатской диссертации по теме «Ламаизм в Калмыкии XVII – начала XX вв.» она одной из первых стала заниматься исследованиями специфики этнической формы тибетского буддизма в Калмыкии, которая формировалась с элементами добуддийских верований, традиций, представлений, включенных в систему обрядности буддизма [Бакаева

1989]. Обрядами жизненного цикла занималась Э.-Б. М. Гучинова, которая в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Современные семейные обряды» [Гучинова 1989]. З. Э.-Г. Гоголданова проводила исследования субэтнических групп калмыков с использованием междисциплинарных связей. В 1994 г. ею была защищена диссертация по теме «Субэтносы и этнические процессы в Калмыкии в середине 80-х годов XX столетия (по материалам статистико-этнологического обследования)» [Гоголданова 1994].

С 1990-х гг. тематика этнографических исследований в Калмыкии расширилась и актуализировалась: изучались отдельные вопросы и периоды этнической истории, этнокультурное развитие, сюжеты быта, проблемы религиоведения и развития традиционной культуры калмыков. Однако трудности социально-экономического развития России привели к уходу большей части этнологов в другие отрасли науки, или из науки вообще. Оставшиеся этнологи обратились к ранее не раскрытым темам — этнической структуре и генеалогии калмыков. Наибольшую известность в этом направлении получили исследования А. Г. Митирова, Г. О. Авляева, Т. Б. Бадмаевой, Э. П. Бакаевой и др.

Так, в 1990–2000-е гг. ученый А. Г. Митиров почти полностью сосредоточился на проблемах этнической истории и генеалогии калмыков. В этот период он собрал значительный этнографический материал по духовной и материальной культуре калмыков и опубликовал ряд монографий — «По следам находок и утрат: исторические очерки», «Ойраты–калмыки: века и поколения», «Истоки» [Митиров 1990; Митиров 1998; Митиров 2002]. В 2000 г. вышли в свет карта об этническом составе калмыцких улусов и «Родословное древо калмыцкого народа», составленные А. Г. Митировым.

Первой обобщающей работой по этнической истории калмыков стала книга Г. О. Авляева «Происхождение калмыцкого народа (середина IX – первая четверть XVIII веков)» [Авляев 1994]. В поле зрения автора оказались практически все этнические подразделения калмыков.

В 1992 г. вышла монография Т. Б. Бадмаевой «Калмыцкие танцы и их терминология» [Бадмаева 1992]. В основу данного исследования легли материалы о традиционных танцах, их значении и содержательном смысле, собранные в ходе научных экспедиций, регулярно проводившихся с 1975 г. Автором впервые была составлена калмыцкая танцевальная терминология и раскрыты особенности исполнения ойратских танцев, которые заключаются в разнообразных движениях тела.

Результатом исследования Э. П. Бакаевой религиозной специфики калмыцкого общества стал выход в свет монографии «Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки» [Бакаева 1994]. В дальнейшем Э. П. Бакаева занималась изучением традиционных ранних религиозных верований калмыков. Итогом ее исследований стала монография «Добуддийские верования у калмыков» [Бакаева 2003].

В настоящее время основными научно-исследовательскими центрами этнологии являются Калмыцкий научный центр Российской академии наук и Калмыцкий государственный университет. Научные сотрудники работают над реализацией большого проекта по теме «Традиционная и современная этнография Калмыкии», в ходе которого изучаются не только культура калмыков, но и проблемы взаимовлияния культур разных народов.

В целом следует признать, что этнографическая наука Калмыкии достигла значительных результатов, несмотря на сталинские репрессии и трудности переходных этапов, смену идеологических концепций и политических приоритетов. В XIX–XX вв. исследователи рассмотрели значительный объем источников, изучили широкий спектр проблем

этнической истории, основные элементы материальной и духовной культуры калмыков. В 1990–2000-е гг. ученые приступили к исследованию вопросов этнической идентичности, малоизученных элементов традиционной культуры. Не менее актуальным остается изучение процессов взаимовлияния культур, специфики локальных этнических групп, формирования этнической самоидентификации.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования содержащихся в исследовании материалов, обобщений и выводов в лекционных курсах для студентов, специализирующихся в области историко-этнографического калмыковедения, в научных разработках по истории и этнографии народов Центральной Азии, в музейно-выставочной деятельности.

Введение в научный оборот новых источников по традиционной культуре калмыков позволит расширить тематику научных исследований в данной области.

Глава 1.

Жизнеобеспечение, экономика и общество

1.1. Кризис кочевого скотоводства как фактор адаптационных процессов в Калмыкии

В XIX – начале XX в. основу экономики Калмыцкой степи составляло сельское хозяйство, главной отраслью которого оставалось отгонное скотоводство. Для содержания большого количества скота требовались обширные земельные пространства, пригодные для летних и зимних пастбищ. В целом же способ ведения скотоводства у калмыков был довольно рациональным, он передавался из поколения в поколение без заметных попыток улучшения методов хозяйствования. Тяжелыми испытаниями для экстенсивного скотоводства являлись стихийные бедствия и эпизоотии. Суровые зимы нередко наносили калмыцкому скотоводству большой урон, особенно в тех улусах, где население не придавало особого значения сенозаготовкам. Так, в декабре 1895 г. в Калмыцкой степи выпало много снега, а после оттепели ударили морозы. Гололедицу усугубили начавшиеся снежные бури, разбросавшие ослабевший скот по степи. В Харахусовском и Багацохуровском улусах, пострадавших больше других, пало около 9/10 всего поголовья скота [РГИА. Ф.396. Оп.1. Д.529. Л.38].

В 1827 г. Астраханскую губернию посетил сенатор Энгель, который затребовал сведения о состоянии калмыцкого хозяйства и сбыте его продукции. Комиссия калмыцких дел (далее — ККД) в ответ на его запрос прежде всего отметила то, что «примитивное» скотоводство калмыков является «обильным источником благосостояния» [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 368. Л. 4]. В условиях кочевого скотоводства перегон скота был необходимым условием, потому что из-за недостатка сенокосный угодий калмыки не имели возможности заготовить необходимое количество сена на зиму. Как отмечалось, они «вследствие этого держат их большую часть года на подножном корму» [НА РК. Ф. 49. Оп. 7. Д. 1937. Л. 20].

В теплое время года калмыцкие хотоны передвигались по степи «За неимением телег кочуют на верблюдах. Хотон (около 10 кибиток), остается на месте, пока не вытравит траву в округе, потом снимается и идет далее вдоль речки или балки, из которой довольствуется водою» [Материалы 1853: 73]. Обычно на одном месте находились не более двух или трех недель в зависимости от количества травы [Отчет 1890: 2]. В случае отсутствия водных источников выкапывали колодцы — *худуки*. Плохое качество воды, которой поили скот, вызывало удивление заезжих чиновников. Так, в 1885 г. П. Медведский писал, что «случалось присутствовать при поении из худуков табунов лошадей. Около худуков <…> находятся желоба, в которые наливается вода, черпается она ведрами из худуков или желоба заменяются просто неглубокими, нарочно вырываемыми ямами <…> приходилось видеть, что лошади поились до такой степени мутной водою, что ее можно было принять за жидкую грязь, причем даже при палящем зное июльского дня лошади при водопое ограничивались лишь несколькими глотками этой мутноватой влаги» [Медведский 1885: 124–125].

Ограничение территорий для кочевания привело к интенсификации скотоводства, что сопровождалось появлением новых колодцев — *худуков*. В 1892 г. в Икицохуровском улусе их было выкопано 27, в Эркетеневском — 1, в Малодербетовском улусе — 2 (с деревянными срубами) [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 3].

В 1894 г. колодцев было выкопано гораздо больше, о чем свидетельствуют нижеприведенные данные:

№	Улус	Число колодцев и худуков
1	Харахусовский	12 колодцев со срубами
2	Икицохуровский	47 колодцев
3	Яндыко-Мочажный	3 колодца со срубами, 19 худуков
4	Александровский	14 колодцев
5	Сев. часть Малодербетовского	6 колодцев со срубами, 100 худуков

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 2].

С наступлением зимы скот перегонялся в малоснежные степные районы, так называемые Черные земли, включавшие в себя южную часть Манычского и Икицохуровского улусов, Эркетеневский улус и южную часть Ставропольской губернии по р. Куме. До середины XIX в., а кое-где и до конца столетия калмыцкое население не строило укрытий для скота и не заготавливало для него корма. Следуя старой традиции, на зиму оно перебиралось в более низинные места — там, где были балки и камышовые заросли, в которых скот укрывался от ветра. В снежную зиму калмыки использовали особый метод выпаса скота. Вперед пускались табуны лошадей, которые своими копытами разгребали снежный покров, поедая верхушки трав. За ними следовал крупный рогатый скот, а затем — овцы и козы, съедавшие траву до корней [Эрдниев 1985: 127].

Излишки продуктов скотоводства калмыки сбывали «русским, армянским и татарским купцам, приезжающим в степь», у них же они приобретали все, что необходимо в домашнем быту [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 368. Л. 4]. Калмыки Малодербетовского улуса перегоняли скот на донские ярмарки, но нередко имели место кражи у них скота и денег, что объясняется попустительством местных властей на Дону. К организации ярмарок на территории улусов калмыки относились отрицательно. Между тем, как считала ККД, следовало открыть три ярмарки: на р. Яшкуль в начале мая, когда скот выходит на вешние травы; на р. Яшкуль в начале июля, когда скот набирает вес; на урочище Ергени в начале октября, где реки полны водой, а местность изобилует травами. Кроме того, ярмарки в степи были бы более выгодными для калмыков, перестали бы иметь место случаи обмана, как например, в Польше, куда калмыки пригнали конский табун в 300 голов и на вырученные деньги приобрели сукно, которое оказалось некачественным [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 368. Л. 4]. Помимо материальных выгод, ярмарки в Калмыцкой степи могли бы оказывать и «культурное влияние».

Сокращение пастбищных угодий в результате проводимой правительством России политики по ограничению территорий для кочевания калмыков сделало невозможным функционирование традиционной пастбищной системы. Единственным способом для выживания в условиях земельного «голода» был переход к полукочевому, а затем и базовому скотоводству.

Кроме того, на фоне непрекращающегося на протяжении всего XIX – начала XX вв. наступления российских властей на права калмыцкого народа, широкую крестьянскую колонизацию на территории его улусов, казачество выглядело наиболее перспективной моделью для сохранения калмыков, как этноса в составе России [Лиджиева 2015: 139]. Так,

закон от 16 марта 1892 г. был торжественно объявлен в Калмыцком Базаре 7 июня при собрании нойонов, зайсангов и простолюдинов — представителей от всех улусов, которых было более 5000 человек. По окончании объявления Главным Попечителем УКН был дан обед для всех присутствующих. Находившийся на обеде астраханский губернатор провозгласил тост за «драгоценное здоровье Государя Императора и Его Августейшее Семейство», который был встречен продолжительным «Ура!» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 48].

Калмыки Хошеутовского улуса, присутствовавшие на этом собрании, пользуясь случаем, испросили разрешение на проведение здесь же улусного схода при участии отставного штаб-ротмистра Баты-Ка Тюменя и зайсангов. Участники схода, вспомнив о славном боевом прошлом калмыцкого народа, единогласно постановили: «повергнуть к стопам Государя Императора верноподданейшие чувства и всеподданейшую просьбу о зачислении всех калмыков Александровского улуса в казачество» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 49]. Однако это прошение осталось без ответа, поскольку в военных кругах Российской империи под влиянием неудачной Крымской кампании, а также недавних военных реформ стало преобладать мнение об утрате казачеством своих прежних боевых качеств. Последним препятствием на пути калмыков в казачество стали трудности организации управления в степи и обеспечения калмыков землей.

В связи с переходом к полукочевому скотоводству калмыки стали заготавливать корма для скота. Первые факты сенокошения отмечались еще в 1830-х гг. Так, в 1839 г. А. В. Попов писал, что после 1833 г. многие калмыки в Малодербетовском улусе стали заниматься сенокосами и «запасали на зиму столько кормов, что их хватало не только на период зимовки, но даже оставался избыток» [Попов 1839: 45]. И. Шениан, посетивший в 1846 г. хозяйство нойона

Тюменя, отмечал, что на зиму для скота устроены удобные «приюты», сделаны «огромные запасы сена», к примеру владельческого он нашел 1 317 500 снопов, а принадлежащего остальным калмыкам — 3 833 000 снопов [Шениан 1847: 120]. В конце XIX в. сенокошение прочно вошло в жизнь калмыков. По словам П. Небольсина, в XIX в. калмыки связывали заготовленное сено в снопы, которые складывались в стога, состоявшие из тысячи снопов. Если их было больше тысячи, то эта кладка называлась ометом [Небольсин 1852: 15].

Хотя в конце XIX в. пользование сенокосами не было урегулировано законом, лучшими сенокосными угодьями пользовались наиболее влиятельные и знатные калмыки. Естественно, это служило причиной возникновения многочисленных конфликтов и способствовало нарастанию социальной напряженности. В Малодербетовском и Манычском улусах номинально существовало паевое деление сенокосных угодий. Общее количество заготовленных калмыками кормов в начале XX в. заметно увеличилось. Если в 1902 г. в Калмыцкой степи было заготовлено 8 394 977 пудов, то в 1909 г. уже 10 686 964 пуда [Команджаев 1999: 102].

Кроме сенных трав, в качестве корма для скота использовался и камыш, росший большими массивами в Эркетеневском, Яндыко-Мочажном и Манычском улусах. Скашивала камыш преимущественно бедная часть населения, которая за неимением собственного скота продавала его «по цене от 2 до 7 коп. за сноп» [Очиров 1925: 15]. В 1904 г. по настоянию астраханского губернатора была внедрена система сенных запасов. В «Правилах об обеспечении продовольствием скота» говорилось: «В образовании продовольственных запасов участвуют все калмыки, занимающиеся скотоводством и платящие в казну подати с принадлежащего им скота <...> С утратой скота член аймачного общества теряет

право на получение ссуд этих запасов впредь до заведения нового скотоводческого хозяйства» [Команджаев 1999: 102-103]. Таким образом, бесскотные и малоскотные хозяйства лишались права заготовки кормов, что обрекало их на дальнейшее разорение.

В конце XIX в. в Калмыцкой степи отмечались факты использования сенокосных угодий с корыстной целью при отсутствии частной собственности на них. Реформа 1892 г. формально лишила нойонов и зайсангов права на управление своими подвластными, но они не утратили своего влияния в обществе и, пользуясь своим положением, занимали лучшие земельные угодья. Исследователь В. В. Воробьев замечал, что в конце XIX в. крупные скотовладельцы, пользуясь своим влиянием, нарушали владения многих чужих родов, чей скот на зиму перегонялся на «Черные земли» [Воробьев 1903: 8]. Нойоны Тундутовы, Тюмени, Гахаевы, многочисленные зайсанги не только пользовались общинными землями, но и владели имениями, где создавали многоотраслевые хозяйства. Скотоводство здесь сочеталось с земледелием, садоводством и бахчеводством.

В личном пользовании нойона Д. Тундутова находился участок, данный правительством его отцу Цанджину, общая площадь которого составляла 1,5 тыс. десятин удобной и 1 тыс. неудобной земли. Основными достоинствами его являлись сенокосные угодья в урочищах Дальвран, Сата-Харлан, Горшенев, Цунельдык, Листьян, Аржанец и Лапшин. В благоприятные годы на них заготавливалось до 600 стогов сена средним весом в 100 тыс. пудов [Бурчинова 1989: 41].

В 1862 г. на первом из отведенных ему в личное пользование урочище Лапшино, Д. Тундутов построил хутор, где все было приспособлено для содержания скота: конюшня на 8 лошадей, сарай на 400 голов крупного рогатого скота и постройка для содержания 1000 голов овец. Вся постройка

была из кирпича и дерева, на основании чего можно назвать его первым человеком в Калмыцкой степи, который перешел к базовому скотоводству [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 118. Л. 18–19].

К концу XIX в. с переходом населения к полуоседлому образу жизни предпочтительным становится разведение крупного рогатого скота, поскольку при стойловом содержании это дело было выгодным. П. Медведский, обращая внимание на то, что теперь «лошадь в быту калмыка играет далеко не ту роль (что в быту киргиза). Калмык <…> более эксплуатирует другие отрасли скотоводства – крупный рогатый скот и овец, чем лошадей» [Медведский 1885: 150]. В статистических материалах отмечалось, что «на зиму калмыки запасают малое количество сена и строят иногда базы из камыша для лошадей, также сараи из дерна для крупного рогатого скота и овец» [Материалы 1853: 73].

Показательно, что чиновники из Управления калмыцким народом (далее — УКН) пытались найти выход из сложившейся ситуации. В 1902 г. развернулась обширная переписка между чиновниками УКН по вопросу улучшения пород калмыцкого скота с целью повышения его молочных качеств. Ветеринарный врач при УКН К. Красильников в рапорте от 17 сентября 1902 г. в качестве меры по улучшению пород скота в Калмыцкой степи предложил устройство племенных «разсадников» для крупного рогатого скота в каждом роду. Участники переписки выразили две точки зрения на калмыцкое скотоводство. Первая точка зрения отражала взгляд части чиновников, которые считали, что калмыки в силу национальных качеств не могут заниматься таким делом, как селекция и улучшение пород скота.

Вторую точку зрения отразил заведующий Багацохуровским улусом В. Зварковский, который в рапорте от 7 ноября 1902 г. писал, что «продуктивность калмыцкого скота,

и не только рогатого, действительно ниже всякой критики, но это лишь только с поверхностного взгляда для калмыков большая продуктивность является нежелательным качеством, так как качество это есть продукт улучшенного воспитания и хорошего ухода за скотом, чего калмыки не могут сделать вследствие их крайнего невежества, лени, превратного понимания своих личных выгод и приверженности к старинным обычаям, а также и из экономических расчетов. Для него выгоднее иметь десять голов плохого качества, чем две головы хорошего рогатого скота. Только тот скотовод придает большое значение качеству скота, чем количеству, который ограничен в землепользовании, а там, где с кормом не считаются, количество предпочитается качеству. Калмык очень ничтожные требования предъявляет к корове, ему достаточно для домашнего обихода двух-трех стаканов молока, а если у него три коровы, то уже он может из молока гнать водку и он вполне счастлив и больше ему ничего не надо, а о том, что выдоенная корова лишает питания телят, он ничуть не заботится. При таких условиях обращения со скотом никакие улучшенные породы скота не достигнут цели раньше, чем улучшать породу рогатого скота, надо улучшать породу калмыка, а это можно сделать только путем образования» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1271. Л. 23].

Помимо этого, В. Зварковский высказал и ряд практических замечаний относительно проекта К. Красильникова, считая его трудно осуществимым, так как он требовал надзора специалистов, а результаты могли быть получены только через годы. К тому же все это требовало значительных расходов от «родовых обществ». Он отмечал, что «заготовка сена при плате косцу 1,5 – 2 руб. дорогая, поэтому калмыки предпочитают лишиться половины скота в суровую зиму, чем делать заготовку сена в должном количестве. Наконец, калмыцкий скот преимущественно мясной, и в этом направ-

лении только и следует его улучшать, а не задаваться целью сделать его молочным т. к. калмыки никаких молочных продуктов выделывать не могут в силу своих кочевых условий жизни. Малая продуктивность калмыцкого крупного рогатого скота имеет не внутренние причины, а вытекает из условий внешних, таким образом суровости содержания скота. Холмогорская молочная корова в калмыцких условиях будет давать столько молока, сколько и калмыцкая, если не сдохнет» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1271. Л. 25]. «Продуктивность, наибольшая выгода, при наименьших затратах. С этой точки зрения, местные породы крупного рогатого скота — продуктивны, — писал В. Зварковский. — Содержание коровы стоит нуль, содержание ее в течение одного года — один рубль (Плата податей казенной и общественной). Продажная стоимость ее от 25 рублей до 50 рублей, а быков от 40 до 70 рублей» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1271. Л. 25].

Попечитель Харахусовского улуса в рапорте от 15 октября 1902 г. сообщал, что не может признать осуществление проекта К. Красильникова возможным по причине отсутствия денег, пастбищ, а также «по причине косности калмыков-скотоводов, которые ни за что не хотят изменять того примитивного способа ведения своего хозяйства и принять меры к улучшению породы скота, они отвечают: “нам не надо, наши отцы, деды и прадеды так вели свое хозяйство и нам велели”» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1271. Л. 20].

Попечитель Александровского улуса прямо указывал, что племенной скот не вынесет суровых условий степи. А попечитель Эркетеневского улуса замечал, что в нем вообще нет необходимости, так как богатые калмыки, имеющие племенной скот, дают возможность пользоваться им бедным калмыкам. Попечитель Малодербетовского улуса давал понять, что главным здесь является отсутствие пастбищ: «Многие крупные скотоводы, имеющиеся в улусе,

нойон Тундутов, Санджи Боваев, Убуши Джапов, Очир Бамбаев, Барманцак Джалцанов и другие за неимением кормов принуждены почти каждую зиму перекочевывать со скотом в Абганеровы рода, такие перекочевки сопряжены с большими трудностями» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1271. Л. 32].

Заметные сдвиги в развитии скотоводческого хозяйства в Калмыцкой степи стали происходить после проведения реформы 16 марта 1892 г., имевшей важные последствия. Во-первых, калмыки, становясь лично свободными людьми и освобождаясь от тяжести феодальных повинностей, получили возможность ведения частного хозяйства, дальнейшее развитие которого зависело от их же предприимчивости. В то же время их бывшие владельцы, имея значительное количество скота, получили большие суммы выкупных платежей, которые они могли использовать для укрупнения своих хозяйств. Однако главное значение реформы 1892 г. для развития экономики Калмыцкой степи состояло в том, что, разрушив вековую замкнутость натурального скотоводческого хозяйства, она вывела его на новый, более качественный торгово-промышленный уровень и способствовала быстрому втягиванию региона в систему всероссийских рыночных отношений.

Однако скотоводство, как и земледелие, также являлось достаточно рискованным занятием. В 1892–1894 гг. в Калмыцкой степи и соседних регионах произошла эпизоотия чумы, вследствие чего были закрыты все сельскохозяйственные ярмарки и запрещены перегоны скота. Ко всему прочему зима 1893/1894 гг. выдалась необычно продолжительной и суровой, что привело к массовому падежу крупного и мелкого скота (378 421 голова на сумму 2 386 354 руб.). Павший скот составил примерно 1/5 часть всего скота, находившегося в Калмыцкой степи [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 9]. Примечательно, что вспышка чумы не помешала жи-

телям калмыцких улусов продавать свой скот за пределы Калмыцкой степи. В отчете УКН упоминается, что калмыки занимаются «тайными перегонами рогатого скота с целью продажи такового чрез закрытую границу со стороны Северного Кавказа» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 13].

О процессах, происходивших в калмыцком обществе в рассматриваемый период, свидетельствуют развитие или упадок тех или иных отраслей животноводства. Так, в конце XIX – начале XX вв. в Калмыкии ускорилось развитие коневодства, на что определенное влияние оказало принятое в 1894 г. Военным министерством «Положение о комплектовании войск лошадьми при приведении армии в полный состав и во время войны, в применении к калмыкам Астраханской губернии». В связи с этим в Калмыцкой степи в 1891 и 1901 гг. были проведены военно-конские переписи [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 1]. Согласно вышеназванному «Положению», Калмыцкая степь была разделена на 8 улусных военно-конских участков, в каждом из которых производилась перепись лошадей, отбор годных из них на военные нужды, покупка и перегон на сборный пункт.

В одном только 1891 г. калмыцкие коневоды продали в ремонт 5900 голов лошадей. Из этого количества 5600 голов было продано коневодами, имевшими в табунах не менее 15 маток, то есть специально занимающиеся коневодством [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 2]. Крупные коневоды организовывали на базе своих хозяйств целые конные заводы. Например, зайсанг Бага-Чоносова рода Малодербетовского улуса Эмген-Убуши Замджинович Дондуков, являвшийся корреспондентом Главного управления государственного коннозаводства, устроил рассадник лошадей калмыцкой породы в урочище Эмне-Нур. Сделал он это «для улучшения ими степного коневодства вообще», пополняя табун имевшихся в своем хозяйстве лошадей чистокровными жеребцами из государственных конных заводов [Команджаев 1976: 91]. По договору Дондуков обязался уступать двух- и трехлетних лошадей на выбор управления по цене от 110 до 170 руб.

В 1899 г. зайсанг Яндыко-Мочажного улуса Ользете Оргечкиев имел 730 лошадей смешанной калмыцкой и заводской пород, зайсанг Эркетеневского улуса Очир-Гаря Джамбаев — 1155 лошадей донской и калмыцкой пород, калмык Икицохуровского улуса Цаган-Убуши Леджинов — 1500 лошадей донской и калмыцкой пород, зайсанг Багацохуровского улуса Цебек-Джал (Бегали) Онкоров — 2500 лошадей смешанной калмыцкой, донской, арабской и заводской пород [Команджаев 1976: 91]. В конце XIX –начале XX в. коневодство становится товарной отраслью калмыцкого животноводства. Среднюю стоимость лошадей, не годных в ремонт, назвать сложно, поскольку границы установленных на них цен были обширны. Например, в 1902 г. коневод Александровского улуса Ара Гохаев продавал лошадей на ярмарке в г. Енотаевске по средней цене в 35 рублей, а наследники нойонов Тюменей на ярмарке в г. Царицыне — по 85 руб. [НА РК. Ф.15. Оп.1. Д.199. Л.258, 259, 260]. Стоимость ремонтных лошадей была намного выше, на рубеже XIX–XX в. она колебалась от 125 до 150 руб. Быстро растущая цена на породистых лошадей, специально разводимых для комплектования кавалерийских частей русской армии, заставляла коневодов постоянно заботиться о планомерной селекции и увеличении количества продукции.

По официальным данным, в 1886 г. у астраханских калмыков насчитывалось 3 057 тонкорунных овец, но в 1891 г. их количество уменьшилось до 2 100 голов. Затем оно неуклонно увеличивалось. В 1892 г. в Калмыцкой степи имелось уже 2 229 голов, в 1906 г. — 10 360, а в 1914 г. —26 521 [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 94. Л. 115; Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 99].

Таким образом, за 25 лет общее поголовье тонкорунных овец возросло более чем в 11 раз. Разведение мериносов и шленок также являлось товарным направлением калмыцкого скотоводства. Шерсть тонкорунных овец вывозилась за пределы Калмыцкой степи — на русские текстильные фабрики. Овцеводство являлось наиболее продуктивным видом скотоводства. Из доходности в 100 руб. от овец поступало 43,62 руб., крупного рогатого скота — 32,92 руб., лошадей — 20,96 руб. и верблюдов — 8,81 руб.; каждая овца приносила 2, 88 руб. прибыли, рогатый скот — 12,45 руб., лошадь — 18,29 руб. и верблюд — 5,81 руб.

Крупный рогатый скот разводили преимущественно в Ергенях, в Манычском и Малодербетовском улусах. Здесь в 1909 г. находилось 146,5 тыс. голов или около 65% всего поголовья крупного рогатого скота, имевшегося у астраханских калмыков. Калмыцкая порода крупного рогатого скота отличалась не только высоким качеством мяса, но и выносливостью. К примеру, быки широко использовались как упряжные животные русскими и украинскими крестьянами. Средний живой вес быков калмыцкой породы составлял 400–450 кг., а отдельные экземпляры достигали 655–776 кг. По данным обследования 1909 г., поголовье крупного рогатого скота в Калмыцкой степи Астраханской губернии составляло 142 356 взрослых особей и 64 007 голов молодняка. В Малодербетовском улусе было сосредоточено 30,5 % всего количества крупного рогатого скота, в Манычском — 29,1 %. Отмечено, что в этих двух улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии население больше занималось земледелием, и крупный рогатый скот широко использовался здесь как упряжная сила. К 1916 г. поголовье крупного рогатого скота в Калмыцкой степи значительно возросло и составило 252 581 голову [Эрдниев 1985: 132].

В меньшей степени было развито верблюдоводство. Верблюдов в начале XX в. разводили в основном в Икицохуровском, Эркетеневском и Александровском улусах. Еще К. Костенков прогнозировал прекращение разведения верблюдов калмыками в связи с переходом их к оседлости. Действительно, в 1890 г. верблюдоводство менее всего было развито в Манычском и Малодербетовском улусах, где население, в большинстве своем оседлое, совмещало занятие земледелием со скотоводством. В тех же улусах, для населения которых был характерен кочевой скотоводческий быт (Икицохуровский, Харахусовский, Александровский, Эркетеневский), верблюдоводство было развито больше. Здесь калмыки при перекочевке, как и раньше, навьючивали на верблюдов кибитку со всем домашним скарбом. Интересно, что в приергенинских улусах верблюды использовались как для извоза, так и для полевых работ — местные жители предпочитали их быкам.

Утвержденный 16 марта 1892 г. закон об освобождении калмыков —простолюдинов из под — власти нойонов и зайсангов в значительной степени поколебал основы бытовавшей социальной структуры кочевого общества. Но эта реформа не сразу изменила общественные отношения, еще долгое время в силу своего авторитета нойоны и зайсанги пользовались приоритетным правом на лучшие общинные земли.

Таким образом, в конце XIX в. главной отраслью экономики Калмыцкой степи являлось отгонное скотоводство. Реформа 1892 г. имела важные последствия, главным из которых стало выведение натурального скотоводческого хозяйства на новый, более качественный торгово-промышленный уровень, что способствовала быстрому втягиванию региона в систему всероссийских рыночных отношений.

1.2. Земледелие и ремесла у калмыков

В конце XIX – начале XX в. число калмыцких хозяйств, занимающихся земледелием неуклонно возрастало. О самом раннем опыте хлебопашества калмыков в 1839 г. писал А. В. Попов, который сообщал, что «первыми из калмыков земледелием занялись Хара и Чжамбо, проживавшие в Малодербетовском улусе. Первой построил хутор на р. Аршань-Зельмень, но земля у него обрабатывалась малороссиянином с помощниками. А Чжамбо был калмыком Ульдючиновского аймака и кочевал в долине р. Бурата. В первый год он обработал около 15 десятин с помощью приглашенных им русских крестьян. На другой год калмыки под его руководством распахали вдвое больше десятин земли по сравнению с предыдущим годом, причем без помощи крестьян, посеяв рожь, пшеницу, гречиху и овес. Первые опыты земледелия брались калмыками у крестьян из соседних русских поселений» [Попов 1839: 333]. П. Небольсин, посетивший летом 1850 г. кочевья улуса хошеутовского нойона Серебджаба Тюменя, отмечал, что сам владелец и некоторые богачи из его улуса сеяли пшеницу, просо и горчичное семя, а в саду Тюменя были даже маленькая бахча с арбузами, пробный засев кукурузы, маленькая табачная плантация, пашня с пшеницей. Сам Небольсин посчитал увиденное им «образцовой формой, любопытной редкостью» для Калмыцкой степи, но при этом подметил, что хлебопашеством занимаются или наиболее зажиточные калмыки, в качестве предпринимателей, или самые бедные, в качестве их работников [Небольсин 1852: 167].

Несомненно, что развитие земледелия происходило среди калмыцкого населения, живущих в непосредственной близости от русских и украинских крестьянских семей. Так, в 1853 г. донские калмыки собрали 12 тыс. пудов озимого

и более 40 тыс. пудов ярового хлеба [Очерки 1967: 233]. У астраханских калмыков поначалу земледелие развивалось довольно медленно, так как они столкнулись с определенными трудностями. Российское правительство распорядилось урезать земли кочевий в разных местах — по берегам р. Волги и на Мочагах. Там были построены дома как для русских переселенцев, так и для калмыков, желавших перейти к оседлому быту. Предполагалось, что калмыки, проживая по соседству с переселенческим крестьянством, будут учиться у них способам ведения земледелия [Очерки 1967: 256].

В 1854 г. И. П. Корнилов писал, что крестьяне-переселенцы сразу же после заселения «принялись за пашню как за дело привычное», в то время как дома калмыков оставались пустыми. Причины неудачного заселения станиц калмыками Корнилов видел не столько в несклонности их к земледелию, сколько в отсутствии у них опыта земледелия, которое требует «сложных соображений, последовательности в действиях» [РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 240. Л.17–18]. Следует учесть и сложные климатические условия Калмыцкой степи. Так, в 1875 г. калмыки Багацохуровского улуса засеяли «хлеб» на площади в 442 дес., но весь урожай погиб из-за засухи [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 309].

Основной причиной перехода калмыцкого населения к земледелию являлось обеднение все большего числа калмыцких семей. Большинство из которых поселялось в Мочагах. Уже в 1875 г. здесь практиковались посевы в небольшом количестве таких культур, как овес, пшеница и арбузы [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 60]. В 1862 г. правительство в очередной раз предприняло меры по седентаризации калмыков, прислав в УКН «Высочайшее Соизволение об отводе калмыкам участков земли», согласно которому нойонам отводилось 1 500 дес., аймачным зайсангам — 200 дес.,

простолюдинам — 60–90 дес. Участки должны были быть нарезаны так, чтобы все население аймака вместе со своим зайсангом находилось на одной территории. При этом всем получившим участок выдвигалось условие — возвести хозяйственные постройки в течение года. На 1 января 1869 г. из калмыцких земель было отведено, к примеру, нойону Малодербетовского улуса — 1 500 дес. удобной и 1 053 дес. 100 саженей неудобной земли. Аймачным зайсангам — 5 200 дес., безамайчным зайсангам — 7 000 дес., простолюдинам — 290 065 дес. (всего 404 302 дес. 1836 саженей) [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 21].

В 1868 г. огородничеством в Калмыцкой степи занимались только в двух улусах — Малодербетовском и Хошеутовском [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 25]. В остальных улусах земледелие было не столь развито. Так, в 1875 г. в Мочагах в небольшом количестве выращивали овес, пшеницу и арбузы [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 59–60]. В том же году впервые в истории Мочагов один калмык решил посадить фруктовый сад [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 60]. В 1875 г. в Малодербетовском улусе насчитывалось 10 фруктовых садов [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 366]. Овощи продавались оптом скупщикам, которые поставляли их в Казань, Нижний Новгород, Москву и Петербург, а чаще всего их сбывали в соседних селах и городах. Фрукты также продавались в соседних населенных пунктах.

В 1892 г. в отчете УКН указывалось, что число калмыков, занимающихся земледелием, из года в год снижается. Чиновники писали, что ежегодные засухи приводят к «повсеместному неурожаю хлеба и овощей» и «отнимают у калмыков всякую охоту заниматься этою отраслью промышленности». Рискованность занятия земледелием в аридных условиях Калмыцкой степи, как например, в Яндыко-Мочажном улусе, усугублялась засолением почвы. Только два

улуса, по мнению чиновников из УКН, могли развивать земледелие — Хошеутовский и Малодербетовский (северная и южная части) [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 2].

Но и в этих улусах людей, занимавшихся земледелием, было немного. Так, в Хошеутовском (Александровском) улусе «хлебопашеством» занималось всего 4 человека, которые засеяли территорию всего в 3 десятины, посадив 24 четверть яровой пшеницы, 18 четвертей овса и 21 четверти проса. В Южной части Малодербетовского улуса было засеяно 54 четверти озимой пшеницы, 70 четвертей овса, 15 четвертей ячменя, 180 четвертей ржи, 250 четвертей яровой пшеницы, 20 четвертей проса, 12 четвертей горчицы, 20 четвертей льна. Все эти посевы погибли от засухи летом 1892 г. [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 2]. В северной части Малодербетовского улуса калмыки после долгого перерыва вновь вернулись к земледелию и посеяли 200 десятин в Дунду-Хуруловом роду, 100 десятин в Багшин-Шебенеровом роду, 3 000 десятин в Зетовом роду, 300 десятин в Шаретовом и Тебектенеровом родах и 500 десятин в Шарнут-Чоносовом роду[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 3].

По-настоящему в северной части Малодербетовского улуса процветало только садоводство и огородничество. Так, калмыком Эвеевым близ с. Солянка и калмыком Джан-Шонхоровым на балке Аршань были организованы питомники, в каждом из которых произрастало по 1 000 фруктовых деревьев. В Шебенеровом, Шаретовом, Багшин-Шебенеровом, Ики-Хуруловом и Абганеровом родах огородничеством занималось 20 человек на площади в 400 десятин. Для их полива было устроено 12 чигирей и 8 прудов, в с. Червленое строились плотины [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 3].

В отчете УКН за 1894 г. отмечалось, что жители калмыцких улусов все больше отказываются от занятия земледелием, объяснялось это постоянными засухами и отсутствием

водных источников. В том же 1894 г. посевы имелись только в трех улусах — Яндыко-Мочажном, Хошеутовском (Александровском) и Малодербетовском. В Яндыко-Мочажном улусе всего несколько человек занимались бахчеводством и огородничеством. Они выращивали арбузы, дыни, тыкву и картофель. В Хошеутовском улусе было засеяно 20 десятин яровой пшеницы, 40 десятин овса, 25 десятин проса, 15 десятин картофеля. Особо стоит отметить, что в Калмыцкой степи было занято 60 десятин кукурузой. Это, наверное, был первый случай выращивания здесь кукурузы [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 1].

В Малодербетовском улусе калмыками Абганеровского, Ики-Хурулова родов, а также жителями пос. Червленое было посеяно 180 четвертей ржи, 189 четвертей яровой пшеницы, 18 четвертей овса, 15 четвертей проса, 5 четвертей горчицы. В южной части Малодербетовского улуса было посеяно: 81 четверть озимой пшеницы, 264 четверти ржи, 195 четвертей яровой пшеницы, 27 четвертей овса, 9 четвертей ячменя, 4 четверти проса, 3 четверти горчицы. Интересно, что три калмыка из Ульдючин-Сумьянова и Сермыкова родов — К. Шараев, К. Онкоров и К. Яванов — занялись садоводством и без помощи посторонних лиц посадили боле ста плодовых деревьев [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 2].

Ремесло играло важную роль в жизни калмыков, поскольку изготовление изделий мелким ручным, кустарным способом было крайне необходимо в условиях кочевого быта. В калмыцком обществе каждый владел несколькими видами ремесел. Так, в отчете УКН за 1886 г. отмечалось, что «калмыки занимаются в небольших размерах следующими ремеслами: выделкой овчин, кож, производством седел, кожаных ведер и кружек, деревянных для курения табака трубок и чубуков, прядением шерсти, шитьем калмыцкой одежды и обуви, валяных чулок и войлоков для кибиток, и

также плотничным, кирпичным, сапожным, столярным, слесарным и серебряным мастерствами» [НА РК. Ф. 9. Оп.1. Д. 94. Л. 13].

Тем не менее, кризис кочевого хозяйства и развитие торговли в улусах привели к тому, что к середине XIX в. ремесленное производство в Калмыцкой степи существенно сократилось. В отчете УКН за 1868 г. указывалось, что ремесленное производство в основном сосредоточено в двух улусах — Малодербетовском и Хошеутовском [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 29]. В них насчитывалось 29 мастеров «серебряных дел», 33 сапожника, 12 портных, 30 кузнецов, 30 плотников, 205 сыромятников, 12 столяров, 2 маляра, 4 печника, 1 «картузник», 1 «экипажный» мастер и 6 слесарей. Интересно то, что в отчете отмечены непривычные для степи профессии: экипажный мастер, столяр, маляр, печник, слесарь и картузник [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 29].

Большое распространение имели ремесла, сырьем для которых являлись продукты животноводства — кожа и шерсть, а также легкодоступные и недорогие материалы, такие как дерево. Из кожи калмыки изготовляли лошадиные сбруи, ведра для воды и молока, бурдюки, посуду, овчину для тулупов, а также шили одежду. Из дерева они делали деревянную посуду [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 61].

Как упоминалось выше в 1862 г. правительство предприняло мероприятие по седентеризации калмыков. Одним из условий было возведение на выделенных участках хозяйственных построек в течение года. Такая «потребность к заведению построек, вызвала из среды калмыков мастеров, которые за неимением в степи работы проживали прежде в русских селениях, а в настоящее время помогают своим сородичам в устройстве их степного хозяйства» [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 21].

Из шерсти валяли войлок и изготовляли веревки. В 1875 г. в отчете УКН указывалось, что калмыцкое население весной изготавливает для своих нужд кошмы (для покрытия кибиток) и «ширдыки или палазы» из овечьей шерсти, а также «постели» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 60]. Однако наибольшее распространение среди калмыков получило плетение из растущего повсеместно в Мочагах рогоза широколистного, более известного калмыкам под названием чакан. Из него плели полотна «чаканки» для подстилок, покрытия кибиток, а чаще всего — на продажу [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 60]. Также калмыки занимались выделыванием «сыромятных кож», которые употребляли для изготовления лошадиной сбруи и «ведер для воды и молока *архат* (бурдюк), в которых они квасят молоко и этим добывают масла». Золотых, серебряных и медных дел мастеров в Мочагах не было, но здесь имелись мастера по изготовлению трубок из «польского серебра» и других предметов домашнего хозяйства. Попечитель Мочагов особо отмечал, что весьма немногие занимаются изготовлением *тэрэм* (решеток) для кибиток и *чаканок,* в отличие от массы калмыков, идущих на рыболовные промыслы [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 61]. В Яндыковском улусе выделывали овчины, изготавливали: «чаканки, домбы, архаты и войлоки» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 139].

В 1875 г. в Малодербетовском улусе насчитывалось 16 «серебряков», 24 кузнеца, 12 плотников, 31 сапожник, 15 столяров, 3 слесаря [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 367]. В Хошеутовском улусе калмыки изготавливали «кошмы для кибиток, овчины для тулупов, шкуры — на яргаки, деревянную и кожаную посуду, а некоторые — серебряные вещи». Самих ремесленников было немного: плотников — 2, «серебряков» — 1, кузнецов — 1, портных — 2 [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 421].

Таким образом, рискованность занятия земледелием в аридных условиях Калмыцкой степи приводила к тому, что во второй половине XIX в. число калмыков, занимавшихся земледелием, неуклонно снижалось. Ежегодные засухи привели к упадку пашенного земледелия во всех улусах, кроме Хошеутовского и Малодербетовского (северная и южная части). Однако заметное развитие получили огородничество и садоводство.

Развитие рыночных отношений вызвало падение спроса на изделия домашнего ремесла. Уже к концу XIX в. калмыки все больше занимались рыболовством или нанимались на рыбные промыслы, отходя от практики домашнего производства. Причин исчезновения ремесленного производства было несколько, из них можно выделить три наиболее основные. Первое — потеря значимости изделий ремесла, второе — отсутствие сырья для домашнего производства в связи с сокращением поголовья скота (особенно овец и верблюдов), третье — падение спроса.

1.3. Угоны скота у калмыков: от легитимного к противозаконному

У калмыков, как и многих других кочевых народов, основу хозяйства составляли четыре вида скота: лошадь, верблюд, корова и овца. О главенствующем среди них положении лошади говорит тот факт, что до революции богатство калмыка в значительной мере определялось количеством имевшихся у него коней. Важная роль лошади в кочевом хозяйстве обусловила всеобщее уважение к людям, которые угоняли табуны лошадей. В отечественной историографии этот вид угона скота обозначался термином «баранта». В правовой жизни калмыков «баранта» занимала значительное место.

В середине XIX в. П. Небольсин выделил у калмыков пункт обычного права, согласно которому «невыделенный или ненагражденный дядьями племенник, точно так же как и внук по женской линии, имеет право приступить к насильственному выделу, называющемуся у калмыков «зе-бярьдык-юсун». Он считал, что «отгон скота, или так называемая «баранта», совершенно не такой предмет, с идеею которого соединяется понятие о грабеже и насильстве: основание его самое легальное и действие его вовсе непреступно», что у калмыков «она есть следствие законного права на наследство». «Баранта» совершалась обиженным племянником или внуком: претендент приходил в хотон дяди, объявлял свое намерение старшине или авторитетному и почетному человеку, что он под личным его наблюдением хочет произвести насильственный выдел причитающейся ему по обычаю части скота. Далее П. Небольсин пишет: «Выдел этот состоит в простом отгоне части табуна или стада; это действие производится совершенно безнаказанно и может повторяться до трех раз; как законное пользование своим

правом». Он повторял отгон скота до трех раз в том случае, если «общая численность приобретенного им таким образом достояния не превышает одной шестой части имущества, из которого он делает выдел» [Небольсин 1852: 110-111].

Во второй половине XIX в. угон скота у калмыков, как впрочем и у других кочевых народов, по-прежнему, не считался чем-то предосудительным. Кража лошадей в обыденном сознании калмыцкого населения не относилась к числу преступных или порочных деяний. Это являло собой решение экономических проблем угонщика и демонстрацию его мужественности, поскольку для угона лошадей и скота требовалось немало храбрости, смекалки и выдержки. Угнанный скот угонщик делил между своими родственниками, поэтому *хулхачи* (т.е. угонщик скота) в своем роду всегда пользовался большим авторитетом.

Чиновники российской администрации, приезжие купцы, крестьяне-переселенцы и зарубежные путешественники, будучи представителями оседлых культур, не могли понять такого отношения калмыков к угону табунов. Для них это было худшим видом воровства. В отчете УКН за 1866 г. отмечалось, что «отгон скота не считается у калмыков преступлением, хотя в настоящее время случаи подобного рода преступлений бывают реже, но совершенно искоренить их до времени невозможно, тем более, что нередко участниками и руководителями в делах подобного рода бывают окольные крестьяне» [РГИА. Ф. 381. Оп. 8. Д. 3741. Л. 48.]. В отчете УКН за 1868 г. отмечалось, что «грабежи или отгон чужого скота считаются по калмыцким понятиям более удачею, чем преступлением» [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 19].

Чиновники, которые были не в силах понять причины такого отношения калмыков к конокрадству, обычно объясняли это особенностями калмыцкого менталитета. Так, в середине XIX в. чиновники из УКН писали: «калмыки, кроме

некоторых владельческих и зайсангских фамилий, науками не занимаются <...> продолжают следовать первобытным своим наклонностям, т. е. праздности и всегдашней верховой езде <...> Эти то наклонности и рождают в них страсть к грабежам, отгону скота и т. д.» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 59]. Барон Ф. Бюлер, красочно описывая отношение калмыков в XIX в. к воровству скота, писал, что «лишь известие об угоне скота или внезапное нападение могут вывести калмыка из созерцательного положения. Поспешно садится он на лошадь, сзывает соседей и скачет с ними в погоню. Отобьет или не отобьет похищенное, сам случай отгона остается надолго предметом беседы семьи <…>, где дети <…> внимают беседе отцов с сыщиками и свыкаются со слухами о воровстве и грабеже» [Бюлер 1846: 101]. Непонимание особенностей кочевой культуры приводило чиновников к мнению о том, что у калмыков «воровство в крови», а потому все они изначально являются преступниками.

С середины XIX в. кочевое хозяйство калмыков переживало непрекращающийся кризис. Традиционный общественный быт калмыков оказался на пороге больших изменений, когда проводимая правительством России политика по ограничению территорий для кочевания калмыков дала толчок развитию новых явлений в общественной жизни калмыцкого народа. Это стало причиной обеднения большинства калмыцких семей. К концу XIX в. переход большинства калмыцких хозяйств к полуоседлому образу жизни привел П. Медведского к выводу о том, что теперь «лошадь в быту калмыка играет далеко не ту роль (что в быту киргизов или казахов). Калмык <…> более эксплуатирует другие отрасли скотоводства — крупный рогатый скот и овец, чем лошадей» [Медведский 1885: 150]. В докладной записке департамента общих дел Министерства государственных имуществ министру от 17 июня 1875 г. о поступлении сборов в 1874 г.

указывалось на необходимость изменения системы налогообложения и уменьшения размера покибиточного сбора в связи с обнищанием народа и ростом недоимок. Приводились данные о том, что скотоводство обеспечивает только 10 % калмыцкого населения Астраханской губернии, а 90 % — живет за счет рыболовства и ломки соли [РГИА. Ф. 381. Оп. 16. Д. 21283. Л. 20–30].

Во второй половине XIX в., а особенно заметно после отмены обязательных отношений в 1892 г. угон скота стал квалифицироваться как преступление. В подтверждение можно привести документ конца XIX в., в котором говорится, что «особенно усилились грабежи и отгоны скота в местах пограничных со Ставропольской губернией и в пределах Туркменского приставства <…>, полицейский розыск виновных и похищенного в весьма редких случаях дает положительный результат» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 42.]. Теперь угон скота производился не с целью помочь однохотонцам и не ради завоевания авторитета в обществе, а для наживы и получения выгоды.

Так, в описи дел Малодербетовского улуса за 1868–1878 гг. приводятся сведения по угонам скота и грабежам. 13 ноября 1868 г. был угнан крупный рогатый скот у крестьянина пос. Элиста Ефима Комодина и ограблен крестьянин пос. Элиста Корниенков, у которого отняли лошадь и ружье; 7 декабря 1868 г. у калмыка Хашханерова рода Бозык Чанкаева угнали 8 голов крупного рогатого скота; 21 июня 1871 г. у калмыка С. Базырева с товарищами украли 15 голов крупного рогатого скота; 24 октября 1871 г. 10 вооруженных грабителей ограбили мещанина Черниговской губернии А. Климова с товарищами недалеко от пос. Элиста; 2 ноября 1871 г. у зайсанга Малодербетовского улуса М. Цюрюмова украли 26 голов крупного рогатого скота и 2 лошади; 18 декабря 1874 г. у крестьянина с. Дивное Никифора Григорьева

украли 5 быков; 24 апреля 1874 г. у крестьянина М, Гончарова украли 9 голов крупного рогатого скота; 17 июля 1874 г. у калмыка Хашханерова рода Б. Убушаева украли 8 голов крупного рогатого скота и 2 лошадей; 31 августа 1874 г. у калмыка Хашханерова рода Д. Пюрве украли 15 голов крупного рогатого скота [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3].

Справедливости ради надо сказать, что грабили не только калмыки, но и крестьяне-переселенцы. Так, 9 ноября 1877 г. крестьяне с. Приютное ограбили находившийся рядом хотон, угнав у них скот и ранив выстрелами из ружей двоих калмыков; 9 апреля 1878 г. крестьяне селений Киста и Дербетевка Ставропольской губернии напали на хотон Дарджeнкинова рода и угнали 125 голов крупного рогатого скота; 29 апреля 1878 г. крестьяне с. Приютное ограбили калмыков М. Чаканова и Б. Джагалдыкова [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 54, 80].

Довольно часто ограбленные хозяева находили свой скот в русских селениях: 15 июля 1874 г. у калмыков Икичоносова рода Л. Ходжигорова украли трех коров, двух из них он нашел у царицынского мещанина; 9 августа 1874 г. у калмыков Оргакинова рода М. Менкиева и З. Аюшева украли 4 коров, трех из которых они нашли у торговца А. Селиванова в пос. Булгун-Сала; 7 марта 1874 г. у калмыков Даржагакинова рода М. Джаваева и А. Джунгруева украли 9 коров, двух из которых они нашли у крестьянина из с. Приютное, А. Микитова [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 8, 9, 14]. Это явно говорит о том, что угон скота окончательно превратился в уголовное преступление.

От такого ограбления страдали все жители степи, в том числе и представители высшего сословия калмыцкого общества. Так, 11 ноября 1874 г. конные и вооруженные грабители из Ульдючинова рода напали на зайсанга Бюдюрмюсова рода Бадму Нимгирова и его аймачных людей, отняли у них двух лошадей, деньги и личные вещи [НА РК. Ф. 9. Оп. 1.

Д. 11. Л. 46]. Нападали даже на тех, кто представлял административную власть в улусах. К примеру, 29 июня 1872 г. неизвестные грабители напали на «заведующего по Манычу Соколова» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 11], а 14 октября 1878 г. неизвестные напали и ограбили тех, кто должен был предотвращать такие случаи в Калмыцкой степи — «разъездных» калмыков Цаган Тюменевского пикета. У них угнали весь скот, отняли лошадей, деньги и личные вещи [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 81].

Все чаще угон скота стал сопровождаться ограблением, насилием и даже убийствами. 10 мая 1875 г. во время ограбления был ранен калмык Абганер-Асматова рода У. Деликов и убита калмычка Х. Чебышева. 26 ноября 1877 г. на хотон крещеных калмыков напали неизвестные, которые угнали скот и ранили калмыка Чидынгова. 4 ноября при угоне скота был ранен выстрелом и позже скончался калмык Л. Тактыев [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 12, 53, 54].

Угонять скот стали даже у своих же «однородцев». Так, 4 сентября 1870 г. калмык Харахусовского улуса Бембе Цаган Кюбенев заявил, что на урочище Ачи у него украли 200 баранов, из которых несколько находятся в стаде калмыка того же улуса Улан Церенова. Заведующий Мочагами Казанский отправил на урочище двух казаков — Татарникова и Исаева — сопровождать отца заявителя Цаган Кюбень Кирипова. Казаки по возвращении доложили, что «нашли в стаде У. Церенова несколько старых баранов перемеченных недавно, так, что у них еще не зажили уши» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 23].

Казак по фамилии Татарников при опросе заявил, что на дороге, ведущей в хотон У. Церенова, встретил работника Ц. К. Кирипова Убуши Дензенова, который сообщил ему, что после приезда Исаева и Кирипова в хотоне Церенова произошел конфликт. Прискакавший в хотон Татарников увидел, что У. Церенов со своими однородцами «бросаются

с ножами» на Кирипова». Отец пострадавшего заявил Татарникову, что «опознал» в их стаде пять баранов. Отправившийся к стаду Татарников действительно обнаружил там много баранов с отрезанными ушами, но в это время однохотонцы У. Церенова стали снова бросаться на приезжих. Опасаясь, «чтобы они не сделали убийства» Кирипов отправил казаков в Мочаги [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 26].

Дальше произошло необъяснимое. 24 октября 1870 г. Б. Ц. Кюбенев подал прошение на имя заведующего Мочагами Казанского, в котором сообщал, что он ошибался подозревая в краже своих баранов У. Церенова, поскольку доверился слухам, а пять баранов, которых его отец нашел в стаде ответчика, принадлежат, как выяснилось, У. Церенову. О похищенных своих баранах он ничего не знает, писал он, так как они потерялись «по времяни от плохого присмотра». В заключение проситель ходатайствовал о прекращении дела [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 25]. Это может говорить о том, что стороны договорились либо пойти на мировую, либо Б. Ц. Кюбенев был запуган У. Цереновым. Интересно, что попечитель Мочагов Казанский разбирательство по этому делу прекратил, несмотря на заявления казаков о нападении на них жителей хотона У. Церенова.

Странное поведение Казанского, по–видимому имело свои причины. Можно только предполагать, что в Калмыцкой степи в условиях безграничной власти УКН, обнищавшего и неграмотного населения, существования устойчивых патриархальных связей, угон скота оказался выгодным делом. Угонщики скота вероятно, вступали в коррупционные связи с чиновниками и служащими УКН, по крайней мере, на низовом уровне и осуществляли свою преступную деятельность в тесном взаимодействии с покупателями краденного. Даже пойманные и уличенные угонщики скота часто уходили от ответственности за уголовное преследование. Так, 12 мая 1875 г. калмыки Икицохуровского улуса Зюнова

рода во главе с Мууза Зунгруевым ограбили и отняли скот у калмыка Д. Аликова [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 12]. А 22 апреля 1878 г. казак Манычской команды П. Пичугин докладывал, что при конвоировании арестованного преступника Мууза Джунгруев необъяснимым образом совершил побег [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 69].

В 1917 г. правительственный комиссар калмыцкого народа Б. Э. Криштафович, описывая ситуацию с кражей скота в Калмыкии, сообщал, что «профессионалы-скотокрады чрезвычайно редко оставляют в руках правосудия улики, достаточные для привлечения их к законной ответственности». Со временем преступники, пользуясь своей безнаказанностью и связями с администрацией, стали заниматься вымогательством. Как писал Б. Э. Криштафович, «иногда скотокрады бывают даже известны населению, и, устрашая его своей недосягаемостью для законных властей, вынуждают беспомощного скотовода обеспечивать сохранность своих стад ценою откупа». Большинство уголовных дел о краже скота заканчивались либо прекращением дела, либо оправданием скотокрадов, а затем следовала месть «по отношению к свидетелям со стороны обвиняемого или даже по отношению к потерпевшему» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 59. Л. 2].

Таким образом, угон скота у калмыков постепенно превратился в сулящий очевидную выгоду вид уголовного преступления. Эволюция отношения калмыков к угону скота от «удачи» до преступления напрямую связана с естественным ходом социально-экономического развития Калмыцкой степи в составе Российской империи и массовым обнищанием калмыцкого населения. Своеобразной точкой отсчета в распространении угона скота в калмыцких улусах стала отмена обязательных отношений в 1892 г., так как до этого момента зайсанги все же удерживали своих подвластных от совершения преступлений подобного рода.

1.4. Жизнеобеспечение калмыков

В середине XIX в. главной отраслью экономики Калмыцкой степи оставалось кочевое скотоводство. Сокращение территорий калмыцких улусов вызвало кризис кочевого хозяйства, т.е. привело к резкому сокращению поголовья скота у калмыков. В Калмыцкой степи стали появляться обедневшие, так называемые «бесскотные» калмыки, которые были вынуждены заниматься отходничеством на рыболовные промыслы, соледобычу, а также в услужение и домашние работы. Так, в 1875 г. в докладной записке МВД указывалось, что калмыки в своей массе уже не являются скотоводами: 10 % калмыцкого населения Астраханской губернии занимается скотоводством, а 90 % — отходничеством на рыбные промыслы и добычу соли [РГИА. Ф. 381. Оп. 16. Д. 21283. Л. 20–30].

В качестве показателя степени развития кризисных явлений в кочевом хозяйстве калмыков можно привести снижение поступлений покибиточного сбора (албана), собираемого с калмыков-простолюдинов в пользу привилегированных сословий. Так, И. Бентковский приводил некоторые данные по сбору албана в Большедербетовском улусе в 1850 г., когда калмыки в том году продали скота на сумму в 15 520 руб. и почти полностью выплатили эту сумму в качестве покибиточного сбора [Бентковский 1870: 8]. О бедности простолюдинов Большедербетовского улуса свидетельствует тот факт, что в 1892 г. недоимки по албану составляли 18 800 руб. [Ташнинов 1973: 153]. Калмыцкие владельцы и чиновники УКН признавали эти недоимки безнадежными. Главный пристав П. З. Ленко еще в 1868 г. писал, что «При бедности в кочевом быту источников для материального благосостояния, калмыки не могут не стесняться этим окладом, не говорим уже о тех повинностях, которые ими исполняются, кроме того, в пользу владельцев» [Очерки 1967:

391]. Не случайно в докладной записке департамента общих дел Министерства государственных имуществ министру от 17 июня 1875 г. о поступлении сборов в 1874 г., указывалось на необходимость изменения системы обложения и уменьшения размера покибиточного сбора в связи с обнищанием народа и ростом недоимок.

Когда население калмыцких улусов все чаще стало уходить за пределы Калмыцкой степи, калмыцким нойонам и российским чиновникам необходимо было решить давно назревший вопрос — о взимании налогов и сборов с ушедших из улусов калмыков. Дело в том, что простые калмыки платили различные налоги и повинности в пользу своих аристократов, а также на содержание Управления калмыцким народом. По Положению 1834 г. был установлен покибиточный сбор (*албан*). С каждой кибитки (семьи) полагалось взимать по 28 руб. 50 коп. ассигнациями. Эта сумма распределялась следующим образом: 25 руб. поступали в доход владельца улуса, 2 руб. — в пользу аймачного зайсанга и 1 руб. 50 коп. определялись на содержание УКН. Следующее Положение от 23 апреля 1847 г. оставило без изменения размер албана, только расчет был переведен с ассигнаций на серебро. На протяжении всего XIX в. поступление сборов с калмыков неуклонно снижалось, что объяснялось кризисом кочевого хозяйства в Калмыцкой степи. Во второй половине XIX в. положение калмыков-простолюдинов еще более ухудшилось. Так, в докладной записке департамента общих дел Министерства государственных имуществ министру от 17 июня 1875 г. о поступлении налогов и сборов за предыдущий год указывалось, что обнищание калмыков и рост недоимок делают необходимым уменьшение размера покибиточного сбора.

Проблемы, связанные с жизнеобеспечением калмыцкой семьи усложнились в середине XIX в., когда в условиях все более углубляющегося кризиса калмыцкого кочевого ско-

товодства правительство стало рассылать циркуляры в калмыцкие улусы с требованием решить вопросы о средствах, необходимых для поддержания обедневших калмыков. Сенатор князь П. П. Гагарин, проводивший в 1844 г. ревизию калмыцкого управления, отмечал, что его эффективное преобразование невозможно без перевода калмыков на оседлость, потому что кочевая жизнь порождала в их среде болезни, бедность, разные противоправные поступки. Обоседление калмыков, по его мнению, должно было привести к росту их материального благосостояния, приобщению к русской культуре и православной религии. Указ от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» предусматривал создание 44 станиц у дорог, пролегавших через калмыцкие кочевья, в которых могли быть поселены по добровольному согласию калмыки всех сословий [Белоусов 2002: 120–133].

В ходе реализации государственной программы по заселению дорог на калмыцких землях УКН по инициативе Главного попечителя генерал-майора М. И. Тагайчинова вступило в активную переписку с улусными управлениями и наиболее авторитетными представителями калмыцкого народа. Так, 23 марта 1849 г. М. И. Тагайчинов разослал улусным управлениям циркуляр, в котором указывал, что планирует «водворение калмыков», поскольку министр государственных имуществ П. Д. Киселев дал разрешение на то, чтобы обедневших и «разстроившихся от падежа скота» калмыков из казенных улусов «водворить с выдачей из казны без возврата пособия в такой мере, что они имели уже все необходимое к хозяйству и хлебопашеству» [НА РК. Ф. 42. Оп.1 Д. 39. Л. 2].

Все необходимое, по мнению Главного попечителя, заключалось в том, чтобы калмыки получили дом, нужное число «домашнего и рабочего скота», а также земледельческие орудия, повозки и упряжь. Основным объектом перевода

на оседлый образ жизни он считал калмыков, не имеющих скота и проживающих по «разным селениям в услугах», что позволило бы вернуть в Калмыцкую степь калмыков, которые проживали за ее пределами. М. И. Тагайчинов считал, что калмыки без контроля «развращаются», а также лишаются возможности соблюдать буддийские обряды и ритуалы. Единственное, что требовал министр государственных имуществ, давший разрешение на переселение калмыков, так это определить необходимую сумму, которая не должны была превышать сумму общественного капитала УКН.

В связи с обсуждением вопроса о «водворении обедневших калмыков» интерес представляет переписка между Главным попечителем и Ламой калмыцкого народа. 23 марта 1849 г. М. И. Тагайчинов направил Ламе калмыцкого народа письмо, в котором спрашивал об условиях, на которых было возможно привести разорившихся калмыков к оседлости, и сообщал, что правительство желает обедневших «от несчастных случаев» водворить, если они «сами добровольно пожелают и при том согласятся на снабжение всем необходимым для устройства жилищ и для обзаведения хозяйства» [НА РК. Ф. 42. Оп.1 Д. 39. Л. 2]. 15 апреля 1851 г. Лама калмыцкого народа прислал ответ Главному попечителю калмыцкого народа, в котором привел примерное количество домашних животных, необходимых для жизнеобеспечения калмыцкой семьи: «Чтобы доставить безбедное содержание, кибитку и одежду, на одну кибитку калмыков потребно следующее: если в кибитке на всякую душу (т. е. на одного человека) иметь по одной дойной корове, около ста баранов, под вьюк три верблюда, одну лошадь, эта кибитка называется безбедной» [НА РК. Ф. 42. Оп.1 Д. 39. Л. 8].

Покупку одежды, выплату денежного налога — *албана* и отбывание других повинностей в пользу калмыцкой аристократии, как считал Лама калмыцкого народа, калмык,

если он человек «*неразвратный*», мог совершать, продавая излишки крупного рогатого скота и баранов, а «на лошади он может исправлять все свои потребности». Важным обстоятельством в жизнеобеспечении калмыцкой семьи, по мнению Ламы калмыцкого народа, являлось наличие у семьи крупного рогатого скота, который служил основным источником молочной пищи. Так, он сообщал, что ежегодно с апреля и до сентября калмыки «довольствуются молочною пищей как то: маслом, кислым молоком и приготовляемым из сего последнего *шуурмуком* (сушеное кислое молоко)», а в прочие шесть месяцев им «потребно около одной с половиною четверти муки на душу» [НА РК. Ф. 42. Оп.1 Д. 39. Л. 9].

В конце своего письма Лама калмыцкого народа указывал минимальное количество скота, необходимого для жизнеобеспечения калмыцкой семьи: «для людей, не имеющих скотоводства <...> дать сначала на каждыя две души корову и 10 овец, то при умеренном и скромном употреблении на свое продовольствие может так же оное умножить» [НА РК. Ф. 42. Оп.1 Д. 39. Л. 9]. Он также приводил примерную стоимость скота, которая, по его мнение, определяется временем покупки. Так, весной 1851 г. стельная корова продавалась в среднем за 40 рублей ассигнациями, а суягнятая овца — за 10 рублей ассигнациями [НА РК. Ф. 42. Оп.1 Д. 39. Л. 9].

В 1871 г. Хошеутовский улусный Зарго представил в Главное управление калмыцким народом результаты ревизии по вопросам опеки над аймаком умершего зайсанга Теленгитова рода Эрдени Амур Тегусова и над его сыном Санджи Ара Эрдениевым, проведенной в 1869 г. Из материалов ревизии выяснилось, что никакой собственности и скота в хозяйстве не было. Деньги, полученные опекуном Ольга Текиевым в качестве податей, он потратил на «покупку вещей для наследника». Траты опекуна на содержание сына Тегусова дают нам возможность рассмотреть примерную стоимость и количество ткани на самые необходимые вещи в калмыцком быту. Это кошмы для кибитки — 5 руб. 90 коп., два мешка пшеницы — 10 руб., две пары сапог — 4 руб., 28 аршин холста на четыре рубашки — 4 руб. 20 коп., 36 аршин «нанки кубовой» на 4 пары шаровар и бешмет — 5 руб. 40 коп., летняя фуражка — 1 руб., нитки и иголки — 1 руб. 12 коп. Всего на сумму 37 руб. 62 коп. [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 43]. Примечательно, что отчет опекуна о потраченных средствах был написан на татарском языке. Обращает на себя внимание тот факт, что представитель высшего сословия, судя по отчету, носил обычную фуражку в качестве головного убора, а употребление им растительных продуктов ограничивалось двумя мешками пшеницы в год.

В том же 1871 г. землемер Лесного отделения Иванов подал рапорт, в котором указал, что земли за Волгой отданы в аренду «киргизам», а владелец Буюнтуков со своими 62-мя кибитками проживает там только во время зимы, а с наступлением весны откочевывает «на урочище Боро-Сандык и Гурт, и урочище Дорин-Терей» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 131. Л. 11–12]. Поэтому на основании инструкции от 23 апреля 1847 г. ему как владельцу полагается 400 дес. земли, его родственникам — аймачным и безаймачным зайсангам — 200 дес. земли на семью, калмыкам-простолюдинам — 120 дес. земли на семью (исходя из нормы 30 дес. на душу, по 4 человека в кибитке) [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 131. Л. 12]. Также ему было объявлено, что согласно §7 он должен выдать «вспомоществование» своим подвластным на водворение по 150 руб. серебром. В случае неимения таких денег он мог взять эту сумму из фонда УКН с уплатой их в рассрочку на 10 лет [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 131. Л. 12об.]. 4 января 1862 г. Буюнтуков снова подал прошение Главному попечителю, в котором жаловался на то, что казахи разнесли и разграбили его дом, похитили его сено. Он писал, что «лишась деревянного дома и <…> топлива в настоящую стужу живу с

малыми детьми и престарелою матерью в кибитке и зябну, а скотина находится без корма <...> я ныне до того стеснен, что умираю» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 131. Л. 18]. В конце концов многочисленные его обращения увенчались успехом — 18 марта 1864 г. Д. У. Буюнтукову были предоставлены земли близ урочища Цаган Аман [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 131. Л. 65].

Отдельно стоит рассмотреть состояние системы оказания медицинской помощи в калмыцких улусах. Так, в 1892 г. эпидемия холеры унесла жизни 1845 человек [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 10]. 5 августа 1892 г. врач УКН А. Прошин подал рапорт на имя Главного попечителя, в котором описал последствия эпидемии в урочище Яшкуль Икицохуровского улуса: «вблизи ставки Икицохуровского улуса <...> при осмотре найдено несколько семейств, оставшихся без всякого пропитания за смертью мужчин. Положение этих несчастных критическое: родственники их, откочевавшие в глубь степи, отказываются взять сирот до прекращения эпидемии». Он же сообщал, что заведующий улусом Росинский отказался помогать сиротам, ссылаясь на неимение материальных средств и жилья для сирот [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 61].

В 1892 г. в отчете УКН указывалось, что большая часть калмыков «благодаря своей кочевой-номадной жизни, своей умственной неразвитости продолжают верить в силу знахарей и весьма часто обращаются к гелюнгам, которые эксплуатируют в этом случае калмыков и наносят явный вред» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 61]. О религии «ламаитов» чиновники писали, что «она есть от апатии, рутины и невежества», правда, особой истовости и фанатизма у калмыков они не отмечали [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 19]. В отчете УКН за 1894 г. упоминалось, что калмыцкое население до сих пор верит во «врачебное искусство знахарей» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 9].

По другому складывалась ситуация с развитием образования в Калмыкии. В середине XIX в. чиновники УКН писали, что «калмыки, кроме некоторых владельческих и зайсангских фамилий науками не занимаются» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 59]. В 1868 г., кроме двух училищ в Астрахани, школы имелись «во всех улусах и в Мочагах», в которых обучалось по 30 мальчиков. На содержание школ выделялось по 1 200 руб. в год из фонда общественного капитала в казенных улусах и из албанного сбора — во владельческих. Проблема с набором учащихся не стояла перед школами, поскольку всегда находились желающие учиться, поэтому чиновники из УКН вполне обоснованно видели в этом «желание к распространению между молодым поколением грамматики и языка». Также немалое количество детей получало домашнее образование у буддийских священнослужителей и зайсангов [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 18].

В 1886 г. Малодербетовская улусная школа содержалась частично на средства нойона Тундутова, который ежегодно вносил 2000 руб., и за счет мирских сборов в сумме 367 руб. Другие пять школ, функционировавшие в Калмыцкой степи, содержались за счет общественного капитала [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 94. Л. 8]. Также за счет общественного капитала в Казанском ветеринарном институте учился безаймачный зайсанг Бадмаев [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 94. Л. 33].

Таким образом, меры, предпринятые по проведению в жизнь указа «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» в середине XIX в., позволяют нам рассмотреть основные условия, которые были необходимы для жизнеобеспечения калмыцкой семьи — минимальное количество скота и наличие оседлого жилища. Главными признаками улучшения жизни стало преобладание крупного рогатого скота в хозяйстве калмыков и увеличение численности стационарных глинобитных построек в Калмыцкой степи.

1.5. Хозяйственный быт калмыков на рыболовных промыслах

Хозяйственный быт калмыков-скотоводов был типичным для подавляющего большинства населения Калмыцкой степи вплоть до начала XX в. Однако, начиная с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. периодически повторявшиеся суровые зимы ускорили процесс массового обнищания скотоводов. Вопрос о калмыцкой бедноте ККД решало через устройство ее на рыболовные промыслы, хотя ККД не скрывала, что калмыки получают за свой труд «умеренную» плату и подвергаются повышенной эксплуатации со стороны нанимателей [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 368. Л. 5]. Разоренные калмыки были вынуждены наниматься на рыболовные промыслы. В конце XVIII–XIX в. отходничество на рыбные промыслы стало приобретать все более массовый характер. Как писал К. И. Костенков, калмыки стали чаще наниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда «чрезвычайная гибель скота лишила калмыков всяких средств к существованию» [Костенков 1868: 141]. С 1840-х гг. центром найма на рыбные ловли стал так называемый Калмыцкий Базар, расположенный недалеко от г. Астрахани. Обедневшие калмыки стекались из разных улусов в Мочаги, откуда наемщики и поставляли основную рабочую силу на рыбные и соляные промыслы. Например, в 1875 г. в Мочагах скотоводством занимался всего один безаймачный зайсанг [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 60].

С середины XIX в. число калмыков, уходивших в рыболовные ватаги, по официальным данным, достигало 9000 человек. В 1863 г. К. И. Костенков указывал, что количество калмыков, занятых на рыбных промыслах, составляет примерно 6000 человек. При этом он подчеркивал, что и эти количественные данные нуждаются в пересмотре, поскольку

часть калмыков нанимается к рыбопромышленникам без контракта и без билета. Сам К. И. Костенков считал, что численность калмыков, идущих в наем на рыбные промыслы, составляет более 10000 чел [Костенков 1868: 144]. Попечитель Мочагов писал, что на территорию вверенного ему управления стекаются калмыки со всех улусов, чтобы заниматься рыболовством по берегам Каспийского моря. На 1 января 1875 г. в Мочагах находилось 2 636 кибиток, из которых 679 кочевали в Мочагах, а остальные 1957 кибиток оставались на рыбных промыслах. Также в Мочагах находилось до 1 500 кибиток принадлежавших «прикочевавшим по бедности для работы на промыслах по билетам» из других улусов [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 55]. Так, в 1893 г. калмыки Керетова рода, которые ранее проживали в Эркетеневском улусе, сообщали, что «с давних времен мы со своими семействами проживаем по бедности, в Мочагах, нанимаясь постоянно в работы на рыболовных промыслах». И, желая навсегда остаться на рыбных промыслах, они подали в УКН прошение о зачислении их семей по переписи 1876 г. из «Степнаго в Мочажное ведомство» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 51. Л.1].

К концу XIX в. калмыки стали одними из основных работников на промыслах, они составляли четверть всех рыболовных рабочих астраханского края. Калмыки составляли 97 % всех неводных рабочих — 6359 из 6825 человек. Занимаясь самым низкооплачиваемым трудом неводных рабочих, калмыки быстро освоили непривычный для них промысел. В последующие годы при найме рабочих рыбопромышленники стали отдавать предпочтение именно калмыкам за их неутомимость и неприхотливость. Как писал В. В. Воробьев, «нижневолжские рыбопромышленники считают калмыков лучшими неводными рабочими» [Воробьев 1903: 19].

Во второй половине XIX в. найм калмыков на рыболовные промыслы приобрел устойчивые формы. Так, по данным 1885 г., на рыбные промыслы в основном нанимались жители Яндыко-Мочажного (7767 чел.), Багацохуровского (147 чел.) улусов и Калмыцкого Базара (1894 чел.), при этом они старались наняться на рыболовные промыслы астраханского купца 1 гильдии А. А. Сапожникова (к нему нанялись 5344 чел.) и братьев Воробьевых (1601 чел.). Часть калмыков была нанята братьями Хлебниковыми, братьями Комовыми, купцами Платоновыми, купцом Новиковым и др. Весенняя путина длилась с 2 февраля, с момента вскрытия р. Волги ото льда, по 9 мая, а осенняя путина — с 1 июля по 6 декабря, когда р. Волга покрывалась льдом. Также были еще летняя и зимняя путины [Житецкий 1892: 152].

Рыболовные заведения Астрахани были трех видов — морские ватаги, речные ватаги (оба вида ватаг имели постоянные казармы для неводных рабочих, ледники, амбары и т. д.) и «ловецкие станы» — самые мелкие предприятия, которые не имели ледников и амбаров, а их рабочие жили в шалашах. Поскольку рыболовные «заводы» были устроены по типу мануфактур, где широко применялся труд наемных рабочих, то здесь существовала своя специализация труда. На рыболовных промыслах калмыки делились на две группы: неводные, которые собственно производили лов рыбы, и промысловые (или ватажные), которые участвовали в разделке, посоле, вялении, сушке, выделке клея, в обработке икры, изготовлении посуды для рыбы, охране складов. Калмыки чаще шли в икрянщики (т. е. в изготовители икры), жиротопы, клейщики и т. д. Отдельно надо выделить небольшую группу калмыков, которая нанималась на более оплачиваемую работу — надзирателей, охранников и т. д., несмотря на существовавшее негативное отношение к этим специальностям [Ослянников 1856: 8].

Рыбацкие профессии делились на три категории: подрядчики, специалисты рыбного дела (солельщики, неводчики, пятчики), неводные рабочие (самая низкооплачиваемая профессия). Большей частью калмыки устраивались подрядчиками, носовщиками, неводчиками, пятчиками и простыми рабочими. Неводчики управляли рыболовными снастями, т.е. вымеряли глубину, на которой предстояло ловить рыбу, выпускали невод, контролировали полностью весь процесс «метания» невода. Пятчики (обычно физически самые крепкие рабочие) укрепляли «пятным» колом невод на берегу. Рыбопромышленники нанимали калмыков, «знающих неводную работу», и возрастом «не моложе 20 лет и не старше 50-ти лет» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

Нанимали калмыков в основном артелями. Большая артель обычно состояла из 70 человек, возглавлял ее подрядчик, который вел переговоры с купцом от имени артели. Кроме него, в артель входили 5 неводчиков, 5 пятчиков и 60 неводных рабочих. Артель, которая выходила в море, была меньше. В ее состав входили 1 подрядчик, 1 солельщик, 1 неводчик, 1 пятчик, 10 неводных рабочих, 2 кормчих, 13 весельщиков. В артель старались не брать людей старше 50 лет и моложе 18 лет, поскольку они получали плату вдвое меньше. Малая артель состояла из семи человек [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

За сутки большая артель должна была сделать по пять тонь, т. е. пять раз вытянуть невод. Условия труда были крайне тяжелыми, ночью в камышовых плавнях летали тучи комаров. Зимой невод приходилось тянуть подо льдом, тогда количество тоней сокращалось до двух. Работа продолжалась с 5 часов вечера до 5 часов утра. Днем рабочие занимались починкой сетей. Невод по окончании тяги всегда просушивали и чинили. На один невод полагалось 12–18 рабочих и 2 специалиста: неводчик и пятчик (на судне он заме-

нялся носовщиком). Этот состав назывался «комплект». За неисполнение полагался штраф по 15 руб. серебром за каждую пропущенную тоню. Штрафы налагались и за неявку на работу — по 60 коп. в день на человека. Пойманную рыбу артель сдавала на промысел. Нередко система штрафов приводила к тому, что артель оставалась еще и должна хозяину. Ловили рыбу на берегу, на плотах или с лодок «бударок». Если рыбаки находились в море, то все снасти и припасы хранились на специальных плотах [Житецкий 1892: 160]. В других случаях рыбопромышленники просто вычитали поденную плату за пропущенный день [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

Калмыки получали плату двух видов — поденную и в зависимости от количества выловленной рыбы. Заработок зависел от работы, которую они выполняли на рыбных промыслах. Подрядчики получали от 40 до 65 руб.; носовщики, неводчики, пятчики — от 33 до 60 руб.; простые рабочие — от 30 до 57 руб. Работа на осенней путине оплачивалась на 30 % больше. За рыболовный сезон рабочий мог заработать примерно 210 руб. [Житецкий 1892: 160]. Если рабочий на промыслах заболевал и в течение трех дней не выздоравливал, его отправляли домой или в местную больницу. Взамен артель обязывалась заменить его здоровым работником или вернуть деньги. Так же поступали, если рабочий сбегал с промыслов, получив задаток. Расчет производился по окончании лова. П. Небольсин, изучавший условия труда калмыков на рыбных промыслах в 1850 г., пишет, что, «забирая у хозяев хлеб и снасть в счет денежной выдачи и в надежде на будущий заработок, калмыки по большей части остаются в недолове и, следовательно, в долгу у хозяина» [Небольсин 1852: 65]. При таком положении дела на следующий год калмык был вынужден идти к тому же хозяину в надежде, что новая путина будет для него более благоприятной, но очень

часто это приводило лишь к усилению долговой зависимости от предпринимателя.

Были случаи, когда артель получала хозяйские орудия лова и сдавала рыбу ему же по цене за сотню. Например, судак мерный (т.е. больше 8 фунтов весом) шел по цене 15 руб. за 100 штук, а полумерный (т.е. менее 8 фунтов весом) 7 руб. Лещ, жерих, щука и сопа шли по цене 1 руб., чехонь мерная стоила 75 коп., полумерная — 25 коп., сельдь мерная — 1 руб. 50 коп., вобла и тарань по 10–15 коп., стерлядь — 5 руб., берж — 2 руб., лосось и белорыбица — по 5 коп. за штуку, тюлень — 20 коп за штуку, сазан — 20 коп. за пуд, сом — 70 коп. за пуд. Икра красной рыбы оценивалась в 1 руб. 20 коп. за пуд. Иногда по договоренности калмыки доставляли рыбу сразу на астраханский базар («*исады*»), и после ее распродажи вся прибыль делилась пополам с хозяином.

Быт калмыков, их питание на промыслах во многом зависели от них самих. Каждый получал на питание 3 фунта хлеба и 1–4 штуки мелкой рыбы частиковых пород. Лишь некоторые купцы дополнительно отпускали 1 фунт пшена. Отдельно выдавали дрова для приготовления пищи. Например, купец Сапожников на сезон отпускал ржаной муки — 7,5 или 5 пудов, кирпичного чая 1 доску, а на день выдавал 3 фунта печеного хлеба, мелкую рыбу или 2/3 фунта пшена в случае ее отсутствия. Поэтому для приготовления пищи с каждой артелью кочевала одна кибитка-кухня. Пищу готовила обычно жена одного из рабочих, который за это получал отдельный пай. Находясь постоянно в воде, калмыки одевались в кожаную куртку «*кожух*», кожаные брюки и кожаные чулки «*бахилы*», на которые надевались кожаные башмаки «*поршни*» [Ослянников 1892: 9].

Выдаваемое продовольствие порционно также разнилось в зависимости от профессии рабочего. Так, неводчик

получал «чаю кирпичнаго по одной доске на человека», пятчик — «муки рожанной 2 пуда 20 фунтов, чаю кирипичнаго по одной доске», остальные рабочие — «чаю кирпичнаго по ½ доске, и хлеба печенаго по три фунта в сутки на каждаго человека» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 38.]. Также калмыки могли брать для пропитания мелкую частиковую рыбу, если же они брали для себя крупную рыбу или раздавали ее, то рыбопромышленник вычитал с рабочих сумму с украденной в три раза больше ее стоимости [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37об.].

Питание калмыков, занимавшихся рыбной ловлей, со временем претерпело изменения. В 1875 г. попечитель Мочагов писал, что «калмыки летом и зимой продовольствуются мелкой рыбою, молоком, из которого делают *шюрмюк*, и мукою, покупаемою в Астрахани» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 59–60].

В качестве специальной одежды каждый рабочий обычно на сезон получал две пары обуви, *поршни*, *вачуги* или *бахилы*. Иногда выдавались и портянки. По окончании контракта всю одежду сдавали, а в случае ее утери или порчи платили штраф. Другие рыбопромышленники выдавали рабочим «по одной паре бахил, по одному полукожану, по одной паре поршон и сукна вачужнаго на одну пару вачуг в путину на каждаго человека» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37об.].

Таким образом, рыбная ловля как вспомогательная отрасль хозяйства всегда отмечалась у калмыков, но ее развитие во второй половине XIX в. во многом было связано с социально-экономическими процессами, в ходе которых часть семей калмыков-скотоводов подверглась разорению. Отходничество на рыбные промыслы вызвало изменения и в материальной культуре калмыков.

1.6. Жилище у калмыков

Традиционным жилищем калмыков долгое время была кибитка. В начале XIX в. главной отраслью калмыцкого хозяйства являлось отгонное скотоводство. В условиях постоянных кочевок наиболее пригодным жилищем была кибитка. Как видно из документов 1831 г., для транспортировки кибитки требовалось шесть верблюдов [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 132. Л. 2]. Она легко и быстро собиралась и разбиралась, легко перевозилась, так как почти все ее части складываются.

На протяжении XVII–XVIII вв. этот тип жилища не подвергался никаким изменениям. Так, путешественник Д. Перри в начале XVIII в. писал: «Обыкновенные палатки, в которых Калмыки и прочие Татары живут и перекочевывают с места на место, сделаны из небольших дощечек, сложенных вместе наподобие решетки, они имеют форму голубятни, и одна дощечка приспособлена к другой таким образом, что, когда вытащат колья, которые прикрепляют их к земле, вся палатка для укладки не требует много места. Палатки эти покрываются войлоком; это очень легкая ткань, <…> она толщиною более чем в полдюйма, и предохраняет от холода столько же, сколько и от дождя. В палатках этих устроено два отверстия: одно служит вместо двери, а другое, находясь на верху, пропускает дым, когда на средине палатки разводят огонь. На ночь Калмыки укладываются спать около стен на постели, состоящей из куска войлока, который для этого употребления ткут вдвое толще того, которым покрыта палатка. Когда дверь заперта и верхнее отверстие заткнуто, то в палатке этой тепло, как в печи. Лица высокого звания имеют подобные же жилища, с тою только разницею, что <…> постель сделана из Персидской шелковой ткани, и палатка подбита подобной же тканью» [Перри 1971: 57].

Другой путешественник Д. Белл в 1715 г. отмечал мобильность кочевого жилища так: «Кибитки их <…> имеют коническую фигуру. Построены они из шестов, наклоненных один к другому, у коих вверху оставлено отверстие для принятия света и для выпущения дыма. Сии шесты укреплены поперек пробоинами, длиною от четырех до шести футов, кои приколочены гвоздями; а все сие прикрыто толстым войлоком и сукнами. Они мне показались лучше всех, сколько мне ни случалось видывать, ибо способны ко скорому поставлению, и столь легки, что один верблюд может их свезти пять или шесть» [Исторические 1936: 150]. Во второй половине XVIII в. мобильность кибитки отмечал и Л.-Ф. Сегюр: «Когда они оставляют место кочевья, то снимают покрывало, разбирают подставки, складывают решетку в связки и все это сваливают на телегу. Но если калмыки хотят только переменить место для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не расстраивая своего жилья, став внутри палатки и обращаясь все в одну сторону, приподымают на себя решетку и таким образом переносят эти легкие дома» [Сегюр 1989: 455]. Также Л.-Ф. Сегюр писал, что калмыки покрывали свои жилища не только войлоком, но и шкурами животных в частности верблюдов: «Этот остов накрывается верблюжьей кожею до земли. Покрывало это подымают с той стороны, которая защищена от ветра и солнца. Куски той же кожи служат вместо кровати и диваном» [Сегюр 1989: 458].

Во второй половине XIX в. кибитка конструктивно не изменилась, за исключением некоторых нововведений. Так, попечитель Малодербетовского улуса В. Хлебников заметил, что для перевозки кибитки стали употреблять возы, запряженные парой быков или верблюдом. Особо он отметил скорость разборки кибитки: «В течение часа может быть разобрана, сложена на один воз, запряженный парой быков или верблюдов». Также он отмечал, что в зимнее время «около кибитки устраиваются базы для скота; кибитки ставятся теснее друг ко другу» [НМРК. КП. 6795–13. Л. 27].

Кибитка состояла обычно всего из шести решеток: *терме*, двери, шестидесяти шестов *унин* и круглого дымохода *харач*. Конструкция кибитки позволяла делать жилище очень мобильным, так как почти все части складывались. Деревянный круг дымохода *харач* делался составным. Круг и дуги дымохода изготавливались из твердой древесины. *Харач* служил одновременно отверстием как для выхода дыма, так и для освещения кибитки. Сверху дымоход накрывался плотной кошмой, с которой на четыре стороны свешивались до земли длинные веревки, с помощью которых дымоход открывался и закрывался. Эта кошма называлась *чак* и имела 4-угольную форму, так что он мог накрыть его полностью. Ночью дымоход закрывался, при этом веревки натягивались и привязывались к среднему поясу. Когда шел дождь, верхнее отверстие закрывалось и для освещения кибитки открывали двери.

Шесты *унины* удерживали над кибиткой круг дымохода: острый конец каждого двухметрового шеста (их количество доходило и до 80) вставлялось в отверстие, сделанное в круге, а противоположный конец упирался в головку решетки и крепился с помощью ременной петли. На шесты укладывались сначала нижние, а затем верхние войлочные покрытия кибитки, привязанные веревками шириною в 1 или 1/6 пальца. Если шесты были ровные и прямые (какими они и должны были быть), то кибитка приобретала красивый и стройный вид, а снег и дождевая вода не задерживаясь на ней скатывались вниз.

Соединенные между собой решетки *терме* поддерживали *унины* и являли собой стены жилища, на которых держались шесты и дымоход. Кибитка обычной калмыцкой семьи состояла из шести *терме*. У представителей аристократии и духовенства кибитки могли иметь по 8 и более *терме*.

Решетка всегда делалась из ровных, одинаковых по длине и диаметру круглых оструганных шестов. Их укладывали крест-накрест, в местах пересечения сверлили сквозные отверстия, через которые пропускали тесьму из сыромятной коровьей кожи и завязывали узелки-кулачки с обеих сторон сквозных отверстий. Когда эти узелки-кулачки засыхали, они делались твердыми и упругими. Поэтому-то решетки легко складывались, что было удобно и при перевозке, и при собирании кибитки. Когда устанавливали кибитку, то сначала стыковали решетки между собой с помощью широкой тесьмы, сплетенной из верблюжьей шерсти и конского волоса, затягивая ее в местах соединений крепкими узлами. Все это покрывалось кошмами *ширдык.*

С южной стороны кибитки, между двумя решетками, крепилась вместе с косяками при помощи тесьмы двустворчатая дверь, створки которой открывались вовнутрь, а над дверью укреплялась войлочная накидка для защиты от ветра. Решетки красили масляной краской красного цвета, а дверь — разноцветными масляными красками. Наддверную накидку украшали вышитыми узорами. На ночь створки двери запирали деревянными щеколдами сверху, у притолоки, и снизу, у порога. Кошмы обыкновенно делали сами, деревянный остов кибитки приобретался в *хурулах*, монастырях, где работали плотники. Кибитки также покупали на ярмарках. Стоимость обычной кибитки в конце XIX в. достигала 80–100 руб. В эту цену входили: круг — 3 руб., двери — 3 руб., решетки — 15 руб. На ценность, кроме размеров кибитки, влияло еще и качество кошм. Более состоятельные калмыки покрывали свою кибитку лучшими белыми и прочными кошмами; у людей среднего достатка на кибитке были серые или черные кошмы (часто дырявые). У бедняков же кибитка или *джолом* покрывались кошмами совсем в небольшом количестве [НМРК. КП. 6795-13. Л. 32].

В центре кибитки всегда находился очаг, где большую часть дня и вечером горели кизяк или камыш. Над ним ставили треножник, на который обыкновенно ставился котел для приготовления пищи и чая. В конце XIX в. попечитель В. Хлебников так описывал внутреннее убранство: «Как раз против входа, <…> большей частью у северной стороны кибитки стоит деревянная кровать – одна покрытая несколькими слоями кошм, где обыкновенно спит сам хозяин кибитки с малолетними детьми, подле кровати на земле кладутся кошмы днем для сидения и работ, а ночью эта кошма служит постелью жене, которая обыкновенно не спит на кровати. В богатых кибитках над кроватью <…> стелится перина устраивается балдахин. По левую сторону кибитки у … кровати ставятся <…> барханы (т.е. бурханов) <…> и т.п. Далее у западной стены ставится обыкновенно шкаф, куда складываются пищевые припасы и другие вещи по хозяйству, шкаф покрывается ковром, на который ставят сундуки. Затем на левой же стороне при входе иногда держат <…> другую кровать, на которую кладутся гости, живущие в кибитке старики или старухи» [НМРК. КП. 6795–13. Л. 29].

Далее В. Хлебников пишет: «На правой стороне от входа кибитки обыкновенно ставят так сказать домашнюю утварь — котлы, ложки, кочерга, кожаные ведра бурдюки и т.п. Тут же обыкновенно ставят посуду наполненной молоком, вносят на стену мясо, затем там же стоит традиционная конусообразная кадка с поршнем, где постоянно содержат *арьян* и откуда семейные или гости могут получить пищу (и ночью) во всякое время дня. Тут обыкновенно пребывает хозяйка дома. По левую сторону двери вешают узду, седла, тут же иногда привязывают и телят, ягнят или даже взрослых коров, когда пастух желает сохранить этих животных от холода» [НМРК. КП. 6795-13. Л. 29].

Он подробно рассматривал, какие предметы находились в кибитке и в каком порядке они были расставлены: «При входе в кибитку (дверь на южной стороне — В.Б.), слева (а у калмыков это правая сторона — от сидящего в центре кибитки лицом к двери человека — В. Б.) стоит продолговатый комод с двумя дверцами и ящиками по обе стороны. По-калмыцки — это *укюг*. Раскрашен он разноцветными узорами. В него кладут самое ценное из утвари: фарфоровые чашки и тарелки, чашки из красного дерева, серебряную посуду, хранят и продукты. На дверцах — висячий замок. Сверху на *укюг* кладут в мешках из кошмы зимнюю одежду и постельные принадлежности (большей частью из кошмы), которыми пока не пользуются. Весь этот своеобразный склад накрыт ковром или рядном и называется у калмыков «бараном». А на ковер ставятся сундуки с различными вещами. Левее (или правее по-калмыцки), рядом со складом-бараном, на маленьком ящике, стоит буддийский молитвенник, похожий на цилиндрическое деревянное ведро с крышками вверху и внизу, сидящее на металлическом стержне и выкрашенное желтой краской, с полосками орнамента по краям и в середине. Внутри цилиндра находится пачка прямоугольных листков бумаги, на которых на тибетском языке написаны разнообразные молитвы. Цилиндр вращается, если потянуть за шнурок, привязанный у основания металлического стержня. Пожилые люди по вечерам крутили молитвенник и читали молитвы. Слова молитв — тибетские, а потому верующие не понимали их, механически произнося заученные тексты. Рядом с молитвенником стоит деревянная кровать девушки — дочери хозяина. В изголовье стоит домбра, а за ней, на земле, лежит сбруя коня и другие предметы и принадлежности хозяйства. С правой стороны от склада стоял маленький шкаф, на котором стоят светильники, деревянная чашечка для пожертвований предкам. Над шкафом висит ящичек, где хранится семейный молитвенник. Рядом со шкафом, справа, стоит деревянная кровать хозяина дома. Левее, возле кровати, находится высокая дубовая кадочка с металлическими обручами. Сверху кадочка покрыта деревянной крышкой, в которой имеется отверстие, куда входит ручка маслобойки. За кадочкой к шестам прикреплена свисающая на веревках подставка для посуды. Внизу, на земле, на треугольных подставках установлены малый котел для варки мяса, чая и другой пищи и большой чугунный котел, служащий для выгонки из кислого молока самогона, а также приспособления к нему» [НМРК. КП. 6795-13. Л. 29].

Условия жизни в кибитке были тяжелые. В зимнее время в ней было холодно, и калмыки постоянно поддерживали огонь в очаге и находились в теплой одежде. Температура в кибитках мало отличалась от температуры окружающей среды. Летом в кибитке немного прохладнее, но зато очень душно, зимой только немного теплее, чем снаружи. Многие исследователи отмечали специфический запах, свойственный калмыцкому жилищу: смесь запаха дыма от кизяка, кислого молока и скота. В дождливую погоду кошма кибитки часто промокала и пропускала воду. Когда намокшие кошмы высыхали, в кибитке резко повышалась влажность и появлялся «неприятный запах от сырых кошм». К тому же в дождливую погоду в кибитку на обуви постоянно вносилась грязь с открытого воздуха [НМРК. КП. 6795-13. Л. 28].

В летний период калмыки старались проводить время на чистом воздухе, прячась в тени кибитки, да и ночью часто спали всей семьей на открытом воздухе. Из этого В. Хлебников делал вывод о том, что «лучше того кибитка скорее всего защищает калмыка от ветра, дождя, снега и пыли, а не от холода». Он также писал, что «это было бы идеальное жилище по чистоте воздуха, если бы калмыки могли жить более опрятно и не разводить огонь посреди кибитки. Огонь, хотя

увеличивал тягу воздуха, но дым все-таки расходился по кибитке; но и при этих условиях чистота воздуха может быть названа удовлетворительной» [НМРК. КП. 6795-13. Л. 28].

Во время перекочевок, особенно зимой, когда потребность в кочевках была значительно меньше (скот кормили сеном), калмыки выбирали местность около озер, там, где рос камыш. Кибитка ставилась в местах, по возможности защищенных от ветра и зимних буранов. Для большего сохранения тепла кибитка у основания часто окапывалась землей, а в редких случаях покрывалась двойным слоем кошм. Обедневшие калмыки, которые не имели средств на покупку кибитки, приобретали только конусообразную часть кибитки *джолом*, некоторые не имели даже и этого и жили у родственников или однохотонцев.

Так, когда в 1874 г. умер аймачный зайсанг Харахусовского улуса Сангаджи Эрдениев, то он оставил своим наследникам довольно скромное домашнее имущество: «Калмыцкая кибитка о шести термах (т. е. решетках — В.Б.) 20 руб. сер. (серебром — В.Б.), таган и два чугунных котла по 2 руб. сер., два сундука (ветхие) по 50 коп. сер., калмыцкая постель с ширдыком и старым ковром 5 руб. сер.». Все его имущество было оценено на сумму в 20 руб. сер. [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 15. Л. 22]

Во второй половине XIX в. невозможность функционирования традиционной пастбищной системы привела к тому, что калмыцкое население стало постепенно переходить к полуоседлому и оседлому образу жизни. Основным признаком перехода калмыков к оседлому образу жизни стало наличие построек и деревянных домов. Так, в своем циркуляре М. И. Тагайчинов указывал на основные формы стационарного жилища, которые бытовали в середине XIX в. в Калмыцкой степи: дом из «камыша с обмазкой глиною» и дом из «земляного кирпича». Сложилась практика, когда в

летний период калмыки кочевали в степи, а зимовали в землянках.

С середины XIX в. у калмыков все большее распространение получает стационарное жилище. Так, в 1868 г. в отчете УКН указывалось, что «устроив свой скот на зиму, калмыки непременно строят себе землянку». Главной причиной называлось то, что землянка «обходится ему дешевле войлочной кибитки» [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 21]. Одними из первых к оседлому образу жизни стали переходить жители Хошеутовского улуса. Это было связано с тем, что в 1822 г. «дозволено было умершему владельцу Хошеутовского улуса полковнику Тюменеву купить землю в Енотаевском уезде у помещика Сушкова, называемую Черная гряда, для поселения калмыков» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 96. Л. 1].

В годовом отчете Астраханской палаты государственных имуществ за 1848 г. указывалось, что оседлые жилища в Калмыцкой степи составляют 335 домов и строений, из них 203 дома в Хошеутовском улусе и 79 домов в Малодербетовском улусе [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 56]. Позже, в 1868 г., в отчете УКН приводились такие данные: в Калмыцкой степи насчитываются 3 каменных дома, 597 деревянных, 30 глинобитных, 135 землебитных, 548 мазанок [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 60–61]. Переход к оседлому образу жизни способствовал появлению новых видов ремесел, таких, как печники, столяры и др., которые изготавливали самые сложные элементы дома — печи и окна [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 21].

В 1861 г. торгутский нойон Дорджи Убуши Буюнтуков подал прошение Главному Попечителю калмыцкого народа К. И. Костенкову, в котором указывал, что он имеет во владении 59 кибиток и «жительствуя постоянно более 40 лет с двумя моими родственниками, всего 62-мя кибитками» на урочище общего кочевья «Торгоутовского улуса» называе-

мое Хусн-Лу, где имеет деревянный дом, а его подвластные калмыки — турлушки (т.е. плетневые мазанки — В.Б.), там они занимаются покосами. Однако землемеры разделили урочище Хусн-Лу на пять частей и отвели лучшие места «киргизам» (т.е. казахам), не оставив для подвластных Буюнтукова места [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 131. Л. 8].

С середины XIX в. жилищное строительство в Калмыцкой степи испытывало на себе влияние архитектуры городов и сел Нижнего Поволжья, где местное население, по преимуществу русское, строило жилища из камня, кирпича и дерева, у него калмыки и перенимали опыт строительства стационарного жилища. Близость к реке и крупным городам позволяла калмыкам северных и восточных улусов строить деревянные и каменные дома. Однако в более отдаленных районах степи стоимость таких основных строительных материалов, как камень, кирпич, дерево, резко увеличивалась ввиду сложности транспортировки, что делало стационарное жилье недоступным для жителей западных и южных улусов. Так, в 1848 г. в Малодербетовском, Хошеутовском и Багацохуровском улусах был 291 деревянный и 19 кирпичных домов, в то время как в других улусах их число не превышало двух-трех [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 56]. Поэтому калмыки западных и южных улусов строили первоначально самые примитивные жилища — землянки. Только богатые люди жили в домах, нередко кирпичных или каменных, из нескольких комнат (зала, кухня, опочивальня и пр.), с крыльцом или верандой.

В развитии у калмыков стационарных жилищ наступил новый этап, когда в 1846 г. вышел указ «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». В калмыцких улусах появились первые крестьяне-переселенцы из Южной России и Украины. Выходцы из Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Екатеринославской и Таврической

губерний стали строить в Калмыцкой степи новый, ранее малоизвестный калмыкам тип жилища — саманную хату без потолочного перекрытия, или мазанку. Это было строение из глиняных кирпичей или хвороста, обмазанного глиной. Данный тип жилища к тому времени уже имел повсеместное распространение в северо-причерноморских степях, на Северном Кавказе и отчасти на Нижнем Дону. Переселенцы открыли для калмыков технологию изготовления саманного кирпича, который являлся основным строительным материалом. Теперь для постройки стационарного жилья больше не требовалось таких дорогостоящих материалов, как кирпич, камень, дерево, которые были доступны только для очень богатых людей [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 55. Л. 2].

О том, что саманный тип жилища был неизвестен калмыкам, говорит тот факт, что в отчете УКН за 1848 г. указывалось, что в Калмыцкой степи не было ни одной мазанки или другого глинобитного жилья [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 55]. А в 1868 г. в Калмыцкой степи насчитывалось уже 548 мазанок и 30 глинобитных строений, а также 3 каменных дома, 597 деревянных и 135 землебитных [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 60]. Жилище украинских и русских переселенцев представляло собой одно- , трёхкамерную глинобитную хату, побелённую изнутри и снаружи, с глинобитным полом, четырёхскатной соломенной, а также из камыша или дранки крышей. Однако в Калмыцкой степи нехватка дерева и других материалов диктовала калмыкам необходимость приспособления жилища к своим климато-географическим условиям.

Опыт строительства стационарного жилища калмыки осваивали постепенно, поэтому в условиях засушливого климата не сразу пришло осознание важности возведения фундамента. Дороговизна камня и кирпича приводила к тому, что часто калмыцкие дома либо не имели фундамента,

либо имели его в самой рудиментарной форме. Например, под стены клали деревянные чурки [ПМА]. Другой особенностью строительства было то, что стены жилища возводились из кирпича, который состоял из земли, содержащей значительную примесь глины, иногда смешанной с соломой (саман), но калмыки часто добавляли в кирпичную смесь и навоз.

Стены имели толщину от 35 до 60 см и клались с соблюдением перевязки на глинистом растворе. Иногда стены делались из плетня, обмазанного глиной. В Хошеутовском и Яндыко-Мочажном улусах население строило дома, в которых стены были из камыша, обмазанного глиной. Жилище в этом случае строилось по-другому. Сначала выставлялся каркас дома из столбов, которые вкапывали по углам, затем между ними по периметру ставились стоймя связанные пучки камыша, которые снаружи и изнутри обмазывались глиной. Стены обязательно белили известью снаружи и внутри [ПМА].

Крыша была четырёхскатной соломенной, а также из камыша или дранки. Крышу также сооружали из глины (делали каркас, который обмазывали глиной). С развитием промышленности на Северном Кавказе стали появляться заводы по производству черепицы. Поэтому в западных улусах Калмыкии, там, где была возможность, приобретали для крыши черепицу. Потолки делали из дерева или камыша. Пол повсеместно был глинобитный. Окна были небольшие деревянные размером примерно 40×40 см со стеклом. Дверь в доме была тоже деревянная. Калмыки жили большими кровнородственными группами, поэтому характерной особенностью в их домах было отсутствие на дверях замков и даже проушин для них. Обычно ставился крючок, чтобы дверь не открывалась во время сильного ветра. В остальное время дверь никогда не запиралась [ПМА]. По традиции дом

строился так, что дверь всегда была обращена на юг, как и у кибитки. У жителей приморских улусов дверь всегда располагалась по центру жилища. Это объяснялось тем, что печь у калмыков, как и очаг в кибитке, находилась в центре дома. Поскольку основным топливом в этих районах служил камыш, то он из-за своей длины просто не мог поместиться в небольшом помещении [ПМА].

Появление мазанок привело к кратковременному разделению Калмыцкой степи на две зоны жилищного строительства — жители северных улусов предпочитали строить дома из дерева, а жители южных улусов строили дома по преимуществу из глины (мазанки, землянки). Но уже к концу XIX в. глинобитный тип жилища преобладал почти во всех калмыцких улусах. Например, в 1875 г. в Хошеутовском улусе было 130 деревянных домов и 220 мазанок [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 420]. В конце XIX в. по Калмыцкой степи насчитывалось уже около 3 000 глинобитных домашних построек разных типов.

В эти же годы возник спор о принадлежности «Табун Аральской дачи». Подробные сведения об этом деле представил Уполномоченный Главным управлением калмыцкого народа Надворный советник Н. Новолетов, который сообщал, что в 1819 г. нойон Сербеджаб Тюмень решил купить у наследников чиновника Сушкова землю имения «Черная гряда». После долгих разбирательств в 1822 г. полковнику Тюменю разрешили приобрести указанные земли, но с условием приобретения их на «имя своего улуса» и оседлого заселения этих земель калмыками. В течение продолжительного времени Тюмени управляли этими землями исходя из своих предпочтений, пока в 1855 г. не был поднят вопрос о степени заселенности «дачи» калмыками. Выяснилось, что на даче в урочище Керде и островах проживают 130 семейств калмыков, у которых было 39 деревянных построек

и других зданий (мазанок, конюшен, лабазов для сена и загонов для скота) [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 350. Л. 41].

Необходимые пояснения по этому делу дала жена аптекарского помощника А. А. Каненберг (в девичестве Тюмень). Она сообщила, что в середине XIX в. на нагорной стороне р. Волга близ урочища Керден-Цеке нойоны Тюмени на свои средства построили около 40 «домиков с мазанками и лабазами для помещения зимой калмыков, занимавшихся сенокошением и рубкою дров для владельца <...> и выпасыванием крупного и мелкого скота». Но через три года калмыки отказались жить в домах и откочевали в степь [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 350. Л. 79]. После этого для покоса сена и рубки дров Тюмени стали нанимать рабочих. Из объяснений А. Каненберг становится понятно, что Тюмени насильно заселили эти земли калмыками, чтобы не лишиться этих земель.

К началу XX в. у калмыков насчитывалось 488 деревянных и 3 470 саманных жилищ и землянок; у 9 863 хозяйств имелись амбары, базы (скотные дворы) и котухи (хлевы) [Материалы 1910: 816]. Большая часть оседлого населения проживала в северной и западной частях Малодербетовского улуса, Хошеутовском улусе и юго-восточной части Яндыко-Мочажного улуса. Процесс перехода калмыков от кочевого к стационарному жилищу происходил на протяжении долгого времени, имел ряд переходных этапов. С середины XIX в. до начала XX в. у калмыков сложилась практика, когда в летний период они кочевали в степи, а зимовали в землянках.

Многие хозяева стали строить хутора с небольшими деревянными и глинобитными кухнями и базами для скота в близи от источников корма. Поэтому встречались семьи, имевшие два места жительства: одно — постоянное в общехотонном поселке, другое — временное, поблизости от заготовленных кормов. При этом, как правило, сам хозяин жил в поселке, а на хуторе находились его сыновья и работники. Уже к началу XX в. население Большедербетовского и Хошеутовского улусов почти полностью перешло на использование стационарного жилья, а в некоторых улусах вплоть до начала XX в. продолжала господствовать кибитка [Очиров 1925: 26, 44–45].

Таким образом, кибитка у калмыков на протяжении XIX в. практически не изменилась ни по конструкции, ни по своей планировке. Исключение составляет замена отдельных материалов при изготовлении деталей кибитки. Невозможность функционирования традиционной пастбищной системы привела к тому, что калмыцкое население стало постепенно переходить к полуоседлому и оседлому образу жизни. Основным признаком перехода калмыков к оседлому образу жизни стало наличие построек и деревянных домов. Сложилась практика, когда в летний период калмыки кочевали в степи, а зимовали в землянках. Во второй половине XIX в. в Калмыцкой степи появился свой тип глинобитного жилища, ставший результатом творческого заимствования у оседлых народов Северного Кавказа и Поволжья.

Глава 2.

Этнические и социальные процессы в калмыцком обществе

2.1. Социальный статус зайсангов в калмыцком обществе

В XVII в. войдя в состав России, калмыки до последней трети XVIII в. в неизменном виде сохраняли свою внутреннюю структуру, которая была характерна для всех кочевых монгольских народов. Только с начала XIX в. российская администрация стала проводить достаточно осторожную политику по приведению социальной структуры калмыцкого народа в соответсвие с общероссийской сословной системой.При этом на начальных этапах максимально использовался опыт функционирования традиционных социальных институтов кочевых народов. Все законодательные акты в области регулирования социальных отношений в калмыцком обществе подтверждали привилегированное положение аристократии, которое было зафиксировано еще и нормами обычного права.

Благодаря этому в первой половине XIX в. калмыцкое общество по-прежнему еще делилось на два основных сословия: неподатные — светские и духовные феодалы и податные — простолюдины. К первому относились нойоны,

зайсанги и члены их семей, а также представители буддийского духовенства[Батыров 2006]. Высокое социальное положение калмыцкой знати было обусловлено их административными функциями. На самом верху иерархической лестницы находились нойоны — владельцы улусов, затем зайсанги — правители аймаков. Согласно нормам обычного права, нойоныимели право передать один из своих аймаков в личное или наследственное пользование родственнику или простолюдину за особенные заслуги, что позволяло последним перейти в разряд зайсангов.По сообщению калмыцкого пристава К. Я. Ваценко, «за важные преступления зайсанговвладельцы имеют право отымать аймаки и отдавать их родственникам, а за неимением их посторонним достойным людям» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 14об.].

В. Бакунин, исследователь жизни и быта калмыков, писал: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы, и каждый улус имеет особливое свое звание и нойона, а у каждого есть по несколько зайсангов, из которых каждый имеет особливый свой аймак так, как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по несколько кибиток не по равному числу – в ином пять, десять и больше, а в ином и от несколько сот до тысячи и больше. По смерти же нойона улус каждого разделяется сыновьям его по частям, в том числе большому сыну против других его братьев достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливым улусом, а то же чинится и по смерти зайсангов с их аймаками» [Бакунин 1995: 34]. Примерно то же сообщали П. С. Паллас, К. Костенков [Паллас 1773, Костенков 1870] и другие исследователи. Но русское правительство внесло некоторые изменения в наследственное право калмыков, введя в обиход кочевой знати понятие майората Положением об управлении калмыками 1834 г. [Бюлер 1846: 27]. Отныне весь улус или аймак после смерти

его владельца без всякого дробления переходил в собственность старшего сына.

Относительно происхождения сословия калмыцких зайсангов в исторической литературе существует много мнений. Известно, что в XVII в. у калмыков, пришедших в Россию, управителями аймаков были зайсанги. Так, известный исследователь Ф. И. Леонтович считал сословие зайсангов служилым сословием. По происхождению он делил их на знатных, владеющих аймаками по наследству, и служилых [Леонтович 1880: 5]. В свою очередь барон Ф. А. Бюлер считал, что калмыцкие зайсанги ведут свое происхождение от калмыков-простолюдинов, которые получили свое звание за заслуги от главы буддийской школы Гелуг — Далай-Ламы, калмыцких ханов или нойонов [Бюлер 1846: 59].

Историк А. Г. Митиров заключал, что социальная группа зайсангов, различалась по своему происхождению. Он выделял три группы зайсангов: «родовые» зайсанги, т. е. те которые владели аймаком по наследству на протяжении долгого периода времени; зайсанги, которые свой аймак получили за заслуги перед нойонами; к третьей он относил тех, кто происходил из обедневших нойонов, которые целенаправленно отказывались от своего звания для получения во владение аймака [Митиров 2002: 66].

Здесь, уместно будет привести письмо малодербетовского нойона Менко Очир Тундутова от 3 марта 1844 г. к Главному попечителю, в котором он сообщал, что 1843 г. «зайсанг Хурманов в звание сие (зайсанга) возведен мною из Старшин за одобрительное управление, так как искони сим званием усердные из Старшин были награждаемы владельцами» [НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 74. Л. 3]. В документах за 1856 г. хошутского улусного управления также упоминается сложившийся обычай: «своих подвластных, которые приносили особенную пользу обществу, отличались умом и не

щадя жизни с усердием и верностью исполняли порученности владельцев, то таковых возводили по нашему закону в зайсангское звание с потомством, наделяя их аймаками, о чем делались словесные приказы» [НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 74. Л. 22].

Надо отметить, что в случае морганатического брака нойона с простолюдинкой их дети понижались в социальной иерархии калмыцкого общества и становились зайсангами. В 1821 г. хошутский нойон Серебджап Тюмень сообщал письмом Астраханскому губернскому уголовных дел стряпчему А. Сыромятникову, что по Степному уложению такие дети считаются зайсангами [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 171. Л. 30]. Истории также известны случаи браков зайсангов с представителями нойонского сословия. Так, в начале XIX в. багацохуровский зайсанг Онкор женился на дочери торгутского нойона Убуши [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 171. Л. 43].

Важной обязанностью зайсангов был сбор податей в пользу нойонов. Как свидетельствуют источники, калмыцкие нойоны ежегодно получали от своих албату в виде подати десятую часть от всего их скота. Кроме того, зайсанги в свою пользу также облагали податью рядовых кочевников своего аймака. При этом количество и размеры поборов не ограничивались. Зачастую подати, как это наблюдал И. Георги, дополнительно «собирались во время войны, княжеской свадьбы, или когда правители малых улусов хотели жить попышнее»[Георги 1895: 7].

Постепенно менявшиеся условия жизни калмыцкого народа после событий 1771 г. и более энергичное вмешательство в дела калмыков русского правительства вносили некоторые изменения и в положение высшего светского сословия в калмыцком обществе. Наиболее значимым событием в истории сословия зайсангов стало введение в действие Положения об управлении калмыцким народом 1834 г. [ПСЗ

РИ 1835: 456], согласно которому за зайсангами были признаны права личного потомственного дворянства и почетного гражданства. Следует отметить, что данный законодательный акт закреплял в калмыцком обществе принцип майората, менявший социально-правовой статус зайсангов. Теперь зайсангам запрещалось делить свой аймак между наследниками, его следовало передавать старшему сыну в роду.В калмыцком обществе появиласьновая социальная группа — безаймачные зайсанги.При этом аймачные зайсанги (т.е. владеющие аймаком) получали права потомственного почетного гражданина, а безаймачные зайсанги (т. е. не владеющие аймаками) — права личного почетного гражданина. Согласно материалам Первой всеобщей переписи 1897 г., численность потомственных и личных почетных граждан составляла 2 282 чеЛ.

Данный параграф Положения повлек за собой целую череду разбирательств, которые продолжались вплоть до 1892 г. По новому Положению, дети безаймачных зайсангов понижались в социальной иерархии и по сути, переходили в податное сословие. Этот вопрос оказался самым болезненым для представителей зайсангского сословия и привел к тому, что потомки аймачных зайсангов вплоть до 70-80–х гг. XIX в. доказывали в судебных инстанциях, что их отцы и деды были аймачными зайсангами до 1834 г., чтобы иметь право требовать аймак во владение или почетное гражданство [Митиров 1998: 68].

В подтверждение легитимности своей власти над аймаком каждый зайсанг обычно имел грамоту, полученную от владельца, хотя она могла и не сохраниться. Когда в 1855 г. два малодербетовских зайсанга по каким-то причинам не оказались в списках зайсанговподанных их владельцем, то один из них — Абганеровский аймачный зайсанг Джап Кутузов — в доказательство своей принадлежности к зайсангско-

му сословию представил Малодербетовскому попечителю Добронравову данную «в 1834 году <…>владельцем майором Э. Тундутовым и подписанную им самим и его печатью грамоту на желтой шелковой материи» [НА РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20. Л. 61]. Другой безаймачный зайсанг Зюнь Кобютова рода Шонкор Дорджиев доказывал свое «зайсангское звание» грамотой, полученной в 1823 г. от нойона Э. Тундутова, как он указывал «с приложением имянной его печати на имя отца моего Дорджи» [НА РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20. Л. 66].

Если аймачный зайсанг не справлялся со своими обязаностями или чем-то вызывал недовольство нойона, то обычно на аймачном сходе вместо него избирали опекуна из числа самих калмыков-простолюдинов. Нойон в этот процесс не вмешивался, поскольку к тому времени он уже не всегда мог влиять на положение в собственном улусе. Однако опекун в редких случаях получал право стать аймачным зайсангом. Так, в 1871 г. после смерти Харахусовского аймачного зайсанга С. Эрдениева его аймак в количестве до 700 киб. пришел в полное расстройство. По просьбе Харахусовкого владельца Дугарова УКН предписало на аймачном сходе избрать опекуна аймака. На сходе «хотонные старосты и выборные старики … единодушно положили для управления аймаком … первого демчея нашего улуса калмыка Бата-Насун Зунгруева» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 15. Л. 7]. Но в 1877 г. законным наследником был признан родной брат покойного — Л. Эрдениев, который получил право управлять аймаком, а опекун был отстранен от управления.

Справедливости ради стоит сказать, что российское правительство не нарушило основ старой административной улусо-аймачной системы калмыков, а только слегка подновило его, используя ее в своих интересах. Фактически русская администрация просто заняла место нойонов-улусовладельцев в калмыцком обществе, в подчинение ей ав-

томатически перешли аймачные зайсанги. Так, в 1891 г. зайсанг Шарнут-Чоносова рода Сюке Зундуев отправил в УКН письмо, в котором просил допустить его к управлению аймаком после того как он был уволен по болезни, т.е. зайсанг сносился с администрацией подобно тому, как ранее сносился со своим нойоном [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 125. Л. 48].

Калмыцкие зайсанги играли важную роль регулятора общественных отношений в калмыцком обществе. В отличие от нойонов они жили среди простолюдинов и не были так оторваны от своих подвластных. В глазах простых калмыков зайсанг был «отцом» и «защитником». Истории известны случаи, когда ради своих аймачных людей представители привилегированного калмыцкого сословия шли на определенные жертвы. Так, в отчете 1848 г. Ордынского отделения Астраханской палаты государственых имуществ указывается, что «зайсанги <...> имеют издревле обычай обычай помогать своим однородцам пришедшим по каким либо случаям в упадок и пищею и скотом» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 8]. Особый героизм проявил в 1848 г. во время страшной эпидемии холеры разразившейся в Малодербетовском улусе зайсанг Э. Джамбаев. В отчете Ордынского отделения Астраханской палаты государственых имуществ так описывается его подвиг: «во время существования в этом улусе холеры, не взирая на свойственный калмыкам панический страх при поражении их повальными болезнями, один только оставался при главной ставке (улуса), обращаясь всегда с больными, как отец с детьми и не оставляя (при помощи 10 своих слуг) ни одного из них без помощи, сам натирал их <…> лекарствами, <…> и потом, когда откочевала главная ставка на другое урочище, а оставшиеся на прежнем месте до 150 семейств не имели у себя ни подвод к перекочевке, ни пищи <…>, то Джамбаев по перекочевке <…> вернулся с пищею и скотом и доставил в ставку 84 семейства» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 9]. За этот подвиг Э. Джамбаев был представлен к награде. Во время эпидемии холеры 1848 г. погибло все семейство нойонов Тундутовых — улусовладелец Деджит Замбо, его жена и сын.

Так, согласно данным 1837 г. калмыцйфкая знать состояла из 102 представителей нойонского сословия и 1 054 зайсангов и членов их семей, простолюдинов насчитывалось примерно 58 тыс. чел. [Материалы 1839: 7]. К 1892 г. т. е. накануне отмены зависимых отношений, нойонов было 34 чел., зайсангов – 3 390 чел., простолюдинов – 130 тыс. чел. [Бурчинова 1980: 81]. К 1914 г. нойонов было 32 чел., зайсангов – 2101 чел., простолюдинов – 139 тыс. чеЛ. [Команджаев 1999: 247]. Следует отметить, что в XIX в. общее число зайсангов в калмыцком обществе не превышало двух процентов от численности всего населения.

Таким образом, рассмотрев социальное положение калмыцких нойонов и зайсангов в XIX в., можно отметить, что в результате целенаправленных действий российской администрации в калмыцком обществе появилась новая социальная группа — безаймачные зайсанги.

2.2. Дербеты: численность и этническая структура

Дербеты являются одним из основных этнических подразделений калмыцкого народа, в прошлом входившим в состав ойратов. Отдельно надо сказать о термине «дербет», который также остается не до конца изученным. Профессор У. Э. Эрдниев считал, что термин «дербет» не являлся этнонимом, а представлял политическое объединение, состоявшее из разнородных племен, как правило, монголоязычных и отчасти тюркоязычных [Эрдниев1970].

Вопрос о появлении дербетов на Волге остается малоизученным до настоящего времени. Так, В. М. Бакунин писал, что «в 1672 г. или 1673 г. вышел из Зенгории на Волгу дербетев владелец — зенгорских владельцов родственник — Солом Серень Тайши с сыном своим Менко Темирем в четырех тысячах кибиток улусных своих калмык и поддался торгоутовскому владельцу Аюке»[Бакунин 1995: 25]. В начале XIX в. дербетская владелица Тарза подтвердила данные В. М. Бакунина, за исключением даты события, когда в своем письме упомянула, что «прошлого 1673 или 1674-го года Дербетев владелец Зенгорских владельцев родственник Солом Церен тайши с сыном своим Менкотемером в 4000-х кибиток улусных калмык вышел из зенгории то есть ис китайской протекции в здешнее подданство»[ГА АО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 147. Л. 23]. По мнению Г. О. Авляева,Солом-Церен попал на Волгу в 1642 г. в малолетнем возрасте, а сама цифра 4 000 кибиток отражает лишь общую суммарную численность всех дербетов на момент 1674 г.[Авляев 2002: 145].

В 1805 г. был произведен окончательный раздел Дербетовского улуса на Большедербетовский и Малодербетовский. К Малодербетовскому улусу (владелец Эрдени Тундутов) отошло 3 302 киб., а к Большедербетовскому (владелец Габун Шараб) — 603 киб. В дальнейшем Тундутовы и Гахаевы правили своими улусами вплоть до отмены зависимых отношений. В 1807 г. во время раздела Малодербетовского улуса от нойона О. Хапчукова к нойону Э. Тундутову откочевали 236 киб., а от Тундутова откочевало 800 киб. к Хапчукову [НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 106. Л. 18]. В 1861 г. Большедербетовский улус был передан в состав Ставропольской губернии.

Во второй половине XIX в. Большедербетовский улус занимал территорию в северо-западной части Ставропольской губернии, между реками Егорлык, Калаус и озером Маныч. Ставка улусного управления находилась на р. Большой Егорлык, близ с. Ивановское. Малодербетовский улус занимал территориютак называемых Ергеней, представляющих-собой ряд небольших возвышенностей, тянущихся с юга на север Астраханской губернии. Ставка улусного управления находилась близ с. Тундутово.

Проследить за динамикой численности населения в дербетских улусах — задача непростая и сегодня. Объясняется это узкой источниковой базой, что в свою очередь, имеет причиной бытование в калмыцком обществе представлений о запрете на пересчет населения и скота. Например, даже в 1858 г. хошеутовский нойон Ц.-Д. Тюмень в своей докладной записке по-прежнему пытался скрыть количество своих подвластных, мотивируя это тем, что «по древнему обычаю, никогда не было делано подробной переписи или ревизии <…>о количестве мужеска или женска пола душ» [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 96. Л. 55.].Долгое время дербетские нойоны подавали недостоверные данные о численности населения в своих улусах.

Так, в 1834 г. Малодербетовский улус владельца Деджит Замбо Тундутованасчитывал 3 470 киб.Следует отметить, что в улусе отдельно выделялся Абганеров род, принадлежавший владельцу Менко Очир Тундутову — 261 киб. Боль-

шедербетовский улус владельца Очира Хапчукова состоял из 588 киб.[Нефедьев 1834: 4]. В последующие годы численность Малодербетовского улуса составляла: 4 039 киб.в 1845 г.[РГВИА. Ф. 414.Оп. 1.Д. 14.Л.3]; 7.850 киб. в 1870 г. [НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1339. Л. 19]; 31 680 человек в 1875 г. [НА РК.Ф. 9.Оп. 2.Д. 17. Л. 15]. В 1876 г. Малодербетовский улус состоял из 6 996 киб., а южная часть Малодербетовского улуса — из 3 628 киб.[НА РК.Ф. 9.Оп. 1. Д. 94. Л. 51]. В 1885 г. в Малодербетовском улусе «числилось семейств, или кибиток до 9 747, около 34 000 человек» [Позднеев1895: 117]. В 1892 г. в северной части Малодербетовского улуса насчитывалось 35 682чел., а в южной части Малодербетовского улуса — 17 755 чел. [НА РК.Ф. 9.Оп. 2. Д. 41. Л. 16]. В 1894 г. в северной части Малодербетовского улуса проживали 36 934 человек, в южной части Малодербетовского улуса — 18 939 чел. [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55. Л. 34].В Большедербетовском улусе численность населения в 1887 г. составляла 1 985 киб.[Львовский 1893: 100]. Таким образом, во второй половине XIX в. общая численность дербетов составляла 40 000 человек.

Первые достоверные сведения по этническому составу дербетов стали появляться только в начале XIX в. Так, известно, что в 1824 г. в Большедербетовский улус входили следующие роды:бага-бурулы, кебьюты, чоносы, шареты, ульдючины, шабинеры. Во второй половине XIX в. наиболее полный обзор калмыцких родов был представлен Главным попечителем калмыцкого народа К. И. Костенковым в «Объяснительной записке о составе и образовании калмыцких родов и аймаков» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 1]. Так, он писал, что «поколение Дербетов <…> заключало в себе некогда пять главных родов: Туктунов, Бурулов, Зюнев, Шебинеров и Абганеров, из числа их первые четыре прибыли из Зюнгарии, а последний образовался уже в России в начале прошедшего столетия».

К. И. Костенков раскрыл механизмы образования новых родов, в частности, у дербетов. Он писал, что главной причиной появления новых этнических групп является обычай передачи по наследству улусов и аймаков. Управлявшие этими родами (аймаками) зайсанги дробили их в свою очередь между своими детьми, вследствие чего «количество аймаков увеличивалось весьма быстро». Причем новые роды стали получать название по имени своего зайсанга. Как указывал попечитель, только после выхода Положения об Управлении калмыцким народом в 1834 г. и Положения 1847 г.прекратилось дробление аймаков между наследниками, так как устанавливалось право передавать аймак без раздробления старшему в роду[НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 96].

К началу XIX в. каждый из пяти главных дербетских родов былразделен на аймаки, которые стали именоваться отдельными родами и называться по имени управлявших ими зайсангов или другими нарицательными именами. Так, например, Талтанкинов, Хара-Толганкинов, Манджикинов роды получили названия от зайсангов: Талтая, Хара-Толги, Манджи. Образование таких родов, как, Шошолданкинов, Каджинкинов и Ноостанкинов, относилось, по мнению К. И. Костенкова, «к весьма недавнему времени (до издания положения 1834 г.), которые получили названия от отцов зайсангов, которые управляли ими. Наконецво второй половине XIX в. появился род Мулланкинов, от имени зайсанга Муллы, который ранее назывался Борсогутов род».При этом К. И. Костенков отмечал, что «присвоение родами этих частных названий не изменяет впрочем состава главных родов, так как каждый частный род или вернее сказать аймак постоянно прибавляет себе название главного рода, так например, Туктунов-Сарланкинов, Бурул-Шюдючинеров, Зюн-Хашханеров, Абганер-Ас-

матов, т.е. частное название родов служит как бы пояснением или определением каждого аймака в главномроду— эти аймаки выделялись один из другого и, уменьшаясь в количестве, в свою очередь опять делились: так, между потомством зайсанга Талтаяобразовалось уже три аймака: нойнты, т.е.нойнта-талтанкинов аймак, и два шошолды, шошолды-талтанкиновы аймаки» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 97]. В подтверждение слов К. И. Костенкова следует привести сведения из отчета УКН за 1875 г., в котором указывалось 5 главных родов, 75 частных родов, 15 аймаков, 197 хотонов[НА РК. Ф. 9.Оп. 2.Д. 17. Л. 364].

Список дербетских родов и аймаков во второй половине XIXв.

1. МАЛОДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУС			
А) ТУКТУНЫ			
№	Род	Аймак зайсанга	Кибитки
1	Талтанкинов род	Эргечки Джамбаева	131
2	-\-	Убуши Урюбджурова	138
3	-\-	Убуши Алангашева	116
4	Наинтакинов	Цеден Санджиева	96
5	-\-	Цоодул Му-Нохаева	47
6	Шошолдакинов	Санджи Шошолдаев	32
7	-\-	Ниме Яванова	18
8	Гересчикова	Улюмджи Церен Убушиева	22
9	Сарлакинов	Килин Кююкиева	69
10	-\-	Лабру Менко Джиргалова	32
11	Заргакинов	Бова Кюльтишева	28
12	-\-	Шара Цекирова	6
13	-\-	Эрдниева	63
14	Капконакинов	Намсын Капкаева	19
15	Каканакинов	Митер Лиджиева	52
16	Лагиров	Улан Баглатаев	72
17	Каджинкинова	Ильджиринг Каджиева	87
18	Цоросова	-	45
19	Доксомакинов	Бююбева	79
20	-\-	Улюмджи Нимаева	14
21	Маштанакинов	Бадма Сарандаева	42
22	Келькетов	Аюши Цебекова	104
23	Оргакинов	Цебек Боро Манджиева	214
24	Бага Туктунов	Зайсанга Бадма Арлуева	90
25	Тукчинеров		14
Б) БУРУЛЫ			
26	Ульдючины	Бадма Сумьянова	212
27	-\-	Балзан Му-Кюкенева	138
28	-\-	Шонта Трухменова	170
29	-\-	Анапа Инджеева	10
30	-\-	Сарлика Оклеева	102
31	-\-	Дава Шараб Джамбаева	30
32	-\-	Кютер Боджиева	6
33	-\-	Самтан Кебчиева	4
34	Джанчивакинов	Бадма Карнеева	111
35.	Шудючинеров	Батыр Карнеева	54
36.	Ольчанкинов	Урюбджур Лакбаева	21
37.	Манджикинов	Булхук Тере Менкеева	214
38.	Беке-Манджинкинов	Очир Нимбуева	68
39.	Хара-Толгакинов	Санджи Умкеева	11
40.	Джедженкинов	Эренцен Монтокова	98
41.	Даадженкинов	Араши Му-Кюкенев	4
42.	Ноостанкинов	Менку Ноостаева	45
43.	Дорджаганкинов	Бадма Джамбаева	41
44.	Мулланкинов	Эренцен Санджиева	33
45.	Баганкинов	Му-Кюбюн Джамбаева	85
46.	Бага Бурулов	Кюрде Сайхан Манджиева	15
47.	Тебектенеров	Джаб Боро Мангкаев	48
48.	Шаретов	Очир Цебек Аршиева	23
49.	Зетев	-	110
В) ЗЮНЫ			
50.	Ики-Бухусов	Зайсанга Улюмджи	228
51	Бага-Бухусов	Кирикова	64

52	Баргасов	Оргодык Бокджаев	30
53	Хончинеров	Очир Аржуева	62
54	Ики Чоносов	-	30
55	Бага Чоносов	Занджин Дондукова	391
56	Шарнут Чоносов	-	138
57	Бюдермисов	Бадма Нимгиров	43
58	Хашханеров	Кармык Шарапова	122
59	Ики Кюбютов	Данилка Улюмджиев	135
60	Абганер Кюбютов	-	59
61	Зет-Кюбютов	Урубджур Арабданова	51
Г) АБГАНЕРЫ			
62	Барун Кетченеров род	Бадма Кутузов	402
63	Абанкинов	-	207
64	Асматов	Эльзете Басынгова	200
65	Бакшинкинов	-	215
66	Хапчинов	Хохол Му-Кюкенева	138
Д) ШЕБИНЕРЫ			
67	Ики-Хурулов	-	398
68	Дунду Хурулов	-	513
69	Бага Хурулов	-	190
70	Ики-Манглан Шебинеров	-	160
71	Бага-Манглан Шебенеров	-	73
72	Деду Ламин Шебенеров	-	90
73	Багшин Шебенеров	-	290
74	Богдан Шебенеров	-	61
75	Мамдут Шебенеров	-	34

[НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 30–33]

Этнический состав Большедербетовского улуса не отличался от Малодербетовского. В 1861г. Большедербетовский улус включал в себя: Абганер-Гаханкинов род (67 киб.); Абганеров род (90 киб.); Бага-Бурулов род (233 киб.); Бага-Туктунов род и Бага-Туктунов 2-й род (178 киб.); Будульчинеров род (54 киб.); Бюдермисов род (161 киб.); Ики-Чоносов род и Ики-Чоносов 2-й род (447 киб.); Кебютов род (48 киб.); Ики-Туктунов род(238 киб.); Хаджинкинов род (62 киб.); Цоросов род (96 киб.); Шеретов род (54 киб.); Тарачинеров род (21 киб.) [Львовский 1893: 98]. Общая численность составляла 1 749 киб.

Окончательно устоялась родовая структура дербетов в конце XIX в. В 1909 г., по сведениям Н. Очирова, Малодербетовский и Манычский улусы делились на 68 родов [Очиров 1910: 61–75]. В начале XX в. в Малодербетовском улусе отмечались следующие роды (27 332 чел.):

в северной его части: Тебектенеров род (428 чел.); Зетев род (577 чел.); Капканкинов род (129 чел.); Шаретов род (138 чел.); Бакшин-Шебенеров род на Тингуте (330 чел.);

в западной части: Ики-Догзмакинов род (726 чел.); Ики-Шошолданкинов род (174 чел.); Бага-Шошолданкинов род (104 чел.); Шарнут-Чоносов род (1431чел.); Ики-Заргакинов род (533 чел.); Бага-Заргакинов род (167 чел.); Бага-Манлан Шабинеров род (481 чел.); Цоросов род (308 чел.); Лагиров род (407чел.); Кадженкинов род (496 чел.);

в южной части: Абганер-Барунов род (1249 чел.); Абганер-Бакшинкинов род (1003 чел.); Абганер-Аванкинов род (286 чел.); Абганер-Асматов род (890 чел.); Абганер-Хапчинов род (758 чел.);

в восточной части: Талтанкинов род (2302 чел.); Нетебгскин-Тукчинеров род (616 чел.); Маштанакинов род (188 чел.); Каканакинов род (426 чел.); Бага-Сарланкинов род на Цаган-Нуре (148 чел.); Ики-Сарланкинов род (243 чел.);

в центральной части: Ики-Хурулов род (1547 чел.); Дунду-Хурулов род (2936 чел.); Унгун-Теречинское общество Дунду-Хурулова рода (439 чел.); Горибского общества Ики Манлан-Шебенерова рода (136 чел.); Деде-Ламин Шебенеров род (302 чел.); Бага-Хурулов род (955 чел.); Бакшин-Шебенеров род на Элисте (838 чел.).

В Приволжском районе: Хончинеров род (496 чел.); Ики-Бухусов род (1630 чел.); Бага-Бухусов род (355 чел.); Ики-Манлан Шабинеров род на Большой лощине (532 чел.); Бага-Догзмакинов род (69 чел.); Бага-Сарланкинов род (37 чел.) [Материалы 1910: 354].

В Манычском улусе проживали следующие роды (18 101 чел.): Оргакинов род (1 190 чел.); Шюдючинеров род (309 чел.); Баганкинов род (516 чел.); Наинтакинов род (889 чел.); Ульдючин-Сермыков род (341 чел.); Ульдючин-Балзанов род (1034 чел.); Ульдючин-Шантаев род (1104 чел.); Ульдючин-Сумьянов род (1097 чел.); Джанчибакинов род (656 чел.); Келькетов род (426 чел.); Джедженкинов род (587 чел.); Хашханеров род (800 чел.); Бюдюрмисов род (219 чел.); Ностанкинов род (239 чел.); Маланкинов род (187чел.); Хара-Толгакинов род (116 чел.); Ольчанкинов род (114чел.); Бага-Бурулов род (138 чел.); Дарджагакинов род (239чел.); Дадженкинов род (216 чел.); Манджекинов род (1931 чел.); Бек-Манджекинов род (293 чел.); Богдан-Шебенеров род (283 чел.); Мамадут-Шебенеров род (135 чел.); Ики-Чоносов род (1599 чел.); Бага-Чоносов род (2555 чел.); Ики-Кебютов род (423 чел.); Зет-Кебютов род (196 чел.); Абганер-Кебютов род (269чел) [Материалы 1910: 354].

Надо отметить, что такое дробление родов стало возможным только в сравнительно позднее время — во второй половине XIX в., когда пастбищные территории сильно сократились. В XVII–XVIII вв. калмыки кочевали на большом пространстве — от Дона до Эмбы, при этом контроль за

своими подвластными у нойонов был эффективным только в большой группе. В ней минимизировались возможности побега подвластных *албату*. Большую роль в консолидации аймаков играла внешняя угроза, т.к. опасность нападения со стороны татар, кубанцев, казахов была реальной. Как писал В. М. Бакунин«калмыки, находящиеся при Дондук-Омбе, опасаясь прихода на них российских войск, кочуют тесно и частыми разъездами смучились, к тому ж и от татар терпят насилие в отъеме скота и в прочем» [Бакунин 1995: 124]. Соответственно аймаки даже разделенные по наследственному праву продолжали кочевать единой группой.

2.3. Этническая структура торгутов

Торгуты также являются одним из основных этнических подразделений калмыцкого народа, в прошлом входившим в состав ойратов. В начале XVII в. они прибыли из Джунгарии в южные пределы европейской России, где образовали Калмыцкое ханство. В XVIII в. торгуты составляли большинство населения ханства, а развитие государственности вело к тому, что торгуты постепенно интегрировали в себя остальные субэтносы. Так, в XVIII в. почти полностью были интегрированы хошуты и все шло к тому, что интергрированными могли оказаться и дербетские улусы. Но в 1771 г. в результате недовольства калмыцкой знати политикой ограничения Российской империи по отношению к ханству большая часть торгутов ушла в Китай. После их ухода в калмыцких улусах изменился субэтнический баланс. Дербеты, которые долгое время были в оппозиции торгутским ханам, внезапно оказались одним из самых многочисленных субэтносов. Впервые дербетские нойоны стали оказывать влияние на все калмыцкие улусы, а торгутские нойоны оказались раздробленными и лишены львиной доли своего влияния. Особенно эти тенденции усилились после смерти князя А. Дондукова, сына хана Дондук-Омбо. Только он мог консолидировать калмыцкие улусы после событий 1771 г. После его смерти вопреки недовольству торгутских нойонов наместником Калмыцкого ханства был назначен дербетский нойон Чучей Тундутов.

Постоянные трения между калмыцкими улусами постепенно сошли на нет, когда заново были определены территории кочевок и установлены правовые отношения. Во второй половине XIX в. К. И. Костенковым были представлены подробные сведения по этническому составу торгутов. В проекте Положения об управлении калмыцким народом

отмечалось, что калмыки, находящиеся в «настоящее время в пределах Астраханской губернии, составляя три главных поколения и сохраняя прежнее название своих родов, раздробились на мелкие роды или аймаки, имеющие значение только в настоящее время при существовании прав зайсангов, с отменою же этих правне представляется надобности оставлять подобное дробление на рода как неудобное для общественного устройства и надзора — и в этих видах, по мнению моему, было бы более целесообразным, не нарушающим народные обычаи, соединить мелкие аймаки, а равно и частные роды в более значительные общественные группы, от 100 кибиток и более, и дозволив им сохранять присвоенные частные названия, для отличия от прочих, что представляется вместе с тем необходимым в следствие бродячей кочевой жизни народа, а равно отсутствия гражданственности и общественного порядка в народе» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 95].

Во второй половине XIX в. торгуты проживали в Багацохуро-Муравьевском, Эркетеневском, Яндыковском, Икицохуровском, Хошеутовском и Харахусо-Эрдениевском улусах. До конца XIX в. они сохраняли прежнее родовое свое делениес незначительными изменениями. Так, в Хошеутовском улусе отмечались Цатанов и Керетов роды, которые попали туда по рескрипту от 19 октября 1771 г. о передаче «оставшимся в России нойонам-владельцам бывших подвластных наместника ханства Убаши (бежавшего с народом) в вознаграждение за уведенных от тех нойонов наместником ханства Убашею принадлежавших им калмыков».

Тенденция к дроблению этнических групп, отмечавшаяся во второй половине XIX в. имела место и в торгутских улусах. Так, в Багацохуровском и Икицохуровском улусах было образовано до десяти и более аймаков, отдельных «от

главных родов с тою лишь разницей, что торгоуты не давали подобно дербетам частных названий выделявшимся аймакам, а оставляли их с одним общим названием главного рода».

Список торгутских родов и аймаков во второй половине XIX в.

Харахусовский улус

1	Харахусов род	799	10	Ангучинов	169
2	Ики-Гурбутов	27	11	Самтанакинов	190
3	Ики-Гурбутов	81	12	Цоросов	54
4	Бага-Гурбутов	62	13	Бабенкинов	106
5	Гурбутов	125	14	Сатхалов	88
6	Шабинеров род	194	15	Гурбутов	24
7	Замутов	79	16	Подвластные Дугарова	116
8	Джамбанакинов	46			
9	Батутов	77			

Всего 2 237 киб.

Хошоутовский улус

1	Эркетенев род	9	12	Урянхус-Доглутов род	64
2	Эркетенев род	103	13	Ики-Хошутов	97
3	Эркетенев род	60	14	Бага-Хошутов	116
4	Ики-Теленгутов	58	15	Бага-Хошутов	177
5	Бага-Теленгутов	59	16	Цагалаев	113
6	Керетов	270	17	Керетов	8
7	Шабинеров	202	18	Цатанов	213
8	Сангудов	15	19	Цатанов	94
9	Мергечудов	29	20	Урянхусов	55
10	Чигачинеров	26	21	Хойтов	68
11	Хахачинов	17			

Всего 1 855 киб.

Яндыковский улус

1	Барунов род	255	13	Багутов	513
2	Барунов род	13	14	Багутов	47
3	Барунов род	40	15	Багутов	113
4	Барунов род	37	16	Цатанов	740
5	Барунов род	24	17	Аха Цатанов	37
6	Барунов род	31	18	Аха цатанов	12
7	Керетов	28	19	Аха цатанов	90
8	Керетов	364	20	Барунов	120
9	Керетов	59	21	Батутов	23
10	Керетов	251	22	Шебинеров	109
11	Керетов	107	23	Ламин шебинеров	7
12	Керетов	60			

Всего 3 080 киб.

Ики-цохуровский улус

1	Зюнгаров род	100	17	Зюнгаров род	22
2	Зюнгаров род	85	18	Зюнгаров род	12
3	Зюнгаров род	27	19	Сатхалов	38
4	Зюнгаров род	51	20	Сатхалов	17
5	Зюнгаров род	31	21	Сатхалов	33
6	Зюнгаров род	54	22	Сатхалов	40
7	Зюнгаров род	33	23	Сатхалов	27
8	Шебинеров	72	24	Сатхалов	13
9	Шебинеров	26	25	Сатхалов	31
10	Шебинеров	64	26	Сатхалов	11
11	Шебинеров	32	27	Зекин Косиков род	40
12	Шебинеров	37	28	Тохон Косиков род	76
13	Кетченеров	165	29	Тохон Косиков род	81
14	Ачинеров	307	30	Хошутов	286
15	Яргачин Кетченеров	217	31	Эркетень Баргасов	43
16	Кебюн Ноетов	64	32	Замутов	110

Всего 2 245 киб.

Эркетеневский улус

1	Ики-Хапчинов род	295	14	Цебгекинов	

2	Бага-Хапчинов род	117	15	Дунду Хапчинов	76
3	Эрекчутов	83	16	Му-Хоринов	65
4	Тебенкинов	32	17	Ялькетов	38
5	Харнутов	123	18	Керетов	54
6	Харнутов	35	19	Кетченеров	81
7	Харнутов	23	20	Гуюрмутов род	30
8	Харнутов	8	21	Шебинеров	12
9	Ики-Багутов	43	22	Зюнгаров	21
10	Шарс-Багутов	122	23	Мацагакинов	122
11	Меркетов	126	24	Хончутов	120
12	Бульчинов	317	25	Будубулов	87
13	Цатанов	284			

Всего 2 845 киб.

Багацохуро-Муравьевский улус

1	Барунов род	673	20	Зюнов	233
2	Барунов род	31	21	Зюнов	68
3	Барунов род	46	22	Зюнов	80
4	Барунов род	22	23	Зюнов	59
5	Барунов род	16	24	Зюнов	62
6	Барунов род	176	25	Зюнов	18
7	Барунов род	4	26	Зюнов	26
8	Барунов род	6	27	Зюнов	34
9	Барунов род	64	28	Зюнов	21
10	Барунов род	3	29	Зюнов	8
11	Запсоров	130	30	Зюнов	5
12	Запсоров	44	31	Зюнов	44
13	Запсоров	41	32	Хур Шебинеров	125
14	Запсоров	43	33	Тукчинов	28
15	Запсоров	80	34	Бакши Тюрюлов	11
16	Запсоров	47	35	Тубанкинов	15
17	Запсоров	5	36	Истенкинеров	21
18	Зюнов	202	37	Бакшин Шабинеров	67
19	Зюнов	110	38	Дархачутов	5

Всего 2 710 киб.

Мелкопоместных владельцов

1	Санжа Батырова	38	4	Буюнтукова	108
2	Очир Эрдне Намкаева	17	5	Тапки Бесняева	36
3	Шарапова	25	6	Сангаджи Батырова	10

Всего 284 киб.

Всего численность торгутов составляла около 14 тыс. кибиток [НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 95].

Триадное деление в административной системе Калмыцкой степи

О том, что в XVIII в. все торгутские улусы подразделялись на три части — барун (правый), зюн (левый) и забсор (промежуток) — можно узнать из сообщения икицохуровских владельцев Асархо и Маши, которые в письме на имя астраханского губернатора Н. А. Бекетова от 29 января 1771 г. писали, что «торгоутовы улусы разделялись на три части и имяновались Бароны, Зены, Забсор, от оных здесь остатков» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 36. Л. 20]. Возможно, такое деление торгутских улусов связано с военной организацией триадного типа эпохи Чингис-хана [Стратанович 1974]. Что касается дербетовских улусов, то они делились на две части. Так, в 1825 г. правители Малодербетовского улуса сообщали российской администрации, что «улус наш составляется из двух баруновых и зюновой частей» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 58].

Надо отметить, что разделение на барун (правый), зюн (левый) и забсор (промежуток) было характерно для всех торгутских улусов. Так, в «Реэстре», присланном владельцем Замьяном 2 мая 1771 г. указывалось, что «баронов то есть еркетеней, багутов и кобюн ноетов 81 кибитка» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 35. Л. 25, 30]. Из этого следует, что в со-

став Баруновских частей входили эркетени, багуты и кобюн ноеты. В другом архивном документе уточняется, что «Баронова улусу владения наместника Убаши» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 38. Л. 95об.]. В приказе астраханской губернской канцелярии, адресованное толмачу Калмыцкой экспедиции Ивану Балданову, упоминаются «владения Маши зекенева (зюнева — В.Б.) отока» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 66. Л. 13].

Свидетельством того, что каждый из торгутских улусов подразделялся на барун, зюн и забсор, может послужить факт из письма жены Чакдоржапа — Цаган Ламы астраханскому губернатору А. П. Волынскому — «зюнов моей части улусов половину Иши взял не отдает». Стоит отметить, что исследователь Г. О. Авляев считал, что триадное деление существовало только в Багацохуровском улусе.

О том, что по триадному принципу было организовано и войско в Калмыцком ханстве, говорит тот факт, что в 1746 г. калмыцкое войско, посланное в помощь русской армии в Лифляндию, делилось на три части: «зионев улус», «баронов улус», «забсаров улус» [Батмаев 2002: 120]. Но тут стоит упомянуть о сословии шабинеров, которое относилось к буддийскому духовенству. В течение всего XVIII в. их количество неуклонно росло. Так, в период семилетней войны 4-тысячное калмыцкое войско делилось на четыре части: зюнов, барунов, запсоров и шабинеров [Батмаев 2002: 120]. В ранние времена их не брали на военную службу, но из-за сокращения числа годных к службе вследствие междоусобиц, а также с учетом большой численности шабинеров стали привлекать к военным походам, при этом их выделяли в особые отряды.

Рассмотреть триадное деление в административной системе можно на примере Багацохуровского улуса, который почти не пострадал во время разделов происходивших после 1771 г. В 1891 г. в улусе состоялось несколько аймачных

сходов. Так, 24 апреля 1891 г. на аймачном сходе в урочище Улан Толган Боро собрались «аймачные зайсанги, хотонные старосты, выборные лица Багацохуровскаго улуса, Зюнева рода» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 17об.]. 18 октября 1891 г. в урочище Хорин Худук на аймачном сходе собрались «хотонные старосты и выборные лица Багацохоровскаго улуса барунова рода, аймака зайсанга Онкорова» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 16]. Со временем, триадное деление улуса сохранившееся на протяжении длительного времени, привело к тому, что административное деление стало этническим.

2.4. Этническая группа шубучинер Багацохуровского улуса

В конце XVIII–XIX в. калмыцкое общество составляли три основных сословия: привилегированное сословие нойонов и зайсангов, буддийское духовенство и сословие зависимых калмыков-простолюдинов. Последние в свою очередь, подразделялись на албату, шабинеров и кетченеров, на особом положении из них находились кетченеры. В калмыцком обществе при нойонах — владельцах улусов — всегда находились группы людей, именовавшиеся кетченерами и исполнявшие роль дружинников. К XIX в. их обязанности значительно трансформировались, и, по существу, они являли собой дворовых людей. В начале XIX в. Калмыцкий пристав Я. Ваценко писал, что «калмыцкие владельцы управляют своими улусами, состоящими из аймаков, кои простираются наиболее до 300 кибиток, и из собственных крестьян, абганерами называемых — на правах помещичьих» [Батыров 2014: 62].

Следует подчеркнуть, что социальное положение кетченеров, облегчалось тем, что они не несли повинностей. Это стало причиной того, что представители албату старались перейти в сословие кетченеров. Так, например, в начале XVIII в. появилось много подложных увольнительных писем. М. М. Батмаев приводит в качестве примера письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши В. Н. Татищеву от 30 ноября 1742 г., в котором указывалось, что по смерти Аюки «уволенных от тягостей котечинеров весьма умножилось» [Батмаев 2002: 192]. Вместе с тем неопределенный статус и полиэтничный состав кетченеров, а также прямые отсылки на выполняемую ими хозяйственную деятельность однозначно определяют их как социальную группу. Однако после ликвидации Калмыцкого ханства на протяжении всего

XIX в. кетченеры стали рассматриваться уже как этнические группы [Авляев 2002: 98]. В фондах Национального архива Республики Калмыкия хранятся дела, которые проясняют процессы трансформации кетченеров из разряда социальных групп в этнические.

Исследованием этнической группы *шубучинер* (сокльничий) занимался А. Г. Митиров [Митиров 1984]. Ученый отмечает, что в этническом составе калмыков всегда находились *шубучинеры,* и связывает происхождение данного этнонима с известной «забавой» калмыцкой знати — соколиной охотой [Митиров 1984: 107]. Основываясь на архивных материалах, он сообщает, что у калмыцких ханов и нойонов имелись специальные аймаки, жители которых содержали ловчих птиц, поэтому они назывались *шубучинерами* (т. е. сокольниками). Так, согласно выявленным им материалам, первый аймак *шубучинеров* был образован в период правления калмыцкого хана Аюки в конце XVII–начале XVIII в. *Шубучинеры* находились в привилегированном положении и не платили подати. Интересен тот факт, что относительно немногочисленный аймак *шубучинеров* управлялся своим аймачным зайсангом, и это право передавалось по наследству [Митиров 1984: 109]. Подобно другим родам, *шубучинеры* имели свою тамгу, на которой была изображена птица (по-видимому, сокол). Отдельно стоит упомянуть, что А. Г. Митиров прямо указывал на социальное происхождение данной этнической группы и их этнонима [Митиров 1984: 110].

Основные сведения, связанные с происхождением этнической группы *шубучинер*, можно почерпнуть из дела об усыновлении багацохуровским зайсангом Арши зайсанга Онкора [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24]. В 1804 г. *шубучинеры* Багацохуровского улуса подали прошение, в котором говорилось: «Мы соиздавна от самого Аюки хана и по сие время

ктоб из владельцов не был обращались при птишной охоте птишниками и по таковым случаям податей с нас не было а находились льготными всегда, и о таковых наших обстоятельствах торгоутовские ламы и владельцы знают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 29].

В 1771 г., когда большая часть калмыцкого народа уходила в Китай, владельцы Цебек Дорджи и Кирип почти всех *шубучинеров* увели с собой вместе с их зайсангом Мингмаром [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 37]. Обратно на Волгу вернулось всего 45 кибиток *шубучинеров,* которые пристали к улусу торгутского владельца Асархи [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 34. Л. 29]. В отсутствие их родовых зайсангов управлять оставшимися у него *шубучинерами* князь Дондуков поставил их родственника по имени Ладжи, после смерти «коего управлял сын ево Арши» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 37об.]. Однако эти *шубучинеры* больше не занимались организацией соколиных охот, но князь А. Дондуков из уважения к их прошлым заслугам не взимал с них подати.

Рассматривая вопрос о численности *шубучинеров*, надо отметить, что в списках Ики-Цохуровского улуса, составленных после 1771 г., владельцем Асархи упоминались 45 кибиток *шубучинеров*, принадлежавших наместнику Калмыцкого ханства Убаши. В Багацохуровском улусе князю А. Дондукову принадлежало всего 32 кибитки *шубучинеров*. А. Г. Митиров выдвигал предположение о том, что реальная численность ханских сокольников была выше, однако, во второй половине XIX в. *шубучинеры* перестают упоминаться в документах как самостоятельный аймак [Митиров 2012: 125].

Неразрывно с историей *шубучинеров* связана история и их наследственных правителей — зайсангов. В 1803 г. багацохуровский зайсанг Арши, не имевший наследников, будучи уже в преклонном возрасте, решает усыновить дру-

гого багацохуровского зайсанга Онкора. В своем обращении к Главному приставу калмыцкого народа Н. Страхову он писал: «Я в разсуждении престарелых лет и приключившейся мне болезни, касающими по аймаку делами управлять нахожу себя не в состоянии, а потому и просил что желаю я принять себе, правителем улуса нашего зайсанга Кюшты сына Онкора в усыновление» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 25].

Это решение вызвало целую череду разбирательств как с жителями аймака, так и другими претендентами на владение аймаком. Так, в 1804 г. объявился зайсанг Санжи Ракба Гелюнг, бежавший из «киргизского плена». В доказательство своих прав на владение аймаком он представил родословную зайсангов — правителей *шубучинеровского* аймака. Выяснилось, что у *шубучинеров,* всегда кочевавших с ханским улусом, первым владельцем аймака был зайсанг по имени Дему, который управлял ханскими сокольниками еще до прихода к власти хана Аюки. Затем, уже при хане Аюке, заведовал ими его сын зайсанг Сажирхай. В годы правления двух ханов — Дондук Омбо и Дондук Даши — *шубучинерами* управлял зайсанг Кинас. А в период владения Багацохуровским улусом князем А. Дондуковым зайсангом был сын Кинаса — Мингмар [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 37].

Генеалогию шубучинеровых зайсангов дополнил родственник зайсанга Арши, умершего в августе 1804 г., по имени Очир, также претендовавший на владение аймаком. В 1804 г. он сообщал, что их род «происходит от Дюме, Дюмеевы сыновья Хол и Сажирху, Сажирхин сын Кинас, Кинасов сын Нингмар». Очир также сообщил сведения, о которых умолчал зайсанг Санжи Ракба Гелюнг. Так, выяснилось, что когда князь А. Дондуков приехал из Санкт-Петербурга и вступил во владение Багацохуровским улусом, зайсанг Мингмар «учинил дерской поступок подъехав на

лошади (т. е. подъехал с неправильной стороны и не спешившись — В.Б.) к владельческому дому». Разгневанный А. Дондуков лишил его права управлять аймаком, а его сопровождающих наказал плетьми, определив каждому по 100 ударов. Оставшийся без управления аймак он пожаловал во владение Намки Джамбе Гелюнгу, а после ухода большей части аймака в 1771 г. оставшихся у него *шубучинеров* он передал в управление Лаже, а «по смерти онаго управлял теми шубучинерами сын ево Арши» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 48].

Примечательно, что близкое нахождение к ханам и нойонам во время соколиных охот сделало *шубучинеровых* зайсангов достаточно влиятельными людьми, настолько, что породниться с ними не считали зазорным даже нойоны. Об этом говорит тот факт, что хошутский владелец Цагалай являлся двоюродным братом зайсангу Санжи Ракба Гелюнгу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 37об.]. Возможно, излишняя самоуверенность и стала причиной «дерзкого поступка» зайсанга Мингмара и его приближенных, не оказавших должного уважения потомку калмыцкого хана.

Надо отметить, что окончательную точку в деле о праве на владение аймаком поставили сами жители аймака, 5 октября 1804 г. подавшие прошение, в котором говорилось: «Мы шобучинеры все старики, молодцы со общаго согласия избрали зайсангом Санджи Ракбу Гелюнга к исправлению прикосновенных дел» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 50]. Примечательно, что при обосновании отказа во владении зайсангу Коште они немалое значение придавали тому, что ими «ведать он неродственник а так же и быть совсем не принадлежать». Это говорит о том, что родовых зайсангов с их аймачными людьми связывали не только административные функции, но и кровнородственные отношения [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 29].

Таким образом, история *шубучинеров* была связана с соколиной охотой и содержанием ловчих птиц при ханской семье. Выполнение ими функций по организации досуга калмыцких ханов обусловило их привилегированное положение (податей не платили, от подводной и других повинностей были освобождены). Из архивных источников становится ясным, что данный аймак был образован в период правления тайши Дайчина специально для проведения соколиных охот, которые играли тогда значимую роль в досуге ханской семьи и других торгутских нойонов. Близость к ханской семье привела к тому, что, несмотря на относительно небольшую численность этого аймака, их родовые зайсанги были достаточно влиятельными людьми в Калмыцком ханстве. Можно предположить, что трансформация *шубучинеров* из социальной группы в этническую была напрямую связана с потерей ими привилегированного положения, когда они стали платить подати и нести повинности наравне с другими албату. Утрата традиций организации соколиных охот привела к тому, что их родовые зайсанги в значительной степени лишились взоможности влиять на решение дел в Багацохуровском улусе. А вкупе с их сравнительно малой численностью это стало причиной того, что в течение XIX в. они вошли в состав другого, более крупного этнического подразделения Багацохуровского улуса.

2.5. Арваны Калмыкии (на примере истории арвана замлахин Ульдючиновского рода Манычского улуса)

В современной Калмыкии, в Приютненском районе республики, проживают представители арвана *замлахн*, который является подразделением рода *ульдючин*. Следует отметить, что калмыцкий этнос продолжает сохранять сложную иерархическую структуру, низшим звеном которого является род и его подразделения — арваны. Многие вопросы, связанные с происхождением таких терминов, как *арван, род, анги, аймак*, слабо отражены в отечественной историографии. У. Э. Эрдниев отмечал, что до сих пор нечетко определен смысл, вкладываемый в эти понятия. Это привело к тому, что часто один и тот же термин обозначает различные этнические группы. В отношении арванов У. Э. Эрдниев писал, что арваны — это «родовые группы, которые, по-видимому, были образованы в результате сегментации одной большой патриархальной семьи» [Эрдниев 1975: 18].

В целом арван можно отнести к патронимической группе: «исторически общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю <…> представляет собой группу семей больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство» [Косвен 1963: 97]. Надо отметить, что специальные исследования, посвященные этнической истории калмыков, в основном появились в советский и постсоветский периоды. В первую очередь, можно выделить работы таких исследователей, как Г. О. Авляев [Авляев 1974], У. Э. Эрдниев [Эрдниев 1985], А. Г. Митиров и др. [Митиров 1998].

Рассматривая историю арвана *замлахн*, надо отметить, что она неразрывно связана с историей этнической группы ульдючины. В конце XIX в. Главный попечитель калмыцкого народа полковник К. И. Костенков в своем «Списке калмыцким родам и аймакам» указывал, что дербеты делятся на «пять главных родов»: туктуны, бурулы, зюны, шебинеры и абганеры. Среди бурулов К. И. Костенков выделял род ульдючинов, который составляли аймаки зайсангов: Бадмы Сумьянова (212 киб.), Балзана Му-Кюкенева (138 киб.), Шонта Трухметова (170 киб.), Анана Инджиева (10 киб.), Сермика Оклеева (102 киб.), Давы Шараб-Джамбаева (30 киб.), Кютера Боджиева (6 киб.), Самтана Кобчиева (4 киб.). Всего 672 кибитки, или семьи [НА КалмНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366].

Однако профессор У. Э. Эрдниев, опираясь на собранные им полевые материалы, утверждал, что в XX в. устоявшимся считалось мнение, что род «ульдючин» насчитывал более 1000 кибиток, принадлежавших четырем зайсангам: Куре, Джальдже, Балдану Гаре, Сермигу. Следует отметить, что сохранившееся в народной памяти деление ульдючинов на четыре аймака фиксирует их состояние на начало XX в. Так, по свидетельству Н. Очирова, в 1909 г. ульдючины делились на четыре аймака: «Улдчин Сумйана, Улдчин Сермыча, Улдчин Балзна, Улдчин Шонтан» [Очиров 2006: 36]. Это подтверждают данные Материалов статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи, в которых также указывается численность этих четырех аймаков: Ульдючин-Сермыков род, 85 кибиток (341 чел.); Ульдючин-Балзанов род, 228 кибиток (1034 чел.); Ульдючин-Шантаев род, 238 кибиток (1104 чел.); Ульдючин-Сумьянов род, 238 кибиток (1097 чел.) [Материалы 1910: 409–411].

В начале XX в. в этих аймаках насчитывалось тринадцать арванов: джирглмюд, эсрякин, ширкигюд, боргдуд, харнуд, ашхуд, келкянкин, дааджинкин, бага-бурул, шавхрахин, бодгуд, замлахин, боранхин [Профессор Эрдниев: 118]. Ученый Г. О. Авляев упоминал десять арванов в составе уль-

дючиновских аймаков: харнут, замлахин, джигирмуд, ширкигуд, бага-бурул, бодгуд, келькит, боранхин, эсрякин, даджинкин [Авляев 1993: 169]. И сегодня представители рода ульдючин, перечисляя арваны своего рода также называют тринадцать арванов, и очень часто первым среди них упоминается арван замлахин (как наиболее многочисленный): замлахн, ширкигюд, джирглмюд, ашхуд, борхшдуд, эсряхин, харнуд, келкянкин, жеежихн, бага-бурул, шаврахин, бодгуд, боранкин [Очирова 2014: 13]. Следует отметить, что этноним замлахин в исторической литературе не встречается, это позволяет нам предположить, что данная этническая группа образовалась достаточно недавно — в начале XX в.

Сами представители арвана замлахин, считая себя самым многочисленным арваном среди прочих ульдючинов, часто ноазывают себя: «зун өрктә әмтә замлахн», что означает «замлахины, состоящие из ста семей». Они неизменно подчеркивают, что женщины их арвана славятся красотой и мудростью, а мужчины — силой и мужеством. Среди представителей арвана замлахн распостранены такие фамилии, как Кармашовы, Довжаевы, Нимгировы, Катаевы, Цагановы, Манджиевы, Тугтуновы, Чакаевы, Цедеевы, Чураевы, Лиджиевы, Сангидовы.

Легенда об основателе арвана гласит, что в древние времена в Ульдючинском аймаке Манычского улуса проживал один знатный, мудрый и уважаемый человек по имени Замл. Примечательно, что в ней встречается название административной единицы — Манычский улус, который был образован только в 1892 г. Замл был знатного рода, о чем свидетельствует тот факт, что его сын сватался к дочери торгутского хана, и тот ему не отказал. Легенда гласит, что во время пиршества между сватами произошла ссора. Обе стороны готовы были ввязаться в драку, телохранители хана уже обнажили свои мечи. Но ситуацию разрядил Замл. Будучи уже в преклонном возрасте, он тоже решил вступить

в драку. В руках у него был маленький нож, которым он пользовался во время трапезы. Присоединившись к своим сородичам, Замл сказал: «Пока жив, ты должен постоять за себя». Услышав эти слова, хан с глубоким почтением обратился к нему: «Вы не просто Замл! Вы остроумный Замл!». Именно от него и происходит, согласно преданию, арван замлахн [ПМА].

Данный сюжет можно связать с известным преданием об основателе рода ульдючин: «У Есельбейн Сайн-Ка в услужении было 20 девиц — все дочери нойонов; с ними он обращался, как с девушками своих подвластных. Махан Ульдучин, простолюдин поколения хойт, несколько раз намекал своему нойону Сайн-Ка, что дочерей нойонов неприлично держать в услужении, но нойон не слушал его. Махан-Ульдучин, оскорбленный этим жестоким обращением, ночью пришел в его кибитку и, когда тот спал, ударил его мечом» [Цит. по: У. Э. Эрдниев 1974: 32]. Здесь общим для обоих преданий является упоминание о человеке, который с оружием в руках выступил против знатного аристократа.

В преданиях об арване замлахн также часто фигурирует знаменитый богатырь Баавин-Хара. В устном народном творчестве он описывается как человек крепкого телосложения, ростом более двух метров, обладающий большой силой. Кожа на руках и спине богатыря напоминала чешую или панцирь воина. Как и во многих калмыцких преданиях про богатырей, в легендах про Баавин-Хара всегда подчеркивается, что он был добрым, отзывчивым и спокойным человеком. В одном из преданий говорится, что, увидев, как телега, запряженная двумя буйволами, груженная солью, никак не может могла подняться на высокий холм, Баавин-Хара, отвязав одного буйвола, сам впрягся в телегу и затащил ее на холм. В другом предании действие происходит уже в период советской власти. Так, партийные руководители, узнав, что в Ульдючинах есть богатырь, обладающий

недюжинной силой, приехали, чтобы лично убедиться в этом. И здесь в качестве испытания силы героя предстает типический сюжет с поднятием тяжестей. В этом предании Баавин-Хара, ко всеобщему восхищению всех присутствующих, три раза поднимает над головой каменный жернов, который не смогли оторвать от земли семеро крепких мужчин. Убедившись в силе Баавин-Хара, органы власти определили ему «особый паек» — в месяц раз для него забивать корову или быка. Однажды мужчины решили забить быка далеко в степи, чтобы проверить — донесет ли он тушу быка до дома без посторонней помощи. Баавин-Хара легко взвалил быка себе на плечи и принес его домой [ПМА]. Следует отметить, что содержание легенды как об основателе арвана, так и о Баавин-Хара перекликаются с сюжетами калмыцких мифов и преданий о богатырях Митр-нойоне и Мазан-батыре.

Из исторических личностей к представителям арвана замлахн относился буддийский лама Т. Кармашов, образ которого оброс легендарными чертами. Он был просвещенным человеком, который обладал даром гипноза. Около 10 лет он обучался в монастырях Тибета. В одном из преданий говорится, что во время гражданской войны, когда территория Калмыкии была под контролем Белой армии, сам генерал Деникин приехал к нему, и, стоя на коленях, получил у ламы благословение. Старики рассказывали, что даже после его расстрела в в 1930-е гг. люди приходили молиться к порогу его дома [ПМА].

Таким образом, рассмотрение легенд и преданий арвана, сюжетно связанных с Митр-нойоном и Мазан-батыром, позволяют нам предположить, что арвн замлахн был образован в конце XIX в., после отмены обязательных отношений в 1892 г. Исторические данные позволяют нам утверждать, что постоянное обособленное проживание арвана замлахн на территории Манычского улуса, при наличии общего про-

исхождения с остальным арванами ульдючиновского рода, неизбежно привели к появлению основных элементов, которые бы выделяли арван из среды им подобных. Следствием стремления определить свою принадлежность стало появление своей истории основания арвана, своих известных личностей, что, в конечном итоге, привело к формированию арвана замлахн, как единого целого.

Если говорить о происхождении арванов как таковых, надо вернуться к административной системе калмыков. Основными административно-территориальными единицами в Калмыцкой степи были: улус — владение нойона и аймаки — управлявшиеся зайсангами, которые передавались по наследству. Улусная система калмыков исторически восходила к улусной системе монголов XII–XIII вв. [Владимирцов 1934: 98–99]. В ходе своего исторического развития улусная система ойратов продолжала развиваться и уже в XVIII–XX вв. она стала называться улусо-аймачной [Костенков 1870: 30–32]. В калмыцких улусах и аймаках существовал порядок, по которому каждый должен был проживать и кочевать в строго определенной местности и только в границах своего улуса. Правители аймаков — зайсанги — вели постоянный надзор за рядовыми кочевниками в целях предупреждения самовольных откочевок, бегства или захвата их неприятелем. Политика высшей знати по ограничению свободы передвижения зависимого населения преследовала одну цель — сбор податей с него и несение им повинностей, поскольку безнадзорное передвижение простых кочевников затрудняло решение этой задачи.

Каждый аймак административно делился на более мелкие подразделения — арваны. Если еще в первой половине XIX в. правители аймаков принуждали своих подданых к совместным кочевкам, то во второй половине XIX в. отмечавшийся все больший рост роли чиновников УКН в улусном управлении стал приводить к тому, что нойоны и зайсанги

стали терять возможности по организации совместного кочевания. Так, 8 октября 1871 г. в ходе ревизии Харахусовского улуса его владелец сотник Дугаров заявил Главному попечителю К. И. Костенкову, что аймачный зайсанг Харахусовского улуса Сангаджи Эрдениев, «имея у себя до 700 киб. аймачных калмыков, с 300 киб. откочевал в Мочаги, остальные же до 400 киб. кочуют в степи, не имея за собой никакого надзора»» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 15. Л. 2].

Согласно реформе 1892 г. по отмене зависимых отношений калмыков-простолюдинов к нойонам и зайсангам, никто уже не мог препятствовать свободному передвижению простых кочевников в пределах Калмыцкой степи. Кроме того, бурный рост числа крестьян–переселенцев на калмыцких землях привели к смещению границ землепользования, а заселение земель вдоль дорожных трактов и выпас скота из соседних губерний — к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий. В конечном итоге это вызвало глубокий кризис калмыцкого скотоводческого хозяйства, приведший к переходу калмыков от кочевого к полукочевому образу жизни. Население аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы более эффективно использовать свои территории после потери части своих земель. В условиях сегментации большой патриархальной семьи арван стал все больше оформляться как патронимическая группа, а население арванов стало кочевать отдельно от остальных. Например, в 1893 г. старшина Эркетеневского улуса Басанг Надбитов сообщал, что по переписи 1876 г. в Керетовом роде Мочажнаго ведомства числятся три кибитки калмыков, которые, не имея ни старшины, ни выборных, кочуют вне пределов Эркетеневского улуса, и не могут составить из себя отдельное общество [НА РК. Ф. 9. Оп.2. Д. 51. Л. 7]. Раздельное кочевание ульдючинов также стало следствием дисфункции традиционной административной единицы — аймака.

2.6. Калмыцкие рода и буддийские монастыри

Буддийские кочевые монастыри имелись у калмыков с момента их прихода в приволжские степи. Даже после ухода калмыков в 1771 г. в Китай и ликвидации Калмыцкого ханства количество монастырей не уменьшилось, а только увеличивалось. На протяжении долгого времени центрами общественной и духовной жизни калмыков были буддийские монастыри —хурулы. О степени важности религии в жизни калмыков писал монголовед А. М. Позднеев: «считается, что калмыки забыли свою религию – буддизм, что она во многом отличается у них не только от буддизма у монголов, но и бурят. Мнение это представляется однако в высшей степени поверхностным и далеко не оправданным на деле, чтобы не сказать неверным вовсе <…> в хурулах их ведутся решительно тот же порядок, службы, читаются те же номы, исполняются те же обряды» [Позднеев 1993: 23].

Долгое время тема буддизма и буддийских монастырей в истории Калмыкии по ряду причин оставалась малоизученной. Одним из таких вопросов остается вопрос о местах кочевок калмыцких хурулов. Также в литературе о калмыках слабо изученным остается вопрос о принадлежности хурулов тому или иному калмыцкому роду.

Достоверных данные о количестве калмыцких монастырей в исследуемый период мыне имеем. На сегодня известно, что из действовавших в начале XX в. наиболее древними, основанными на первом этапе поселения калмыков в волжских степях, были следующие: харахусовский хурул Раши-Гомон, эрдниевский Сэртэкчэлинг, икицохуровский Гэмпэрлинг, икицохуровский Тэгэчин-Шараб-Чойхорлинг, малодербетовские хурулы — Далай-ламы и Доджуд-Рацан, эркетеневский Раши-мон, большедербетовский Раши-Гомон, багацохуровский Ламринлинг, хошутские Раши-Лхун-

бо и Нойон Убашан [Бакаева 1994: 24]. Общее число хурулов приближалось к сотне.

Калмыцкие монастыри выпоняли важную социальную функцию в калмыцком обществе. Различные обряды, свадьбы, похороны, лечение, гадание и многое другое, проводимые буддийским духовенством, усиливали степень влияния хурулов на жизнь простых людей. Они не были оторваны от общественной и социальной жизни, а являлись основой удовлетворения духовных потребностей калмыцкого народа, хранителями традиционных ценностей, в силу чего были неразрывно связаны с калмыцкими родами. Хурулы существовали не сами по себе, а имели родовую принадлежность. Это давало им возможность существовать на определенные пожертвования калмыцких родов. Более того, данная зависимость привязывала хурулы к родам, вынуждая их двигаться на кочевках вслед за ними. Следовательно, исследование мест кочевок хурулов позволит уточнить места кочевок и калмыцких родов, поскольку они всегда кочевали вместе.

Также большую трудность вызывает определение родовой принадлежности хурулов, поскольку это не всегда отражалось в их названиях. Но надо отметить, что иногда списки калмыцкого духовенства отражали и роды, из которых набирались манджики и ученики веры. В вопросе уточнения мест кочевий хурулов и родов важную роль может сыграть деятельность царской администрации по сокращению буддийского духовенства. Как известно, в «Правилах об управлении калмыцким народом» от 4 марта 1838 г. царское правительство учредило штат духовенства в числе 2 650 духовных лиц в 76 хурулах вместо имевшихся 5 270 человек в 105 хурулах накануне принятия данного закона. «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. также предусматривало значительное сокращение штата духовенства — разрешено было иметь 67 хурулов и в них 1656 служителей

культа [Дорджиева 1995: 65]. На протяжении всего XIX в. администрация проводила работу по сокращению численности хурулов и священнослужителей.

10 февраля 1883 г. Главному попечителю калмыцкого народа из министерства государственных имуществ поступил циркуляр, в котором считалось «нужным иметь точныя данные о всех без исключения хурулах и их личном составе» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 1]. Министерство интересовали следующие сведения: «1. Местонахождение хурулов с упоминанием как летних, так и зимних кочевок; 2. Поименный список всего калмыцкого духовенства, включая даже манджиков; 3. Поименный список всех учеников при калмыцких хуралах». Нас интересует, прежде всего, данные связанные с местами кочевок хурулов, которые во исполнение вышеуказанного циркуляра подавали попечители калмыцких улусов.

Дербетские хурулы рода и рода
Малодербетовский улус

По Малодербетовскому улусу старший бакша всех малодербетевых хурулов гелюнг Габунг Зодбо-Бастаев и и.о. попечителя северной части Малодербетовского улуса Назаров подали данные следующие сведения.

Галдан Шарбаланг большой хурул кочевал весной на урочище Боро-Сала, летом — Гашун-Зельмень, зимой — в балке Аршан. Хурул считался ики-хуруловым, поэтому в его списках преобладают ученики ики-хурулова рода и близкого им зетева рода. Соответственно, мы можем определить, что ики-хурулов и зетев рода кочевали по тем же кочевьям.

Ламринг Чолинг малый хурул кочевал весной в балке Суха, летом – в балке Суха, зимой — в урочище Сухан Белчир. Хурул представлял два больших рода туктунов и заргачинов. Среди учеников поэтому есть представители заргакинова рода зайсанга Эрдениева, заргакинова рода за-

йсанга Боваева, каджeнкинова рода зайсанга Ильджирингова, шошолданкинова рода зайсанга Шошолдаева, лагирова рода Лиджи Ильджирингова, докчоманкинова рода зайсанга Бюбюева и цоросова рода.

Сангак Чонкорлинг большой хурул являлся родовым хурулом дунду-хурулова и шебенерова родов. Кочевал весной на урочище Зельмин Адык, летом на урочище Салин Кеке Усун, а зимой у озера Ханата. Ученики дунду-хурулова рода, баргисова рода, докчоманкинова рода зайсанга Бюбюева.

Араши Чолинг большой хурул кочевал вместе с Сангак Чонкорлинг большим хурулом. И также кочевал весной на урочище Зельмин Адык, летом на урочище Салин Кеке Усун, зимой у озера Ханата. Ученики дунду-хурулова рода, шарнут чоносова рода, хапчинерова рода.

Араши-Гебалинг большой хурул представлял бага-хурулов род. Кочевал весной на урочище Харгата и Бакши Эджин-Губиль, летом на урочище Харгата и Бакши Эджин-Губиль, зимой — в урочище Харгата в 2 верстах от зимней ставки улуса. Ученики бага-хурулова рода, хапчинерова рода зайсанга Аржуева, ики-бухусова рода зайсанга Кирипова, найнтакинова рода зайсанга Санджиева.

Порбе Дархан Цорджин малый хурул ики-манлан шебенерова рода. Кочевал весной на урочище Хара-Сек и Цаган Толга, летом на урочище Хара-Сек и Цаган Толга, а зимой уходил на урочище Большая лощина. Ученики ики-манлан шебенерова рода, бага-манлан шебенерова рода.

Ламаринг-Чолинг малый хурул на урочище ики-бухусова рода кочевал весной на урочище Бакши Эджин-Губиль, летом на урочище Бакши Эджин-Губиль, а зимой на урочище Цаган Толган Губиль. Ученики бага-бухусова рода зайсанга Кирипова, шарнут-чоносова рода.

Араши Рамонг хурул туктун-талтанкинова рода кочевал весной на урочище Бурата, летом на урочище Добдон, зимой на урочище Цаган-Нур. Ученики талтанкинова рода зайсанга Алангашева, маштанакинова рода аймака зайсанга Сарандаева, какaнакинова рода зайсанга Лиджиева.

Совинг-ламин малый хурул бакшин-шебенерова рода. Кочевал весной на балке Элиста, летом — на балке Элиста, зимой — урочище Нугура (р. Нугра). Ученики Бакшин-шебенерова рода.

Солом Дорджгин большой хурул абганер-барун кетченерова рода. Кочевал весной на урочище Гашун Бургуста, летом на урочище Амта Бургуста, зимой на урочище Алцынхута. Ученики барун кетченерова рода зайсанга Кутузова, асматова рода зайсанга Ользетиева, хапчинова рода зайсанга Уту-Насунова, Бакшинкинова рода.

Джал Тайшин малый хурул кочевал при Солом Дорджгин большом хуруле и тоже считался принадлежащим абганер-барун кетченерову роду. Кочевал весной на урочище Гашун Бургуста, летом на урочище Амта Бургуста, зимой на урочище Алцынхута. Ученики барун-кетченеровского рода, аванкинова рода, бакшинкинова рода, богдан-шабинерова рода.

Раши Ламрим Рубадженг малый хурул дед-ламин шебенерова рода. Кочевал весной на урочище Гашун Бургуста, летом — на урочище Амта Бургуста, зимой — урочище Алцынхута. Ученики дед-ламин шебенерова рода, сарланкинова рода зайсанга Кюкеева, сарланкинова рода зайсанга Лавруева, негебгекин-тукчинерова рода зайсанга Арлуева.

Манычский улус

Старший бакша манычских хурулов Цюрюм Джамбо Убушинов подал следующие сведения:

Раши-Доноров малый хурул бурулова рода кочевал летом на урочище Шаред, зимой — на р. Маныч. Ученики джанчибакинова рода, шюдючинерова рода, джеджекинова

рода, манджекинова рода, манланкинова рода, беке манджекинов рода.

Галдан Раша-Цолон малый хурул кочевал летом в местности Дунду-Нурин Хара Булук, Ялшатын, Бугу и Зегетин Экен, зимой на урочище Омне Нурин-Ара Экен. Ученики багачоносова рода аймака зайсанга Эмген Убуши Дондукова.

Доджин Рацан Большой хурул ульдючинова рода кочевал летом по вершине урочища Нойн-Шире и по хамурам, а зимой на урочище Бухин Нур. Ученики ульдючинова рода зайсанга Балзанова, ульдючинова рода зайсанга Сумьянова, ульдючинова рода зайсанга Шантаева, ульдючинова рода зайсанга Сермикова, джанчибакинова рода зайсанга Карнюева, аргакинова рода зайсанга Боро-Манджиева, шунгурцугикинова рода зайсанга Арлуева.

Семпил Норбин-Зандан малый хурул икичоносова рода кочевал летом на урочище Яшкуль и Элистин-Хара-Усн, зимой на урочище Боро-Нур. Ученики икичоносова, кебютова и хашханерова родов.

Торгоутские хурулы и рода

Икицохуровский улус

В Икицохуровском улусе было несколько хурулов. Первым из них считался Гемперлинг Большой хурул. Его кочевками были весной — урочище Цебин-Ганца, летом — урочище Манта, осенью — урочище Бузгуй, зимой — урочище Яшкуль. Ученики шебенерова роду аймака зайсанга Халга Колбынгова, шебенерова рода аймака зайсанга Бадма Дамбаева, кетченерова рода аймака зайсанга Натыр Убуши Нохаева, сатхалова рода зайсанга Убуши Шагаева, кебюн-нойотова рода зайсанга Эрдени Амгулунгова.

Следующий Чонкорлинг большой хурул имел места кочевок весной на урочище Сулу, летом — Бузгуй, осенью —

Санзыр, зимой — Яшкуль. Его учениками были тохон-кесикова рода зайсанга Натыр Убуши Нохаева, шебенерова рода зайсанга Сангаджи Дорджаева, шебенерова рода зайсанга Бембе Сарангова, шебенерова рода зайсанга Бадма Дамбаева, тохон-кесикова рода Дорджи Халгаева.

Третьим был Раши Понцаклинг большой хурул, он кочевал весной на урочище Бумбен Амте, летом — Омта, осенью — Дамбо–гецуль, зимой — Соста. Ученики ачинерова рода аймака зайсанга Кюке Натырова, зекен-кесикова рода зайсанга Бюльджю Цебекова, шебенерова рода зайсанга Бадма Дамбаева.

Четвертый малый Сере-Тесемклинг хурул кочевал весной на урочище Дюмрень-Сек, летом — Чагля, осенью — Хагин-худук, зимой — Шорба. Ученики хошоутова рода аймака зайсанга Тепкенкиева,

Пятый Сере-Джамбаранчин малый хурул кочевал весной на урочище Шара-Толгота, летом — Ендон–Булук, осенью — Дамбон–Боро, зимой — Яшкуль. Ученики зюнгарова рода зайсанга Окон Дорджаева, зюнгарова рода Тапка Осорова, зюнгарова рода зайсанга Б. Баликова, зюнгарова рода зайсанга Б. Цаганова, зюнгарова рода зайсанга Мухур Цемыкова, зюнгарова рода зайсанга Омбаева, зюнгарова рода зайсанга Очирова.

Шестой Раши-Цобго малый хурул кочевал весной на урочище Шорон Гол, летом — Улан-Зуха, осенью — Хоочa, зимой — Цаган-Сек. Ученики Эркетен-Баргасова рода зайсанга Насунова, яргачин эркетенева рода зайсанга Дарбышова.

Седьмой Манлан Цобюн малый хурул кочевал весной на урочище Кеке худук, летом — Чонта, осенью — Терекить, зимой — Чилгирь. Ученики сатхалова рода Бадрангу Кюскюрова.

Александро-Багацохуровский улус

Багацохуровский улус

Лама калмыцкого народа Зодба-Аракба и Бакша Багацохуровского улуса Бар Шара Манджиев представили сведения по пяти хурулам своего улуса, к сожалению, списки учеников были даны неприменительно к определенному хурулу, а в общем для всех хурулов, что не позволяет достаточно точно указать на их родовую принадлежность.

Все пять хурулов: Первый Большой хурул, Манлан Большой хурул, Докшадын Большой хурул, Дандажигин Малый хурул и Малый Онкоров хурул — совместно кочевали с весны до осени на урочище Эмчин Боро, а с осени до весны кочевали на землях духовенства на местности Цаган Аман, где, как писал попечитель, «имеется сюме, субурган и деревянные дома, построенные духовенством. Во–вторых, находящиеся в хурулах гелюнги, гецули и манджики делают по Далай-Ламайской религии службы в хурулах и исполняют по своему сану обязанности».

Ученики пяти хурулов были: запсуры зайсанга аймака Ирсламова, запсуры аймака Онкорова, запсуры аймака Хазамбышева, запсуры аймака Убуши Чиджинова, запсуры аймака Тукчи, бакшин шебенерова рода, бакшин-шебенеры аймака Павла Алексеева, бакшин-шебенеры аймака Эрдени Джимбеева, бакшин-шебенеры Генден Убуши Зунгруева, бакшин-шебенеры аймака Цебек Джал Онкорова, шебенерова рода аймака Убуши Чиджинова, аймака Лиджи Церен Джапова, аймака Хазамбышева, аймака Эрдени Джимбеева, аймака Онкорова, аймака Убуши Манджи, аймака Секлетера, истинкинерова рода, аймака зайсанга Улаза, аймака зайсанга Хонгора.

Александровский улус

Первый Большой хурул. Ученики Цатанова рода зайсанга Джан Хазлаева, керетова рода аймака Сариева, мергечутова рода, Цатанова рода Банчикова.

Манлан большой хурул. Ученики керетова рода зайсанга Сариева, шебенерова рода, бага-хошоутова рода зайсанга Улюмджиева, эркетенева рода Нор. Дорджаева, догшутова рода Намруева

Докшадын большой хурул. Ученики бага-хошоутова рода зайсанга Шонхорова, керетова рода Сариева, эркетенева рода Дорджиева, ики-хошоутова рода Джамуева, Уранхусова рода Цебекова

Эти три хурула кочевали летом в нагорной стороне реки Волги и с левой стороны на озере Шамбай, «зимой три больших и один малый Цацан хурулы имеют зимовку на луговой стороне реки Волга, где построен один молитвенный каменный сюм. Манлан большого хурула, каменный сюм Доншоджи большого хурула, деревянный дом Цацан малого хурула, каменная цаца и один деревянный субурган».

Цацан малый хурул кочевал летом на урочище Гашун Худук, зимой на нагорной стороне реки Волги против острова Цаган Аран, где построен один деревянный субурган.

Цагаланкинов малый хурул. Ученики цагаланкинова рода без зайсанга, шебенерова рода.

Джума Бакшин малый хурул кочевал летом на урочище Табун Модон, зимой на нагорной стороне реки Волга «около сада владельца Тюмень, где построен один деревянный субурган». Ученики керетова рода зайсанга Сариева, хахачинова рода, уранхусова рода зайсанга Цебекова.

Ноен Убушан Малый хурул постоянную кочевку имеет на нагорной стороне р. Волга в урочище Гурбун-Улан «в каменных кибитках». Ученики мелкопоместного владельца Батырова.

Арши бакшин малый хурул был единственным с постоянным местом нахождения. Как писал попечитель Калмыцкого базара, хурул, «постоянно жительство имеет на нагорной стороне р. Волги на Калмыцком Базаре, где построен один деревянный субурган». Данный хурул имел учеников из аймака зайсанга Аршиева бага-эркетенева рода и цатанова рода, хазланкинова рода аймака зайсанга Хазлаева.

Харахусовско-Эрдениевский улус

Харахусовский улус

И. д. старшего бакши всех харахусовских хурулов Сана Осоров и попечитель Харахусовского улуса К. Егоров представили следующие сведения по хурулам.

Араши Гюлюнг харахусовский большой хурул. Прежде летом находился на урочище Ярхан-Боро, зимой на урочище Утта. В последнее время кочует летом на урочище Утта, а зимой на урочище Аваджи. Ученики харахусова рода зайсанга Бадля Эрдениева.

Малый Дугаров хурул находился вместе с большим хурулом и кочевал по тем же местам. Ученики харахусова рода зайсанга Бадля Эрдениева, нойдутова рода старшины Шонх Камушева.

Арши-Чилинг харахусовский малый хурул. Находится вместе с большим хурулом. Кочует летом на урочище Ярхан-Боро, зимой на урочище Утта. В последнее время кочует летом на урочище Утта, а зимой на урочище Аваджи. Учеников 4 — ангучинова рода зайсанга Сангаджи Бюбеева, 16 бага-гурбутова рода.

Эрдениевский улус

Попечитель К. Егоров и Старший бакша всех эрдениевских хурулов Эрдени Ширипов сообщили, что в их улусе находятся всего два хурула.

Сере-Текглинг Эрдениевский большой хурул кочевал летом на урочище Деде-Китин, Менгете, Норбо-Арша, Нoен-Гелюн, Серкенекте, Тебет и Бурджи, а зимой на урочище Ара-Тоста.

Малый Манлон хурул кочевал летом и зимой на Сарпе. Ученики самтанакинова рода аймака умершего зайсанга Бадма Убуши Дарджиева, шебенерова рода, замутова рода зайсанга Цебек Дорджиева, багутова рода зайсанга Дамбилева, джамбанкинова рода зайсанга Эрдени Санчирова, бабенкинова рода аймака умершего зайсанга Бадма Хамурова, ики-гурбутова рода зайсанга Нарим Атиева, ики-гурбутова рода зайсанга Бочкаева.

Эркетеневский улус

И. д. бакши семи хурулов Эркетеневского улуса меркетова рода бакши Первого большого хурула Ширип Нарынов сообщал, что Первый эркетеневский хурул Большой хурул (Ики-хурул) весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Котка), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро). Манджики состоят из будбулова, цатанова, меркетова, хоокчутова, кетченерова, шарс багутовского и гуюрмутова родов.

Второй Большой хурул (Докшудов). Весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Бартха), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро). Манджики состоят из кетченерова, мацагакинова, цебгакинова, шебенерова, ики–хапчинова, тобенкинова, бага–хапчинова родов.

Третий большой хурул (Ики-малу) весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Джанай), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро). Манджики состоят из эрекчутова рода, харнутова рода аймака зайсанга Никеева.

Четвертый малый хурул (Бага-мала) весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Маргата и Одюдень), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро). Манджики состоят из бульчинерова и машебенерова родов.

Пятый малый хурул (Еми Ихи Емин) весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Котка), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро).

Шестой малый хурул (Мани и Манлан) весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Кек Усун), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро). Манджики состоят из цатанова, керетова и эрекчутова родов.

Седьмой малый хурул (Бага-Мала) весной, летом, осенью кочует на разных урочищах (урочище Джамбыш и Тапка-Гецуль), а зимой бывает при зимней ставке на урочище Донам-Быш (Белое-озеро). Манджики состоят из бага–хапчинов и ики–хапчинов родов.

Яндыковский улус

Попечитель Яндыковского улуса Артемьев и старший бакша всех яндыковых хурулов Ширип Мончаев сообщали о хурулах, что яндыковский большой хурул кочевал летом по берегам ильменей Лабзанг, Джабага, Цурхата, зимой — Гахата. Ученики из ламан-шабинерова рода, барунова рода аймака зайсанга Улюмджи Замбаева, барунова рода аймаку зайсанга Бадма Церенова, барунова рода аймаку зайсанга Оргечкиева, барунова рода аймаку зайсанга Моголцык Бадмаева, барунова рода аймаку зайсанга Корнусова, керетова рода аймаку зайсанга Босхо Эрдениева,

Большой Багутов хурул кочевал летом при худуках Гурбун-Малзарнке, Гурбун-Маштак, Ботошь Монтошь, зимой

при худуке Булгум. Ученики багутова рода аймаку зайсанга Лиджи-Гаря Оконова.

Цатанов большой хурул кочевал летом Хо-та, зимой – Гу-та. Ученики цатанова рода аймаку зайсанга Эрдени Малочаева,

Шебенеров Бага–хурул кочевал летом стороне Борлнь хал, на урочище Зар, зимой на урочище Бу. Ученики керетова рода аймаку Эльзете Самтанова, шебенерова рода.

Хурул керетова рода летом стороне Борлнь хал, на урочище, Уту-Газар, зимой – Бора, Уту-Газар. Ученики керетова рода аймака Убуши Хечиева, керетова рода Самтанова, керетова рода Сангаджиева, керетова рода Бебюева, керетова рода Корнусова.

Керетова рода Бага хурул кочевал на урочище Даб-хар.

Батутов Бага-Хурул кочевал в местности Тарани-хол. Ученики Батутова рода, керетова рода зайсанга Босхо Эрдениева, барунова рода, аймаку Бадма Церенова, аха-цатанова рода аймаку зайсанга Сангаджи Убушиева, аха-цатанова рода аймаку зайсанга Самтана, керетова рода Самтанова.

Цатанов бага хурул кочевал берегу ерика, зимой на урочище. Ученики цатанова рода амаку зайсанга Эрдение Мальчаева.

Багутов Бага-хурул кочевал зимой и летом на урочище Диике. Ученики багутова рода аймаку зайсанга Лиджи-Гаря Оконова, багутова рода аймаку зайсанга Басанг Бюбеева, багутова рода Наран Даржаева.

Мочажное ведомство

Отдельно надо указать хурулы Мочажного улуса или ведомства, где кочевали обедневшие рода всех калмыцких улусов. Попечитель Овечкин сообщал о следующих хурулах и родах.

Ики-Багутов хурул Эркетеневского улуса. Хурул кочевал летом близ урочища Зурмата, а зимой на урочище Зурмата. Ученики ики-багутова рода зайсанга Лиджи-Манджи Эрдени-Убушаева.

Шарс-Багутов хурул Эркетеневского улуса кочевал летом на урочище Цаган-Обесте, а зимой на урочище Абалик. Ученики шарс-багутова рода зайсанга Замба Цюрюмова.

Замутов хурул Багацохуровского улуса кочевал весной, летом и осенью на урочище Махлата и Шегете, а зимой на урочище Модон-Шохо. Ученики барунова рода зайсанга Гаря Джимбеева.

Шонтолов хурул Багацохуровского улуса кочевал весной в окрестностях урочища Табун-Булунг, летом и осенью на урочище Гахата, Бигчалда, Боро-Аджилга, Дабаста, а зимой на урочище Табун-Булунг. Ученики зюневых родов зайсанга Хонгора Ака-Манджиева и зайсанга Онкора.

Манджинов хурул Багацохуровского улуса кочевал летом на урочище Махлата, Лован, а зимой на урочище Марсим. Ученики зюневых родов зайсанга Павла Алексеева и зайсанга Убуши-Манджи.

Замутов хурул Икицохуровского улуса. Данный хурул постоянно находится на урочище Шабарта. Ученики замутова рода зайсанга Галя Самтанова, кебюн-ноготова рода зайсанга Эрдени Амгулунгова.

Харахусовский малый хурул. Хурул постоянно находится на урочище Сухата. Ученики харахусовского рода зайсанга Бадма Эрдениева [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 46–47].

Таким образом, исследование мест кочевок хурулов позволит уточнить как места кочевок калмыцких хурулов и родов, и то какие рода поддерживали тот или иной хурул.

2.7. К вопросу о преподавании основ буддийской веры в астраханском калмыцком училище

В современной общественной жизни России религия расценивается как исторически закономерный институт, который играет значительную роль в жизни человека, утверждая приоритет духовности над экономическими и иными ценностями. В связи с этим укрепляется взгляд на религию как на социокультурный феномен, изучение которого должно стать предметом как социологической науки, так и гуманитарного образования. В последнее время наблюдается усиление сотрудничества традиционных российских конфессий и государства в области духовно-нравственного воспитания, что привело к разработке новых учебных программ, обеспечивающих духовно-нравственные компоненты в содержании образования [Марзаева 2012: 827].

Рассмотривая первый опыт введения религиозного обучения в систему образования Калмыцкой степи. Следует отметить, что обучение основам буддийской веры с давних времен было прерогативой исключительно буддийской церкви, когда при калмыцких хурулах создавались школы, где детей обучали гелюнги (буддийские священнослужители) [Лиджеева 2012: 152]. Такие хурульные школы до середины XIX в. были единственными светскими образовательными учреждениями в Калмыцкой степи. Лишь в 1822 г. в ней побывал действительный тайный советник К. В. Нессельроде, который высказал свои первые соображения в Министерстве народного просвещения по поводу организации светских школ для калмыков. Примечательно, что он предлагал ограничиться созданием калмыцких классов при Астраханской гимназии, поскольку открытие отдельного калмыцкого училища он считал нецелесообразным ввиду кочевого образа быта калмыков [Позднеев 1889: 2].

После закрытия в 1836 г. Медицинской школы в Санкт-Петербурге, которая готовила переводчиков с калмыцкого языка, возникла идея создания калмыцкого училища. Ученый А. Курапов указывает, что проект создания калмыцкого училища в Астрахани в ноябре 1836 г. подготовили астраханский губернатор И. С. Тимирязев и Совет управления Калмыцкого народа [Курапов 2011: 207]. Надо отметить, что по плану губернатора в штат училища предполагалось ввести преподавателя буддийского вероисповедания. Им должен был стать гелюнг из Ламайского духовного правления, по назначению Ламы калмыцкого народа. По мнению А. Курапова, предложенный вариант в значительной степени отличался от общей религиозной политики правительства России по отношению к буддизму вообще и калмыцкому буддизму в частности. Такое отношение к вопросам религиозной политики со стороны губернатора вызвало ряд критических замечаний по проекту устава у чиновников Министерства народного просвещения. Чиновники посчитали возможность введения в перечень учебных предметов буддийского вероучения как опасный нонсенс, а потому участие буддийского священнослужителя предлагалось ограничить только проведением обрядов [Курапов 2011: 208].

В результате завязавшейся межведомственной переписки был подготовлен новый проект устава, разработанный главным попечителем калмыцкого народа к 1 ноября 1841 г. Данный проект в дальнейшем стал правовой основой для открытия калмыцкого училища в Астрахани. Пять параграфов устава оговаривали участие в учебном и воспитательном процессе гелюнга. Он дополнял штат вспомогательного персонала, являясь комнатным надзирателем и помощником преподавателя училища, обязательным требованием было знание русского языка. Функции же гелюнга как преподавателя, сводились к обучению детей калмыцкому языку [Курапов 2011: 210–211].

Окончательно преподавание основ буддийской веры было закреплено в «Положении об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г., несмотря на сопротивление чиновников из Министерства народного просвещения. По этому Положению для распространения между калмыками русского языка и «приуготовления способных переводчиков и толмачей» при Астраханской палате государственных имуществ (далее — АПГИ) должно было открыться училище, в список учебных предметов которого включалось преподавание основ буддизма. Для этого один из буддийских священнослужителей должен был по направлению Ламы калмыцкого народа приглашаться в училище «для наставления воспитанников правилам Буддийской веры» в праздничные дни по буддийскому вероисповеданию [ПСЗ РИ 1848: 372–373].

6 декабря 1848 г. в г. Астрахани было открыто Калмыцкое училище на 50 воспитанников [Сартикова 2011: 98]. Последующие мероприятия по организации учебного процесса и укреплению материальной базы отодвинули на время вопрос преподавания основ буддийской веры в училище. Но спустя год, 8 ноября 1849 г., на имя Ламы калмыцкого народа поступило отношение из АПГИ, в котором указывалось, что «по пункту № 8 положения об училище детей калмыков постановлено: для наставления воспитанников правилам Буддийской веры приглашать в праздничные по буддийскому вероисповеданию дни одного из духовных чинов, состоящих при Вас». Вследствие этого АПГИ просило Ламу калмыцкого народа назначить по своему усмотрению «сведущаго и благонадежнаго гелюнга из ближайшего к Астрахани хурула на Калмыцком Базаре находящагося» и уведомить АПГИ о своем выборе [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 2–3].

При этом чиновники из АПГИ отдельно указывали, что назначенный гелюнг должен был посещать училище «в

праздничные Дни, положенные по Буддийскому вероисповеданию неуклонно» и каждый праздник «посещал Училище и преподавал правила веры». А также указывалось, что за посещение училища гелюнгу не полагалась никакого вознаграждения, потому что он не включался в штатное расписание. То есть, по сути гелюнг должен был читать лекции и отправлять буддийские обряды на бесплатной основе. Чтобы не тратить много времени на дорогу предписывалось назначить ламу из ближайшего к Астрахани Калмбазаринского хурула [НА РК. Ф.42. Оп.1. Д. 40. Л. 3]. Однако Лама калмыцкого народа решил иначе и 4 декабря 1849 г. предписал хошеутовскому Бакше назначить гелюнга из «Аршин Бакши хурула или Бакшин Хурула» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 3 об.].

Затянувшееся молчание Ламы калмыцкого народа вынудило чиновников из АПГИ 17 декабря 1849 г. отправить Ламе калмыцкого народа повторную просьбу «о выполнении отношения от 8 ноября для назначения гелюнга в училище детей калмыков, для преподавания правил Буддийской веры» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 4 об.]. Столь долгое молчание Ламы калмыцкого народа было связано с тем, что калмыцкие священнослужители категорически отказывались заниматься преподаванием в калмыцком училище, не желая совершать длительные и неоплачиваемые поездки в г. Астрахань, особенно в дни калмыцких праздников, когда они имели возможность получать большие пожертвования от верующих. Также не все калмыцкие гелюнги знали русский язык, не все из них могли вести занятия по основам буддийской веры и, наконец, не все из них желали менять свой привычный образ жизни. Назначение наставником в калмыцкое училище воспринималось священнослужителями как тягостная обязанность, выполнения которой они всячески старались избежать. Лама калмыцкого народа решение этой задачи переложил на плечи улусных бакшей, которые в условиях всеобщего нежелания подбирали гелюнгов, не пользовавшихся большим авторитетом в хурулах (самых молодых, или самых старых).

6 января 1850 г. Лама калмыцкого народа сообщил чиновникам АПГИ о том, что для преподавания правил буддийской веры воспитанникам училища назначен гелюнг Лузунг Джимбе. Однако уже 28 февраля 1850 г. Лама калмыцкого народа получил письмо из АПГИ, в котором в резких тонах указывалось, что назначенный гелюнг требовал денежного содержания несмотря на то, что «по Высочайше утвержденному штату об училище детей Калмыков гелюнгу, преподающему воспитанникам буддийское вероисповедание» оно не положено, что преподавание ведется не весь год, а «во дни только калмыцких праздников, которые бывают редко». Также сообщалось, что гелюнг Лузунг Джимбе прилюдно позволял себе «входить в слишком свободные и неуместные суждения о распоряжениях правительства». Вследствие чего, писали чиновники из АПГИ, гелюнг Лузунг Джимбе как человек, «обнаруживший строптивый характер и образ мыслей, не соответствующий с духовной кротостью, монашеству», а также по молодости лет не может быть допущен к отправлению должности «наставника юношества». А потому чиновники из АПГИ просили Ламу калмыцкого народа найти другого гелюнга «в летах почтенных» и согласного жить по правилам училища [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 8–9].

Просьба назначить ламу более почтенного возраста была удовлетворена назначением гелюнга Балдан Шириба. Но второй наставник был в настолько «почтенных летах», что 28 марта 1851 г. АПГИ снова вступило в переписку с Ламой калмыцкого народа с просьбой о назначении в училище нового наставника для преподавания «детям правил

Ламайской веры», вместо умершего гелюнга Балдан Шириба [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 10–10 об.]. Теперь гелюнг-наставник для преподавания детям «правил буддийской веры», как сообщал Лама калмыцкого народа, должен был быть выбран бакшой Эркетеневского улуса из числа его духовенства. Но выбор Эркетеневского бакши был настолько неудачен, что 22 июня 1851 г. Лама калмыцкого народа донесением в АПГИ сообщил, что посланный из Эркетеневскаго улуса в училище для преподавания буддийских законов калмыцким детям гелюнг Генден «по неспособности к сей должности мною» был замещен другим [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 13].

Следует сказать, что нежелание чиновников из АПГИ уяснить причины отсутствия заинтересованности у гелюнгов преподавать в калмыцком училище привела к тому, что буддийские священнослужители зачастую саботировали свое назначение наставником в училище. Доходило до того, что священнослужители свой отказ мотивировали незнанием предмета или прикрывались откровенной дерзостью. И Лама калмыцкого народа был вынужден назначать гелюнгов из разных улусов. Проблемы и организационные неурядицы, связанные с преподаванием основ буддийской веры, отчасти были решены лишь с течением времени. Так, наиболее болезненный вопрос о денежном вознаграждении за преподавание в училище был решен, с принятием негласного решения выплачивать его из средств того улуса, из которого назначался гелюнг-наставник. Так, 21 сентября 1851 г. гелюнгу Эркетеневского улуса Коме Кюкееву, «наставнику обучающего калмыцких мальчиков», было выдано «тридцать рублей серебром» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 14–14 об.].

Со временем буддийское духовенство осознало цели создания калмыцкого училища. У части из них даже возникла идея подготовки священнослужителей для буддийских хурулов на базе Астраханского калмыцкого училища. Так, 20 августа 1856 г. Лама калмыцкого народа сообщил, что гелюнг Яндыковского улуса Лузунг предложил статскому советнику Лошкареву рассмотреть вопрос о преподавании в калмыцком училище хурульного (т.е. тибетского — В. Б.) языка с целью подготовки калмыцких гелюнгов в Астраханском калмыцком училище. Для этого он просил назначить его постоянным наставником и включить его в штатное расписание [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 40. Л. 18–18 об.]. Однако идея о подготовке служителей для буддийской церкви, не вызвав энтузиазма в администрации Астраханской губернии, так и осталась нереализованной. А в 1892 г. после отмены обязательных отношений в Калмыкии преподавание основ буддийской религии в училище и вовсе было прекращено [Ташнинов 1969: 36].

Таким образом, введение в список учебных предметов Астраханского калмыцкого училища основ буддийской веры является одной из первых в XIX в. попыток преподавания основ буддизма в светском образовательном учреждении. Говоря об истории вопроса преподавания основ буддийской веры в калмыцком училище надо отметить, что несмотря на трудности, возникавшие в связи с недопониманием чиновников из АПГИ, на противодействие Министерства народного просвещения введение в учебную программу Астраханского калмыцкого училища такой дисциплины явилось большим шагом на пути становления национального образования. Преподавание основ буддийской веры позволило улучшить нравственное состояние воспитанников, развить межрелигиозный диалог и воспитывать в них толерантность.

Глава 3.

Семья, общество и культура

3.1. Большая патриархальная семья и кризис кочевого скотоводства

Бытование большой патриархальной семьи у калмыков во второй половине XIX в., т. е. семьи, состоящей из нескольких поколений ближайших родственников и ведущих совместное хозяйство со старшим мужчиной во главе, остается достаточно неизученной темой. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков писал, что господствующей формой семьи в калмыцком обществе на протяжении всего XIX в. была малая моногамная семья [Шалхаков 1982: 36]. Данное мнение ученого перевешивало в отечественной историографии длительный период. Однако новые источники позволяют нам говорить о существовании большой патриархальной семьи у калмыков в XIX в.

Одним из доказательных примеров может служить распространение карточных игр среди калмыков. Так, в 1807 г. торгутовские нойоны Эрдени и Джиргал в своем письме к Главному приставу А. И. Ахвердову сообщали, что в Икицохуровском улусе происходят случаи, когда «несколько человек промотавши весь свой скот похищают воровски оной у своих родственников и отдают за долг ими промотаны, и тем

разоряют других» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 22]. Примечательно, что сами ограбленные не выдвигали никаких претензий к игрокам, выступая солидарно по их долгам. Представляется, что, только являясь членами большой патриархальной семьи, картежники могли свободно распоряжаться чужим имуществом.

Другим свидетельством бытования большой патриархальной семьи могут стать дела об усыновлении. Так, в 1837 г. зайсанг Нима, претендуя на право наследования владения аймаком умершего багацохуровского зайсанга Атуя, заявил в ККД, что он был усыновлен Атуем. При рассмотрении дела владелец Хошутского улуса Церен-Норбо Тюмень, выступая как знаток калмыцких обычаев, сообщил, что усыновлять кого-либо можно только по согласию со стороны родственников усыновляющего [Бюлер 1846: 9].

Достоверным примером существования большой патриархальной семьи у калмыков может служить функционирование института левирата у калмыков в XIX в. По старому обычаю, калмыцкая знать делила свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но, чтобы такие разделы наследства между многочисленными наследниками не приводили к утрате материальных и людских ресурсов, существовал левират. В семьях калмыков-простолюдинов левиратные браки имели экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить в большой патриархальной семье ее имущество и фертильный потенциал. Высокие риски, связанные с кочевым скотоводством, могли легко привести к разорению калмыцкой семьи. Левиратный брак позволял не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи, а также помогал избежать больших финансовых трат, потому что при таких браках не проводилось свадебных обрядов.

Наконец, существование большой патриархальной семьи наглядно могут подтвердить посемейные списки калмы-

ков. Так, в 1869 г. упоминается Уласта Бекеев, который жил одной большой семьей с женой по имени Бадма-Улюмджи и двумя братьями Эренидженом и Манчиком. Причем его младший брат Манчик сам был женат [НА РК. Ф. 9. Оп. 3. Д. 3. Л. 7]. В 1884 г. помощник попечителя Малодербетовского улуса Россинский проводил следственные действия по поводу посемейных списков Тебектенерова рода, в которых упоминается семья Манджи Бадмаева. Вместе с женой с ним жили его отец, Бадма Шараев (90 лет), мать Чанкельдан (58 лет) и младший брат Монтоха (21 год). Примечательно, что помощник попечителя разделял Бадмаевых на три семьи или три окладные кибитки, но из дела становится понятно, что все они проживали вместе одной семьей. Более того, главой семейства считался их отец Бадма Шараев [НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 268. Л. 142].

Реформа 1892 г. привела к отмене феодальной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов, в калмыцких аймаках и улусах в их роли стали выступать представители российской администрации. Следствием реформы также стало исчезновение традиционных правил кочевок, и теперь население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы более эффективно использовать свои территории в условиях все большего роста числа крестьян-переселенцев и связанного с этим сокращения территории калмыцких земель. Все это, а также активное развитие отходничества, привело к изменению традиционного хозяйственного уклада — переходу к полуоседлому образу жизни [Батыров 2009: 523]. Распространение малой моногамной семьи способствовало возрастанию роли мужа в семье. Так, в 1868 г. чиновники из УКН писали, что семейная жизнь калмыков представляет «картину первобытного состояния народа, он обыкновенно мало заботится о своих домочадцах, для него жена и не более как

рабыня <...> для исполнения всех его прихотей и желаний» [НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937. Л. 19].

Точку в вопросе существования большой семьи у калмыков поставили крестьянская колонизация, распашка земли и бесконтрольный выпас огромного количества скота из соседних губерний, которые привели к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий в Калмыцкой степи. Так, в 1864 г. владелец Харахусовско-Эрдниевского улуса Дугаров сообщал попечителю о конфликте крестьян из с. Соленое Займище с казаками ст. Грачевской, которые помешали им распахивать калмыцкие земли тем, что сами их распахали [НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 164. Л. 202]. От захвата территорий страдали не только простые калмыки, но даже представители калмыцкой аристократии. Осенью 1864 г. крестьяне из с. Цаца самовольно распахали земли на территории ильменя Аржанец, который принадлежал нойону Малодербетовского улуса Ц. Тундутову [НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 164. Л. 139-140]. На другой год крестьяне из с. Цаца произвели «самовольное сенокошение» на том же ильмене [НА РК. Ф. 6. Оп. 4. Д. 157. Л. 1].

Как писали А. Наберухин и А. Тепикин, «наблюдается бессилие родовых (аймачных) обществ в деле регулирования выпаса постороннего скота, поскольку даже с их разрешения площадь выпаса не ограничивается только указанными для выпаса урочищами, а потравляются сенокосные угодья, необходимые для калмыков, допустивших выпас только на излишних для них землях» [Наберухин 1980: 44]. Это стало основополагающей причиной для каждого калмыцкого хозяйства большой патриархальной семьи — выделять семьи совершеннолетних членов мужского пола для получения в соответствии с общепринятыми правилами дополнительного пая из общинных сенокосных угодий [Бадмаев 1994: 18]. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи

в конце XIX в. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи. Тем не менее пережитки большой патриархальной семьи у калмыков сохранялись вплоть до 70-х гг. XX в. Существовала практика, когда сын после своей женитьбы не отделялся от семьи, а жил вместе с отцом, матерью и своими неженатыми братьями, ведя совместное хозяйство. Подтверждением тому служит то, что многих калмыцких селах можно было встретить глинобитные дома, разделенные на две части —отец делал пристройку к дому для женатого сына.

Таким образом, произошедшее в ходе реализации реформы 1892 г. сокращение территорий калмыцких земель стало причиной кризиса кочевого хозяйства и привело к переходу калмыков к полуоседлому образу жизни, что в свою очередь, повлекло распад большой патриархальной семьи. В конце XIX в. все большее распространение у калмыков получает малая индивидуальная моногамная семья.

3.2. Брак умыканием у калмыков

В свадебной обрядности калмыков в XIX в. можно выделить два основных способа заключения брака — через сватовство и умыкание невесты. Брак умыканием среди калмыков имел довольно широкое распространение еще в первой половине XIX в. Ученый Д. Д. Шалхаков писал, что у калмыков встречались формы заключения брака, которые не требовали сватовства и свадьбы вплоть до 20-х годов XX в. [Шалхаков 1982: 32]. Мотивом похищения мог быть как отказ родителей невесты выдавать дочь за сватающегося, так и возникшие личные отношения между юношами и девушками.

В исторической литературе сложилось достаточно обоснованное мнение о том, что в дореволюционный период основной причиной похищения невесты у калмыков было желание избежать материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011; Батыров 2013]. Эти фиктивные похищения невест, происходившие с негласного обоюдного согласия родителей, были, главным образом, характерны для бедных, малоимущих калмыков. Хотя обычно никто не акцентировал внимания на составе и размере финансовых затрат на проведение свадебных мероприятий, они требовали больших расходов, поскольку немалая доля средств тратилась на подарки и подношения буддийским священнослужителям. На этот факт одним из первых указывал Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко, еще в 1816 г. отмечавший, что наибольшие затруднения в свадебной церемонии вызывало согласование даты свадьбы у буддийских астрологов [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д.161. Л. 119–119об.]. Примечательно, что, по мнению Главного пристава, именно эта причина способствовала широкому распространению

брака умыканием в Калмыцкой степи. И много позже, в 1892 г. УКН также отмечало, что только «ничтожная часть браков» регистрируется Ламайским духовенством, да и то только по отношению к «зажиточному классу», имеющему возможность заплатить за совершение религиозных обрядов [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41. Л. 25]. То же самое наблюдалось и при совершении обрядов, связанных с рождением и смертью.

Однако нельзя возлагать всю вину за распространение брака умыканием всецело на буддийское духовенство. Причины столь большой популярности брака умыканием в калмыцком обществе напрямую связанны с политикой правительства Российской империи по ограничению территорий кочевий калмыков. Невозможность функционирования кочевого скотоводства в новых границах привела к его длительному кризису, к обнищанию калмыцкого населения, что повлекло за собой появление новых форм хозяйствования, отходничества. Ликвидация Калмыцкого ханства позитивным образом отразилась на усилении буддийской церкви. Калмыцкие шаманы, которые ранее определяли благоприятные дни для свадебных церемоний, практически исчезли под давлением буддийской церкви. В глазах чиновников буддийская организация, поддерживающая начинания российской власти, была предпочтительней, чем разрозненные шаманы. В этих условиях происходит усиление роли буддийского духовенства в калмыцком обществе, а буддийские ламы стали играть важную и незаменимую роль в свадебной обрядности у калмыков.

Свадьба в жизни калмыков была очень значимым событием. Она должна была проводиться в строго определенный «благоприятный» день, а жених и невеста должны были подходить друг другу как духовно, так и физически. В случае какого-либо несоответствия это могло привести, по

поверьям калмыков, к несчастьям, болезням, бездетности и даже смерти одного из супругов. Поэтому дата проведения свадебной церемонии, а также соответствие или несоответствие жениха и невесты, полностью зависели от решения буддийских священнослужителей — астрологов или *зурхачи*. Участие в свадебных мероприятиях требовало больших материальных трат в виде подарков астрологам от обеих семей [Душан 1976: 48]. В начале XIX в. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко писал, что «гелюнги должны сообразить день рождения обоих и назначить день брака, коих очень редко в году бывает» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д.161. Л. 119–119об.].

Важные сведения о церемонии бракосочетания можно найти в «Материалах дела о правах сына калмычки Булгун Бата Убуши на владение Яндыко-Икицохуровским улусом» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д.45]. В отношении Яндыко-Мочажного Улусного Зарго от 19 июля 1852 г., направленном на имя Ламы калмыцкого народа, сообщалось, что калмычка Булгун была замужем за владельцем Яндыко-Икицохуровского улуса Батыр Убуши. В качестве того, что ее брак с умершим владельцем имел легитимность в глазах калмыцкого общества, она привела тот факт, что когда она выходила замуж за владельца двух улусов Яндыковского и Икицохуровского, то с умершим владельцем Батыр Убуши ее венчали два гелюнга «Джамцуев со стороны Яндыковского и Добдон Шоголонов со стороны Икицохуровского оба эти гелюнга назывались “*зурхачи*”» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д.45. Л. 3].

Здесь интересно то, что Булгун особо подчеркивает: буддийские священнослужители были не просто *гелюнгами*, а астрологами. Главная функция *зурхачи*, или «гадальщиков-ворожей», выражалась в том, что они могли читать священные книги и предвещать «добрую, счастливую или несчастливую судьбу брачащихся» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д.45.

Л. 3об.]. Только *гелюнги-зурхачи* имели особый дар предрекать новобрачным их жизнь. Природа дара *зурхачи*, по поверьям калмыков, заключалась в том, что *Бурхан* вдыхает им эту способность как награду за доброжелательную и честную жизнь. Особо стоит отметить, что важную роль имело и социальное происхождение священнослужителя. *Зурхачи*, который принимал участие в свадьбе, непременно должен был происходить из высшего сословия, т.е. быть *цаган яста*, поскольку «калмык-простолюдин, чтобы стал *зурхачи*, того и неслышно» было [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д.45. Л. 3об.].

Надо отметить, что в данном архивном деле приводится описание ритуала самого бракосочетания: *зурхачи* читал священные книги, чтобы определить жениху и невесте счастливую судьбу, а в это время другой *гелюнг* или *гецуль* брал одной рукой голову жениха, а другой — голову невесты и, наклоняя их друг к другу, также произносил священные слова, освящая их союз и благословляя новую супружескую жизнь, призывая на головы новобрачных благословение *Бурхана* [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д.45. Л. 3об.]. В свадебной церемонии Батур Убаши и Булгун участвовало два *зурхачи* от Яндыковского улуса Замбо Джамцуев, от Икицохуровского улуса Добдон Шоголонов, которые читали священные книги и молились *Бурхану*, «чтобы он благословил жизнь им и послал им потомство». Один из них сидел на стороне жениха Батыра Убуши, а другой — на стороне невесты, а *гецуль* Ходжабаев «одною рукою держа голову Батыр Убуши а другою голову ея Булгун склонял оныя друг к другу и таким образом венчал их произнося священные слова» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д.45. Л. 4].

Исходя их этих фактов, можно предположить, что в более ранний период истории проведение церемонии бракосочетания согласно народным поверьям возлагалось на представителей нойонов и зайсангов, которые согласно народным поверьям наделялись особыми сакральными свойствами. К тому же в калмыцких аймаках и улусах представитель аристократии считался главой рода. Несомненно, оставаясь в народной памяти, это привело к установке негласного правила, что *зурхачи* могли быть только представители аристократии.

Одним из последствий распространения брака умыканием в калмыцком обществе стала их непрочность. Погоня за экономией на проведении свадебных обрядов обернулась тем, что брак умыканием стал считался легитимным. Только «полноценная» свадьба, проведенная в соответствии с традициями, легитимизировала брак в глазах калмыцкого общества. Следует отметить, что многочисленные жалобы и обращения населения Калмыцкой степи привели к тому, что в 1839 г. Ламайское духовное правление признало у калмыков похищение невесты против ее желания и желания ее родителей уголовным преступлением. Введение судебной ответственности за насильственное похищение невесты, а также имевшие место затяжные конфликты между калмыцкими родами привели к тому, что во второй половине XIX в. брак умыканием стал напоминать традиционную свадьбу, пусть в упрощенном виде, но со всеми ее основными этапами. Главная особенность теперь заключалась в отказе от участия в свадебных мероприятиях буддийских священнослужителей.

В 1897 г. имело место событие, ход которого дает ценные сведения о функционировании брака умыканием в Калмыцкой степи. Полицейский стражник Управления калмыцким народом по фамилии Бунин, который прибыл в Капканкинов род для решения имущественного спора между вдовой умершего зайсанга Капканкинова рода Намсык Капкаевой и ее сыном Санджи Намсыковым, неожиданно для себя оказался невольным свидетелем процесса брака умыканием. Находясь в хотоне, он увидел, как туда приехали пьяные калмыки Тебектенерова рода и «насильно стали брать девицу Баир Лиджиеву», ломая дверь в кибитку. Пытаясь

им помешать, Бунин, по просьбе вдовы, вошел в кибитку, где находилась девушка, но там за горло его схватил один из приехавших по имени Дорджи Манджиев и повалил на землю, говоря при этом: «Это не твое дело» [НА РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 867. Л. 3].

28 мая 1897 г. помощнику Попечителя Малодербетовского улуса Лебедеву поступило заявление от Цаган Намсыковой, вдовы умершего зайсанга Капканкинова рода Намсык Капкаева, которая заявила о похищении своей племянницы Баир Лиджиевой. Она сообщала, что, желая перекочевать подальше от сына в улусную ставку, прибыла в Капканкинов род вместе со стражником улусного управления Буниным. Имущество, из-за которого произошел спор, состояло из 19 голов крупного рогатого скота, 80 овец и кибитки с домашней утварью. Однако во время ее отсутствия сын забрал из сундука серебряную узду, серебряный нагрудник и серебряный нахвостник калмыцкой работы, три котелка, три калмыцких чаши, 20 аршин кумача и пр., оставив ей кибитку, сложенную на телеге.

Возмущенная этим Цаган Намсыкова попыталась сорвать свадьбу своей племянницы, которая игралась в день ее приезда в виде похищения невесты. После этого, 27 мая, в хотон неожиданно приехали калмыки Тебектенерова рода, которые пробыли полчаса у Санджи Намсыкова, а затем вместе с ним пришли в кибитку калмыка Ики-Манлан Шебенерова рода Манджи Бембеева, который жил в Капканкиновом роду. У М. Бембеева находилась племянница Цаган Намсыковой — Баир Лиджиева Намсыкова. Ее сын Санджи Намсыков приказал увести Цаган Намсыкову от кибитки. В пылу борьбы ее повалили на землю, а в это время Санджи Намсыков сломал дверь, и его товарищи «насильно» увезли ее племянницу Баир Лиджиеву в Тебектенеров род. Во время этих событий и пострадал и полицейский стражник Бунин [НА РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 867. Л. 2-3].

При опросе Санджи Намсыкова выяснилось несколько важных деталей похищения невесты. Так, он прямо заявил, что Му Джабанов, который увез девушку вместе со своими товарищами, имел на это полное право, потому что он привез водки, закуски, конфет и барана по «калмыцкому обряду». Более того, племянница была сговорена в прошлом 1896 г. за Му Джабанова и он за нее подарил одну лошадь и 80 рублей деньгами. В подтверждение своих слов он указал на бывшего хотонного старосту Я. Мухлаева, который согласно обычаю тоже получил в подарок тулуп. Опрошенный староста Я. Мухлаев подтвердил, что Баир Лиджиеву увезли как невесту.

Наиболее подробные сведения о проведении этого квазисвадебного обряда дал Му Джабанов, жених из Тебектенерова рода, который при опросе заявил, что приехал в Капканкинов род вместе с товарищами «в числе 20 человек на свадьбу с невестой Баир Лиджиевой Намсыковой», засватанной за него по калмыцкому обряду [НА РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 867. Л. 4]. Он подарил привезенные с собой подарки Санджи Намсыкову и посидев у него в кибитке за угощением, отправился домой со своей невестой. Му Джабанов указал на то, что несмотря на формально проведенное умыкание невесты, задолго до описанных событий им были проведены все необходимые этапы сватовства с привозом всех полагающихся подарков опекунам невесты. Он сообщил, что Баир Лиджиева была засватана им в 1896 г. с согласия его матери и дяди. В первый раз он привез 80 рублей, которые были подарены дяде, во второй раз — «красного меха шубу» (15 руб.), в третий раз — коня (70 руб.). Также отдельно он указывал на то, что подарил «старухе» 100 руб., пять возов сена для «воспитания скота» и шелковый халат (10 руб.) [НА РК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 867. Л. 4].

Му Джабанов увез Баир Лиджиеву из хотона, где она жила у своей бабушки, с ее согласия и надлежащим обра-

зом, т. е. по калмыцкому обряду. Сам Му Джабанов и Цаган Намсыкова пожелали закончить дело миром. В том же году Малодербетовский улусный Зарго объявил, что похищение произошло по существующему у калмыков обычаю, после сговора и уплаты обычного выкупа за невесту с согласия похищаемой и с ведома родственников. С середины XIX в. брак умыканием без согласия невесты и ее родителей стал встречается все реже. Однако в 1874 г. калмык Ульдючинова рода Мучка Досваев с пятью товарищами похитил девушку Бокшу Бадгаеву, при этом они взломали сундук и похитили из него 10 руб., принадлежавших калмычке А. Бадгаевой [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 11].

Таким образом, широкое распространение брака умыканием во второй половине XIX в. было связано со стремлением избежать больших материальных затрат со стороны семей жениха и невесты. Однако в этот же период можно наблюдать, что брак умыканием фактически приблизился к традиционной свадебной обрядности, единственным его отличием стало выключение из проведения свадебных мероприятий буддийских астрологов *зурхачи*. Это привело к тому, что, если в более ранний период, брак умыканием был недостаточно легитимен в глазах калмыцкого общества, то теперь он не считался чем-то предосудительным. Во второй половине XIX в. количество жалоб и обращений населения Калмыцкой степи на похищение невест существенно уменьшилось, несмотря на достаточно широкое распространение брака умыканием. Кризис кочевого скотоводства и связанное с ним обнищание населения, все более возраставшая роль буддийского духовенства привели к тому, что брак умыканием стал проводиться по заранее выработанному сценарию, после сговора и уплаты обычного выкупа за невесту, с согласия самой похищаемой и с разрешения ее родственников. По сути, брак умыканием представлял собой упрощенную традиционную свадьбу.

3.3. Левират у калмыков в XIX в.

Левиратные браки существовали у многих народов Евразии и Америки. Левират (от лат. levir — деверь, брат мужа) — это одна из форм брака, по которой вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Институт левирата позволял оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциаЛ. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков указывал, что сохранение института левирата у калмыков в XIX – начале XX вв. было «следствием правовых норм патриархально-родового быта, устойчивости его обычаев и традиций, следствием экономических отношений внутри семейно-родственных групп» [Шалхаков 1982: 25].

Американский антрополог Е. Сапир считал, что левират является формой сорората. По его мнению, левират и сорорат отражаются в слиянии терминологической классификации дядей, теток и детей братьев и сестер [Sapir 1916: 328]. При этом левиратный брак, по мнению ученого, накладывал на мужчину право и обязанность воспитания детей своего покойного брата. В дальнейшем другие исследователи стали ставить под сомнение определение Сапиром левирата, указывая, что в истории встречались такие случаи левирата, когда мужчина мог иметь детей со вдовой своего брата от имени этого брата, но не вступая с ней в брак [Pans 1989: 343]. Это противоречило традиционным представлениям о левирате, по которым левират описывается как право и обязанность мужчины жениться на вдове брата. Интересно, что в конце XX в. исследователь Б. Бирдж увидела в левирате частичные элементы инцеста [Birge 1995: 145].

Среди основных факторов функционирования левирата в кочевом обществе, по мнению Дж. Хольмгрен, была система калыма и все другие брачные обычаи, направленные на ослабление или разрыв связей с родителями и другими родственниками новобрачной [Holmgren 1986: 190]. Женщины, выходя замуж, переходили в локальную группу мужа, поэтому у калмыков даже замужняя дочь хозяина считается посторонней, и она ни в коем случае не может умереть в кибитке своих близких (по отцовскому роду). Надо отметить, что в отечественной исторической литературе институт левирата у калмыков и по настоящее время остается не до конца исследованным явлением. Долгий период общепризнанным считалось, что левират — это «архаизм» и «пережиток» патриархально-родового строя, который не имел большого распространения в истории семьи и брака у калмыков в XIX в. Случаи левиратных браков упоминались как довольно редкие, без анализа их происхождения и механизмов функционирования в обществе [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011].

Более подробно функционирование левиратного брака в XIX в. можно проследить при изучении материалов различных судебных разбирательств. Так, в 1837 г. калмыцкий суд Зарго решал вопрос, кому управлять оставшимся после смерти Эркетеневского зайсанга Церен-Убуши Мазанова аймаком Гурбуг-Зур. Среди прочих на управление аймаком претендовала зайсангша Амгулунг, у которой был малолетний сын Цеден, младший брат Церена-Убуши. Тогда суд Зарго отказал Амгулунг на том основании, что Цеден «прижит незаконно» [Батмаев 2008: 106]. Позднее, в 1843 г., уже подросший Цеден инициировал новое разбирательство о признании его законнорожденным.

Данное дело послужило толчком к достаточно детальному рассмотрению в Совете калмыцкого управления вопроса о законности браков в случаях «замужества вдов за кого-либо из родственников умершего мужа». В январе 1843 г. Цеде Манжи из Эркетеневского улуса, ранее признанный по решению суда Зарго незаконнорожденным, подал прошение в Совет калмыцкого управления, в котором указывал на законность рождения своего от эркетеневского зайсанга Тугуджи Ончикова [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1]. В качестве доказательства Цеде Манжи сообщал, что по «обычаям калмыков и правилам веры меньшие братья имеют право брать в замужество снох своих, и что обряды такаго бракосочетания уже не совершаются чрез Гелюнгов, но бывают по согласию одних родственников, сохраняя все права брачного союза».

Из прошения выяснилось, что его мать Амгулунг в первый раз вышла замуж за Муку — сына эркетеневского зайсанга Ончика, после смерти Муки она перешла в замужество к Джиргалу — младшему брату Муки, затем к Мирзе, дяде Джиргала, а после смерти последнего перешла в замужество к племяннику Мирзы, зайсангу Тюгуджи, от которого и был рожден сам проситель Цеде Манжи [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об]. При этом в 1821 г. зайсангша Амгулунг, мать Цеде Манжи, подавала прошение в котором указывала, что «прежде в замужестве она была за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ея зайсангша Улюмжи выдала ея в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу от коего и имеет рожденнаго сына Церен Убашу (старшего брата Цеде Манжи)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48].

Поступившее прошение втянуло Совет калмыцкого управления в активную переписку «о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдов за родственников мужей их» с наиболее авторитетными фигурами Калмыцкой степи: владельцем Хошутского улуса С. Тюменем, владельцем Малодербетовского улуса Д. Тундутовым и зайсангами,

правителями Багацохуровского улуса. Попечителю Эркетеневского улуса также предписывалось провести отдельное расследование по поводу законности «супружества зайсанга Тюгуджи на зайсангше Амугулунг» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 2].

Полученные ответы озадачили членов Совета калмыцкого управления, поскольку все вышеуказанные лица подтвердили, что калмыки «при первоначальном только сочетании совершают обряд чрез духовенство и хотя при переходе вдовствующих женщин к родственникам мужняго колена или даже сторонних никаких обрядов со стороны духовенства не совершается, но рожденные от такого брака дети пользуются всеми правами законнаго происхождения и правами на наследство».

Так, полковник С. Тюмень сообщал, что на «основании древних калмыцких обычаев меньшие братья имеют право брать в замужество вдовых жен оставшихся после смерти старших братьев – согласно чему бывают примеры и между прочими степенями родства, как то: дядями, племянниками и деверями и пр. <...> а потому и прижитые от оных дети признаются законными же наследниками и получают право наследовать званием отца и его достоянием». В своем письме С. Тюмень даже приводил отдельные примеры существования левиратных браков в калмыцком обществе [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 2об.].

Владелец Малодербетовского улуса капитан Д. Тундутов также отмечал, что «калмыки при первоначальном только бракосочетании совершают обряд чрез духовенство – и хоть при переходе женщин к родственникам мужеска пола или даже сторонних каких обрядов со стороны духовенства не совершают, но рожденные в таком состоянии дети пользуются полным правом на наследство своего родителя». То же подтверждал и один из правителей Багацохуровского

улуса, который писал, что «по калмыцкому закону и обычаям ближние родственники между собою безпрепятственно берут в замужество жен умерших родственников своих. И прижитые от них дети бывают законными, и как обряды бракосочетания совершены уже были при первом браке, то во втором таковых духовенством уже не совершается [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 6–6об.].

Между тем расследование, проведенное попечителем Эркетеневского улуса, дало противоположный результат. Попечитель сообщил, что «разные калмыки того улуса при повальном опросе показали, что по смерти зайсанга Мирзы, жена его Амугулунг до смерти оставалась вдовою и в замужество за зайсанга Тюгуджу не выходила». Оказалось, что отрицание ее бракосочетания населением Эркетеневского улуса базировалось на том, что если бы «таковое замужество действительно было, то по обычаям народа на это должно было быть согласие родственников, а при бракосочетании людей значительных согласия и всего общества». Однако ни согласия родственников, ни согласия всего общества при бракосочетании Тюгуджи и Амгулунг, по словам калмыков Эркетеневского улуса, никто не спрашивал [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3]. Можно предположить, что в начале XIX в. при левиратных браках представителей калмыцкой аристократии, помимо согласия родственников, обычно испрашивалось согласие улусного общества, т. е. населения улуса. После 1834 г. это стало лишь данью условностям и всецело зависело от доброй воли самих участников левиратного брака.

Имея столь противоречивые сведения о законности левиратных браков, Совет калмыцкого управления 18 июня 1843 г. обратился в Ламайское духовное правление с просьбой уведомить Совет «о порядке перехода вдовствующих женщин за родственников их мужей, и сообразны ли отзывы

владельцев Тюменева, Тундутова и Правителя Багацохуровскаго улуса с правилами ламайскаго исповедания, обычаями и обрядами калмыков», а также о том, «точно ли при сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, нужно согласие общества улуснаго и родственников? И если то действительно нужно, то могут ли быть признаны законными браки не сохранившие сих условий?» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3об.].

26 июня 1843 г. Астраханское Ламайское духовное правление отправило ответное письмо в Совет калмыцкого управления, в котором уведомляло:

1. «По древним Калмыцким обычаям и ныне существующих – младшие братья по смерти старших братьев имеют полное право брать за себя в замужество вдовых снох своих, хотя бы и сверх желания их. Это право дозволяет и родственникам мужей их, как то: дядьям, племянникам и деверям мужеска колена, но только с согласия вдовствующих женщин. Старшим же братьям после смерти меньших братьев иметь в супружестве младших снох своих, мужеска колена, ни каким правом не дозволяется».
2. «При сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, испрашивает согласия улуснаго общества и родственников добрая воля самих вступателей в браки, хотя бы и не сохранены были условии с родственниками и обществом признаются законными и принимаются в Ламайском исповедании за действительныя брачныя союзы».
3. «Отзыва по сему предмету Хошоутовскаго владельца Полковника князя Тюменева, Малодербетовскаго владельца капитана Тундутова и Правителей Багацохуровскаго улуса, о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдовых жен за родственников мужеска колена Ламайское духовное правление находит сообразными с правилами Ламайскаго исповедания, обычаям и обрядам Калмыков» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8].

Следует отметить, что разбирательство по вопросу о законности рождения Цеде Манжи, сына Тугуджи Ончикова, позволило определить основные условия левиратного брака у калмыков в XIX в. Так, по калмыцким обычаям младшие братья имели право брать в замужество своих овдовевших снох после смерти старших братьев, даже против их желания. Это же право предоставлялось и другим родственникам мужа (дядям, племянникам и деверям), но уже с предварительного согласия самих женщин. И, наконец, полностью запрещалось брать в замужество жен после смерти младших братьев старшим братьям.

Выявленные материалы по условиям функционирования левирата у калмыков приводят нас к мысли, что левиратный брак с древности являлся в основном привилегией знати, которая использовала его для решения своих экономических и политических целей [Zhao 2008: 25]. С XVII в. левират являлся формой политического и экономического брака среди калмыцкой аристократии (нойонов и зайсангов), который имел своей целью не допустить дробления калмыцких улусов. Так, А. В. Цюрюмов приводит сведения о том, что сын калмыцкого хана Аюки по имени Гунжеп женился на вдове тайши Араптана, чтобы получить ее улус во владение [Цюрюмов 2005: 24]. В этих условиях левиратный брак был всецело направлен на подавление центробежных процессов в Калмыцком ханстве. По калмыцкой традиции было принято делить свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но перманентное дробление наследства между многочисленными наследниками приводило к утрате ма-

териальных и людских ресурсов. Ярким примером является история хошутского тайши Кунделен-Убаши, который разделил свой улус между всеми своими сыновьями, о чем позже сожалел: «Я, предоставив все управление сыновьям своим, обессилил себя» [Цит. по: Батмаев 2002:148]. Для калмыков-простолюдинов левират преимущественно являлся формой экономического брака, имевшего целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи. В суровых условиях кочевого образа жизни калмыцкая семья могла легко утратить свое материальное благополучие.

В начале XIX в. русское правительство внесло некоторые изменения в наследственное право калмыков, введя Положением об управлении калмыками 1834 г. в обиход кочевой знати понятие майората. Теперь калмыкам запрещалось дробить улусы или аймаки между наследниками, и предписывалось передавать их старшему в роду [Бюлер 1846: 27]. Фактически Положение 1834 г. привело к прекращению функционирования левирата в среде калмыцкой аристократии. Левиратные браки сохранялись только среди простых калмыков как средство сохранения ими своего хозяйства. И. Бентковский упоминал, что во второй половине XIX в. калмыки имели «по две жены, и большею частью тогда, когда старший брат умирая оставляет по себе молодую жену, но меньший брат, хотя и женатый уже, может по согласию взять ее за себя и таким образом живет с двумя женами, помещающимися в разных кибитках» [Бентковский 2011: 458]. В конце XIX–начале XX в. вынужденная сегментация большой патриархальной семьи привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи, что привело к исчезновению левиратных браков и среди простых калмыков.

Таким образом, левиратный брак с древности играл важнейшую роль в подавлении центробежных процессов в калмыцком обществе. Институт левирата защищал семьи калмыцкой аристократии от утраты материальных и людских ресурсов в результате дробления наследства между наследниками. Для калмыков-простолюдинов левиратные браки преимущественно являлись формой экономического брака, имевшего целью не допустить дробления хозяйства большой патриархальной семьи. Левират был одним из фундаментальных институтов, который обеспечивал устойчивость общества и противостоял процессам социальной и экономической раздробленности. Однако после того как российское правительство в 1834 г. ввело понятие майората необходимость в сохранении левирата среди калмыцкой знати отпала. После 1834 г. случаи левиратных браков среди калмыцкой знати становятся все более редкими ввиду распространения моногамных браков.

В отличие от калмыцкой знати среди простых калмыков в больших патриархальных семьях левират сохранялся на протяжении всего XIX в. В семьях калмыков-простолюдинов сохранение института левирата в течение XIX в. во многом имело экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциаЛ. Это стремление избежать материальных расходов наглядно подтверждается тем, что при таких браках не проводилось свадебных обрядов. Реформа 1892 г. и сокращение территорий калмыцких земель стали причиной кризиса кочевого хозяйства и привели к переходу на полуоседлый образ жизни, что стало основной причиной трансформации исторически сложившейся структуры семьи. В конце XIX–начале XX в. большая патриархальная семья постепенно теряет свое значение и все большее распространение получает малая индивидуальная моногамная семья.

3.4. Сороратный брак у калмыков

В калмыцком обществе существовали такие древние формы брака, как левират и сорорат. Сороратный брак (от лат. *soror* — сестра) является формой брака, при котором мужчина одновременно или последовательно вступал в брак с несколькими родными или двоюродными сестрами [Pans 1989: 343]. В российской научной литературе устоялось мнение о том, что обычай вторичной женитьбы вдовца на младшей сестре умершей жены является пережитком сорората и носит такое же название. При этом по традиции мужчина после смерти жены мог вступать в брак как с ее родной, так и двоюродной сестрой, или даже с племянницей.

Данная форма брака была распространена среди многих кочевых народов Центральной Азии. По сообщению Н. А. Кислякова, случаи сороратных браков встречались у киргизов Чуйской долины, когда на сестре умершей жены могли жениться без выплаты калыма, но при соблюдении непременного условия — она должна быть моложе умершей. Далее он отмечал, что у кочевых узбеков-кунградов после смерти жены вдовец часто женился на ее младшей сестре или племяннице, в таких случаях калым, хотя и платился, но в уменьшенном размере. Если же умирала невеста, за которую уплачен калым, то жених требовал ее сестру или возврата калыма [Кисляков 1969: 91–93]. По мнению ученого, существование института сорората наряду с левиратом было обусловлено экономическими соображениями. Это было связано с тем, что «при женитьбе на сестре умершей жены калым платился незначительный» [Цит. по: Байгазиева 2015: 9].

Надо отметить, что в отличие от левиратного брака сороратный брак не был обязательным. После смерти своей невесты или жены мужчина имел право объявить тестю, что

хотел бы жениться на незамужней младшей сестре умершей, но отец мог отказать в просьбе. Помимо экономической заинтересованности семьи мужа в том, чтобы избежать повторных трат на свадебные мероприятия, институт сорората был связан с желанием сохранить уже сложившиеся социальные связи между двумя семейно-родственными группами.

В калмыцком обществе сороратный брак в отличие от левиратного, мог и не иметь экономической подоплеки. Так, в конце XVIII в. бездетным умер от оспы хошутский нойон Люрюп, сын Теки, после которого остались две малолетние сестры — Абали и Цаган. В 1780 г. на старшей из сестер Абали женился мелкопоместный торгутский нойон Цагалай, получивший в качестве приданого 150 кибиток и который «оставя торгоутское свое звание принял на себя хошоутовых владельцов фамилию и был бы над ними яко природный владелец» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 177]. Также решением астраханского губернатора И. В. Якоби было предписано «чтоб меньшая ея сестра, когда придет в совершеннолетний возраст и пойдет в замужество, то ис того улуса отдать принадлежавшую часть» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 81–82]. В архивных документах имеется письмо хошутской владелицы Цаган, дочери умершего хошутского владельца Теки и младшей сестры умершего хошутского владельца Люрюпа от 16 ноября 1780 г. к коллежскому асессору А. П. Воронину, в котором содержатся некоторые сведения об институте сорората. Так, владелица Цаган писала, что ее старшая сестра вышла замуж за владельца Цагалая, сына Арабджура, но через три месяца, «будучи чревата», заболев, умерла. После смерти владелицы Абали зайсанги Тарба и Токтомиш вместе с 60 кибитками откочевали от Цагалая. Чувствуя свое пошатнувшееся положение в Хошутском улусе, 3 сентября 1780 г. «по смерти оной реченной владелец Цагалай от пи-

томцев ее силой отняв». Поскольку владелица Цаган находилась в несовершеннолетнем возрасте, то Цагалай передал свою новую жену «в усмотрение матери своей, у коей находилась без всякаго призрения» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 175-176]. Интересно отметить, что в данном письме можно почерпнуть сведения из данного письма можно узнать о встречавшихся случаях аталычества девочек знатного рода у калмыков. Так, владелица Цаган сообщала: «Отец и брат мой при жизни своей отдали меня на воспитание зайсангу Тарбе» воспитанием которого она была довольна.

Воспитатель ответственно отнесся к своим обязанностям и, узнав о плохом отношении к своей подопечной, вместе с зайсангом Токтомишем тайно откочевал к Черному Яру, где они сообщили об этом случае черноярскому коменданту. Прознав об этом, владелец Цагалай с десятком вооруженным людей подстерег на дороге и захватил Токтомиша, «бил ево, и связав руки назад, навязал на шею волосяной чумбур, и привязав оным за лошадиной хвост мучительски поступал, и отняв у него лошадь, платье, денег 28 рублев, плеть, а самого его содержал скованного в железах». Узнав о захвате зайсанга Токтомиша, а также о том, что Цагалай внезапно приказал откочевать от ставки девяноста трем кибиткам, «пожалованным отцу ея Еркетенева роду древним подвластным», владелица Цаган, «опасаясь <…> чтоб какого неистовства не зделалось, оставя свою кибитку, дву верблюдов, платье и постель», 18 сентября 1780 г. тайно бежала к своему воспитателю [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 175–176].

Вскоре за ней явился сам владелец Цагалай со старшим братом и в сопровождении двадцати двух вооруженных человек и приказал ей ехать с ним, но она «ответствовала, куда ей ехать, объявляя что тут ея дом». Услышав такое, Цагалай выхватил саблю и, угрожая отрубить ей голову, погнал

в кибитку своих людей, но воспитатель и сама Цаган проявили редкую силу духа и оказали активное сопротивление людям Цагалая. Владелица Цаган, «во осторожности вынув ножик», даже грозила, что «кто ее коснется то ево зарежет». Донельзя разозленный Цагалай, не сумев силой захватить владелицу Цаган, следующей ночью отогнал у них 32 лошади и 2 верблюда [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 175–176]. В конечном итоге владелица Цаган обратилась к астраханскому губернатору М. М. Жукову с просьбой отделить ее от Цагалая и передать ей подвластных, принадлежавших ее отцу и брату. Губернатор принял решение разделить кибитки поровну между ней и Цагалаем [Батмаев 2002: 155]. Следует отметить, что во второй половине XIX в. среди калмыков в отличие от левиратного брака случаи заключения сороратных браков почти не встречаются.

Таким образом, в начале XIX в. у калмыков еще сохранялась такая форма брака, как сорорат. Можно предположить, что существование института сорората у калмыков во многом имело экономическую подоплеку — стремление избежать повторных расходов на свадебные мероприятия, сохранить за родом приданное умершей жены. Все известные случаи сороратных браков имевших место которые в среде калмыцкой знати, имели явственную экономическую окраску, были неизбежно связаны с желанием двух семейно-родственных групп сохранить сложившиеся социально-экономические связи.

3.5. Усыновление и опека в калмыцком обществе

Социальный институт усыновления*,* как форма установления искусственного родства, широко практиковавшихся в традиционных обществах, с давних пор выполнял важную функцию передачи власти, материального достатка и общественного статуса наследникам. В данном случае усыновление или удочерение *(*далее — *усыновление)* — это акт, в результате которого между усыновителями (усыновителем) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком — с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению [Топоркова 2010: 179; Зайкова 2011: 12; Бимбаева 2013: 146]. Отдельно стоит только упомянуть распространенный в XVIII в. среди калмыков обычай аталычества — временного усыновления.

Распространенный в прошлом обычай усыновления детей родственников бездетными семьями (по линии отца), а также традиция воспитания сирот в семьях братьев покойного отца сохранялась на протяжении всего XIX в. Если калмыцкие дети лишались родителей, то они воспитывались в близкородственных семьях. Часто бездетные семьи сами усыновляли/удочеряли ребенка из семьи своих родственников. Считалось, что такой приемный ребенок неизбежно будет способствовать рождению своих родных детей. Для этого бездетные супруги приезжали с подарками к родителям ребенка в определенный день и просили его мать о даровании им дитяти. При этом будущие родители должны были переночевать в доме своего будущего сына и уезжали только на рассвете [Шараева 2011: 28–29]. До недавнего прошлого для калмыков был характерен обычай усыновления преимущественно мальчиков в случае бездетности. Именно этот обычай заставлял калмыков обращаться к многодетным, но

испытывающим материальные трудности родственникам [Шалхаков 1982: 55].

К усыновлению прибегали обычно представители всех сословий калмыцкого общества. М. М. Батмаев писал, что «возраст усыновляемого мог быть любым, даже вполне перезрелым, но усыновление обязательно должно было быть оформлено письменно, с доведением до сведения нойона, а позже — судей Зарго и даже царской администрации. Причины усыновления могли быть различными, но главная из них — в случае бездетности обеспечить свою старость и передать наследство» [Батмаев 2002: 154].

В 1803 г. багацохуровский зайсанг Арши усыновил зайсанга Онкора и передал ему в управление аймак и «все имение» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24]. Для нас интересным является тот факт, что свое прошение об усыновлении зайсанг Арши обосновал установлением обычного права: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелец зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. Более того, в другом своем прошении от 27 мая 1804 г. на имя исполнявшего должность Главного пристава калмыцкого народа, коллежского асессора П. П. Крупинского зайсанг Арши подчеркивал, что «по нашему калмыцкому узаконению, владельцы, зайсанги и простой черный народ многие имеют приемышев» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 22].

К слову сказать, данное усыновление не было первым в жизни зайсанга Арши, поскольку до этого он уже усыновлял своего родственника — Иши Аракбу Гелюнга. Примечательно, что в прошении зайсанга Арши к Багацохуровскому приставу Александру Михайлову от 7 мая 1803 г. причина усыновления объяснялась им как желание обеспечить себе достойную старость. Арши писал: «<...> при старости лет умножились у меня болезненные припадки», и «для призре-

ния себя» он усыновил доводящегося ему родственником Иши Аракбу Гелюнга. В письме было изложено мнение зайсанга Арши об обязанностях приемного сына и высказано недовольство усыновленным Иши Аракбой, который «ныне непризирает меня, и два года назад тому неприезжает ко мне, о болезни моей ненаведывается и аймаком не управляет, по государственным делам и надобностям исполнение чинить не может, и роспутную жизнь ведет». Поэтому зайсанг Арши решил передать свой аймак и имущество «однородному своему» зайсангу Онкору, сыну Кошты. В сыновнюю обязанность усыновленному вменялось не только то, чтобы он «при жизни моей по долгу сыновнему меня призирал», но и чтобы после его смерти «поминование зделал, жену и дочь мою имел на собственном попечении». Только после принятия этих условий Арши выразил свое намерение об усыновлении с последующим унаследованием в официальной формуле: «для чего его усыновляю и прошу представить о чем главному приставу и исходатайствовать повеление по коему бы лутче было аймак мой написать в опись за ним Онкором» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 2].

На слушании дела 27 мая 1803 г. судьями Зарго и главным приставом по прошению багацохуровского зайсанга Арши приставу багацохуровского улуса А. Михайлову было определено «отобрать подписки от аймашных зайсанга Арши желают ли они учредить у себя зайсангом Кошты сына Онкора». И в случае, если «все пожелают учредить Онкора зайсангом тогда дать ему о владении оным <…> и дело числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5об.]. Однако до окончательного решения дела было еще далеко, поскольку выяснилось, что калмыки шубучинерова рода объявили, что «мы Онкора иметь зайсангом не желаем по причине что мы шовучинеры издревле сильною рукою никому в ведение от даваемы не были, о чем уповаем мы что

торгоутовские владельцы и зайсанги могут быть известны» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 10].

В свою очередь правители Багацохуровского улуса отписались по поводу законности отмены предыдущего усыновления: «хотя он Арше точно родственник», Иши Аракба Гелюнг не имеет права управлять аймаком, потому что он гелюнг и «в свецкие дела входить не должен, а сверх того и отца своего который усыновил его непризирает, почему аймак ведать и управлять не может». Далее правители всецело поддержали кандидатуру зайсанга Онкора, который «может управлять аймаком», поскольку он «природной зайсанг» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 12]. Наконец, сам Иши Аракба Гелюнг заявил, что зайсанг Арши усыновил его при свидетельстве Орчи ламы и багацохуровских правителей и бывшего пристава Д. Петрухина [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. В конечном итоге, неразбериха, связанная с двойным усыновлением, привела к тому, что «аймак мой услыша сие не у меня ни у усыновленного сына моего Онкора не находится, а кочует оставя меня больного (т.е. зайсанга Арши — В.Б.) по своей воле» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. 7 июля 1804 г. зайсанг Арши умер покинутый своими аймачными людьми, оставив так и нерешенным вопрос о своем наследнике [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 31].

Неоднократные прошения калмыков шубучинерова рода сделали свое дело, и 15 сентября 1805 г. суд Зарго заключил, что поскольку аймак «добровольно и непринужденно сам пожелал быть во управлении означенного Санжи Аракба Гелюнга», то и утвердить их в его ведомстве [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57об.]. 26 февраля 1806 г., спустя почти два года, багацохуровский зайсанг Онкор Коштуев подал прошение исполнявшему должность Главного пристава П. П. Крупинскому, в котором с неудовольствием указывал что, когда зайсанг Арши усыновил его, то он «при жизни

его Арши содержал равно и по смерти его по обыкновению своему употребляя все возможности зделал по нем должное поминовение а оставшиеся после его жена и дочь оставались на моем содержании», а в 1806 г. последовало решение передать аймак Иши Аракбе Гелюнгу. Несмотря на то что Онкор не являлся близким родственником умершему зайсангу Арши, он указывал на различные примеры того, что «владельцов торгоутовских дербетевских хошоутовских и их зайсангов в коих есть то что кто будучи бездетен в таком случае усыновливают и отдают посторонним в наследство владении свои и аймаки и при том есть и таковые которыя хотя и имеют у себя детей но аймаки отдают также другим» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57об.].

В 1821 г. произошло новое разбирательство по поводу нерадивости приемных сыновей. Так, торгутский владелец Эрдени Цаган Кичиков, духовенство, зайсанги, старшины и «весь народ» подали прошение управляющему Министерством иностранных дел графу К. В. Нессельроде, в котором писали, что «родовой владелец наш Эрдени не имеет у себя наследника; которой бы мог после его управлять улусом ему подвластным, по согласию детей владельца Цебек Убушиева, давших от себя Заверительное письмо, усыновил он с общаго согласия нашего, умершаго брата причитающагося ему во 2-м колене владельца Санжи Убаши, сына Амугулунг Убушиева». В прошении было указано, что разрешение на усыновление было получено в 1814 г. и от суда Зарго, и от отца Санжи Убуши [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–2об.]. В деле указывалась любопытная подробность: «владелец Амгулунг получить должен по разделу равную часть и пользоваться с ними во всех случаях одними правами». Интересно то, что в прошлом и отец владельца Амгулунга сам был усыновлен владелицей Яндыковского улуса Битюкой [Батмаев 2008: 82]. Уже спустя два года, в 1822 г., владелец Эрдени

подал донесение Астраханскому гражданскому губернатору П. А. Зотову с жалобой на своего приемного сына Амгуланг Убашу, который «в нынешнем году, как Ламе моему, так и многим зайсангам и всему подвластному народу причинившему беззаконно разныя несносныя обиды» и уехал в дербетовский улус [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 29]. В ответ мать приёмного сына — владелица Надмид писала Главному приставу А. В. Каханову, что «сын мой находился у владельца Эрдени по причине той, что жена его (т.е. Эрдени Тундутова — *В. Б.*) владелица Цебек, а моя старшая сестра не имела у себя детей мужеска пола, просила меня на малое число лет оставить его при себе для увеселения и препровождения времяни» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 21–22].

21 июня 1822 г. Главный пристав А. В. Каханов подал рапорт Астраханскому гражданскому губернатору И. И. Попову о том, что в казенном Эркетеневском улусе «с некотораго времяни допущена капитанша Улюмжи управлять аймаком в 300 кибитках состоящим, но как по закону калмыцкому не дозволяется иметь владение женскому полу», то для удержания за собой аймака она усыновила двух детей: своего внука Шарапа и сына зайсанга Мирзы — Церен Убашу. В 1815 г. Суд Зарго признал факт усыновления и постановил, чтобы теми 300 кибитками Шарап и Церен Убаши владели как родные братья. А 10 июня 1817 г. зайсангша Улюмжи добилась того, что суд Зарго определил управление 300 кибитками выбранными ею опекунами (Ончик Гелюнг Делибаев, Габун Убаши и Миргаши), а ей предоставлено было право старшинства над опекунами. Однако в 1821 г. представители Булучинова рода подали прошение, в котором просили поставить над ними зайсангом Церена Убаши, сына зайсанга Мирзы. В том же году зайсангша Амгулун подала прошение, в котором указывала, что прежде в замужестве она была «за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти

его свекровь ея зайсангша Улюмжи выдала ея в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу», от которого она родила сына Церен Убаши, но зайсангша Улюмжи усыновила «неизвестно от кого рожденнаго мальчика Шарап»а. Примечательно то, что зайсангша Улюмжи усыновила Шарапа и своего племянника Церен Убаши, но у последнего была еще и родная мать Амгулун [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48]. В данном случае такая форма искусственного родства была всецело продиктована желанием зайсангши Улюмжи сохранить власть над аймаком.

Понятно, что живейший интерес у всего калмыцкого общества вызвал мальчик по имени Шарап, который неожиданно для всех стал сыном зайсангши Улюмжи. В 1823 г. было проведено расследование, в ходе которого аймачные старики показали под присягой, что мальчик Шарап был рожден от крещеной калмычки Токту из Косикинской станицы, которого после смерти Джиргала, сына зайсангши Улюмжи, в 1807 г. привез калмык Цатанова рода Цурюм Гелюнг Зундуев и передал зайсангше Улюмжи, сказав, что это сын Джиргала. Однако калмык по имени Джамбо Гелюнг Камоков объявил, что в мае 1822 г. приезжал к зайсангше Улюмжи казак Косикинской станицы Никита Гоглазин и требовал от нее вернуть ему его сына Шарапа, но Улюмжи уговорила его, чтобы он не брал сына, и за это подарила ему двух лошадей «с коими он приезжал к бывшему тогда приставу Харагулову и сказывал, что Улюмжи велела ему приезжать еще за деньгами».

В ходе следствия, проведенного в Косикинской станице, выяснилось, что Шарап был рожден от калмычки Токты, которая «по русски называлась Прасковья», а была в замужестве за крещеным калмыком по имени Мишанька из Багацохуровского улуса. После смерти мужа, будучи долгое время вдовой, она прижила сына «ис кем неизвестно коего

по калмыцки называли Шарапом». Урядник Гоглазин сообщал, что в 1822 г. был в Эркетеневском улусе у зайсангши Улюмжи с приставом Харагуловым, но о мальчике Шарапе сообщил, что он сын дочери казака Ивана Чемгинова — Прасковьи. Однако того, как Шарап был усыновлен зайсангшею, он не знал. В подтверждение его слов сестра мальчика Авдотья и его тетка Анна показали, что Токта, проживая в Косикинской станице, «будучи вдовой родила сына Шарапа а с кем незнают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 129–134].

При усыновлении у калмыков нередко возникали вопросы, связанные с особенностями большой патриархальной семьи. Так, в 1837 г. ККД при рассмотрении дела о наследовании аймаком, оставшимся после смерти багацохуровского зайсанга Атуя, столкнулась с претензиями его родственника по женской линии — зайсанга Нимы, который предъявлял права на аймак на том основании, что он был усыновлен Атуем. Комиссия нашла необходимым передать это дело на рассмотрение хошутскому владельцу Церен-Норбо Тюменю как знатоку «древнего калмыцкого уложения». В ответ Ц.-Н. Тюмень сообщил, что по древнему калмыцкому уложению усыновлять кого-либо можно только тогда, когда изъявлено согласие со стороны родственников усыновляющего, «на что Джанов, родственник Атуя по мужской линии разрешения на усыновление Нимы не давал» [Бюлер 1846: 9].

Интересен и тот факт, что 31 августа 1891 г. в урочище Гахата «хотонные старосты выборные лица Багацохуровскаго улуса, Баруновы роды аймака зайсанга Сарджанаева собрались на аймачном сходе для нашего согласия составили настоящий приговор в следующем: опекуном над имуществом и малолетней наследницы умершаго калмыка однаго с нами рода Санчи Болдангова выбираем родоваго своего зайсанга Босхамджи Сарджанаева, в чем составили настоящий приговор» [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 17].

Таким образом, усыновление было одним из способов решения проблемы бездетности у калмыков. В XIX в. усыновление было достаточно распространенным явлением среди всех социальных слоев общества: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелец зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают». Более того, бездетные семьи могли усыновлять при согласии старших родственников по мужской линии даже людей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, во второй половине XIX в. основу экономики Калмыцкой степи составляло сельское хозяйство, главной отраслью которого оставалось отгонное скотоводство. Заметные сдвиги в развитии скотоводческого хозяйства стали происходить после проведения реформы от 16 марта 1892 г. С одной стороны, калмыцкие скотоводы, становясь лично свободными людьми и освобождаясь от тяжести феодальных повинностей, получили возможность ведения частнособственнического хозяйства, дальнейшее развитие которого зависело от их же предприимчивости. С другой стороны — бывшие феодальные владельцы, имея значительное количество скота, получили большие суммы выкупных платежей, которые они могли использовать для укрупнения своих хозяйств. Главное значение реформы 1892 г. для развития экономики Калмыцкой степи состояло в том, что, разрушив замкнутость натурального скотоводческого хозяйства, она вывела его на новый, более качественный торгово-промышленный уровень и способствовала быстрому втягиванию региона в систему всероссийских рыночных отношений.

Рискованность занятия земледелием в аридных условиях Калмыцкой степи приводила к тому, что во второй половине XIX в. число калмыков занимающихся земледелием неуклонно снижалось. Ежегодные засухи привели к упадку пашенного земледелия во всех улусах, кроме Хошеутовско-

го и Малодербетовского (северная и южная части). Однако, заметное развитие получило огородничество и садоводство.

Развитие рыночных отношений вызвал падение спроса на товары домашнего ремесла. Уже к концу XIX в. калмыки все больше занимались рыболовством или нанимались на рыбные промыслы, отходя от практики домашнего производства. Причин исчезновения ремесленного производства было несколько, из них можно выделить три основные. Первое — потеря значимости изделий ремесла, второе — отсутствие сырья для домашнего производства в связи с сокращением поголовья скота, третье — падение спроса.

Меры, предпринятые российским правительством в середине XIX в. по проведению в жизнь указа «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» позволяют нам рассмотреть основные условия, которые были необходимы для жизнеобеспечения калмыцкой семьи — минимальное количество скота и наличие оседлого жилища. Главными признаками улучшения жизни стало преобладание крупного рогатого скота в хозяйстве калмыков и увеличение численности стационарных глинобитных построек в Калмыцкой степи.

Рыбная ловля как вспомогательная отрасль хозяйства всегда отмечалась у калмыков, но ее развитие во второй половине XIX в. во многом было связано с социально-экономическими процессами в ходе, которых часть семей калмыков-скотоводов подверглась разорению. Отходничество на рыбные промыслы вызвало изменения и в материальной культуре калмыков.

Глубокие изменения в экономике калмыцких улусов привели к трансформации традиционной культуры калмыков во второй половине XIX в. Так, кибитка у калмыков на протяжении XIX в. практически не изменилась ни по конструкции, ни по своей внутренней планировке. Исключение

составляет замена отдельных материалов при изготовлении деталей кибитки. Невозможность функционирования традиционной пастбищной системы привела к тому, что калмыцкое население стало постепенно переходить к полуоседлому и оседлому образу жизни. Основным признаком перехода калмыков к оседлому образу жизни стало наличие построек и деревянных домов. Сложилась практика, когда в летний период калмыки кочевали в степи, а зимовали в землянках. Во второй половине XIX в. в Калмыцкой степи появился свой тип глинобитного жилища, ставший результатом творческого заимствования у оседлых народов Северного Кавказа и Поволжья.

Реформа 1892 г. по отмене зависимых отношений калмыков-простолюдинов к нойонам и зайсангам привела к тому, что теперь уже никто не мог препятствовать свободному передвижению простых кочевников в пределах Калмыцкой степи. Кроме того, бурный рост числа крестьян–переселенцев на калмыцких землях привел к смещению границ землепользования, а заселение земель вдоль дорожных трактов и выпас скота из соседних губерний — к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий. В конечном итоге это вызвало глубокий кризис калмыцкого скотоводческого хозяйства, приведший к переходу калмыков от кочевого к полукочевому образу жизни. Население аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения — арваны — для того, чтобы более эффективно использовать свои территории после потери части своих земель. В условиях сегментации большой патриархальной семьи арван стал все больше оформляться как патронимическая группа, а население арванов стало кочевать отдельно от остальных.

Надо отметить, что такое дробление родов стало возможным только в сравнительно позднее время — в XIX в., когда пастбищные территории сильно сократились. В XVII–

XVIII вв. калмыки кочевали на большой территории — от Дона до Эмбы, при этом владельцы могли эффективно контролировать своих подвластных только в большой группе. В ней минимизировалась возможность побега подвластных албату. Большую роль в консолидации аймаков играла внешняя угроза, т.к. опасность нападения со стороны татар, кубанцец, казахов существовала всегда. Как писал В. М. Бакунин «калмыки, находящиеся при Дондук-Омбе, опасаясь прихода на них российских войск, кочуют тесно и частыми разъездами смучились, к тому ж и от татар терпят насилие в отъеме скота и в прочем» [Бакунин 1995: 124]. Соответственно, аймаки даже разделенные по наследственному праву, продолжали кочевать единой группой.

С течением времени социальные группы, сложившиеся в период Калмыцкого ханства, стали превращаться в этнические. Так, история шубучинеров была связана с соколиной охотой и содержанием ловчих птиц при ханской семье. Выполнение ими функций по организации досуга калмыцких ханов обусловило их привилегированное положение (податей не платили, от подводной и других повинностей были освобождены). Из архивных источников становится ясным, что данный аймак был образован в период правления тайши Дайчина специально для проведения соколиных охот. Трансформация шубучинеров из социальной группы в этническую была напрямую связана с потерей ими привилегированного положения, когда они стали платить подати и нести повинности наравне с другими албату. Утрата традиций организации соколиных охот привела к тому, что их родовые зайсанги в значительной степени лишились возможности влиять на решение дел в Багацохуровском улусе. А вкупе с их сравнительно малой численностью это стало причиной того, что в течение XIX в. они вошли в состав другого, более крупного этнического подразделения Багацохуровского улуса.

Рассматривая социальное положение калмыцких нойонов и зайсангов в конце XVIII–XIX вв., можно отметить, что после ликвидации Калмыцкого ханства в социальной структуре калмыков произошли большие изменения. В результате целенаправленных действий российской администрации в калмыцком обществе появилась новая социальная группа — безаймачные зайсанги.

Широко распространившийся во второй половине XIX в. брак умыканием был связан со стремлением избежать больших материальных затрат со стороны семей жениха и невесты. Однако постепенно он приблизился к традиционной свадебной обрядности, единственным его отличием стало выключение из проведения свадебных мероприятий буддийских астрологов зурхачи. Это привело к тому, что, если в более ранний период брак умыканием был недостаточно легитимен в глазах калмыцкого общества, то теперь он не считался чем-то предосудительным. Можно сказать, что брак умыканием у калмыков на протяжении XIX в. прошел эволюцию от нелегитимного до «законного». Кризис кочевого скотоводства и связанное с ним обнищание населения, все более возраставшая роль буддийского духовенства привели к тому, что во второй половине XIX в. брак умыканием стал проводиться по выработанному сценарию, после сговора и уплаты обычного выкупа за невесту, с согласия самой похищаемой и с разрешения ее родственников.

В отличие от калмыцкой знати среди простых калмыков в больших патриархальных семьях левират сохранялся на протяжении всего XIX в. В семьях калмыков-простолюдинов сохранение института левирата в течение XIX в. во многом имело экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Это стремление избежать материальных расходов наглядно подтверждается тем, что при

таких браках не проводилось свадебных обрядов. Реформа 1892 г. и сокращение территорий калмыцких земель стали причиной кризиса кочевого хозяйства и привели к переходу на полуоседлый образ жизни, что стало основной причиной трансформации исторически сложившейся структуры семьи. В конце XIX – начале XX вв. большая патриархальная семья постепенно теряет свое значение среди калмыков, все большее распространение получает малая индивидуальная моногамная семья.

В начале XIX в. у калмыков еще сохранялась такая форма брака как сорорат. Можно предположить, что существование института сорората у калмыков во многом имело экономическую подоплеку — стремление избежать повторных расходов на свадебные мероприятия, сохранить за родом приданое умершей жены. Также сороратный брак был связан с желанием двух семейно-родственных групп сохранить сложившиеся социально-экономические связи. Все известные случаи сороратных браков имевших место в среде калмыцкой знати явственно имели экономическую цель.

Усыновление было одним из способов решения проблемы бездетности у калмыков. В XIX в. усыновление было достаточно распространенным явлением среди всех социальных слоев общества: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелец зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают». Более того, бездетные семьи могли усыновлять при согласии старших родственников по мужской линии даже людей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

Введение в список учебных предметов Астраханского калмыцкого училища основ буддийской веры является одной из первых в XIX в. попыток преподавания основ буддизма в светском образовательном учреждении. Говоря об истории вопроса преподавания основ буддийской веры в калмыцком училище надо отметить, что несмотря на трудности, возникавшие в связи с недопониманием чиновников из АПГИ, на противодействие Министерства народного просвещения, введение в учебную программу Астраханского калмыцкого училища такой дисциплины явилось большим шагом на пути становления национального образования. Преподавание основ буддийской веры позволило улучшить нравственное состояние воспитанников, развить межрелигиозный диалог и воспитывать в них толерантность.

Утвержденный 16 марта 1892 г. закон об освобождении калмыков – простолюдинов из–под власти нойонов и зайсангов стал очередным этапом на пути эволюции кочевого общества. Он в значительной степени поколебал основы бытовавшей старой этнической и социальной структуры кочевого общества, а также традиционной культуры.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 24, 29, 34, 39, 61, 125, 161, 171, 174, 179 .

Ф. 6. Оп. 1. Д. 24,74

Ф.9. Оп.2. Д.12, 15, 17, 51, 55, 226

Ф. 9. Оп. 3. Д. 3

Ф.9. Оп.4. Д. 96, 1271

Ф. 9. Оп. 5. Д. 268

Ф.9. Оп.7. Д.1937. Л.21

Ф. 16. Оп. 1. Д. 20, 867

Ф. 35. Оп. 1. Д. 144

Ф. 42. Оп. 1. Д. 40, 45

Ф. 145. Оп. 1. Д. 132

БУ РК «Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова» (НМРК). Фонд В. А. Хлебникова. КП. 6795-13.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 16. Д. 21283.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Оп. 1. Д. 14.

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН). Ф. 6. Оп. 2. Д. 366.

Литература

Абрамзон С.М. Об обычаях левирата и сорората у киргизов и казахов // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 58–65.

Авляев Г.О. К вопросу о «шебенерах» и «кетчинерах» в составе калмыцких улусов Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 9. Серия историческая. Элиста, 1974. С.139–154.

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – I четверть XVIII вв.). 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 248 с.

Авляев Г. О. Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. (на базе полевых исследований) // Этнографические вести. Элиста, 1973. № 3. С. 108–126.

Бадмаев С. С. Этапы и проблемы экономического развития Калмыкии в пореформенный период (1861–1917 гг.) / С. С. Бадмаев: автореф. дис... канд. экон. наук. Росс. эконом. ак. им. Г. В. Плеханова. Москва, 1994. 19 с.

Байгазиева Д. М. Правовой статус вдовы по обычному праву кыргызов // Вестник кыргызско-российского славянского университета. Т. 15. №1. 2015. С. 8–10.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 96 с.

Батмаев М.М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издательский дом “Герел”», 2008. 256 с.

Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Батыров В.В. Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. №4. 2013. С.10–12.

Батыров В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 249 с.

Батыров В.В. Рыболовство у калмыков в XIX – начале XX вв. // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав российского государства (г. Элиста, 13-18 сентября 2009 г.). Ч.II. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 522–527.

Батыров В.В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия алтайского государственного университета. №4\2. 2014. С. 26–31.

Батыров В.В. Социальная структура калмыков // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С.30–36.

Белоусов С.С. К истории разработки программы заселения дорог на калмыцких землях — первой государственной программы социально-экономических преобразований в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: АПП «Джангар». 2002. С. 120–133.

Бентковский И.В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношения // Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 450–469.

Бимбаева О.Л. Историко-правовой анализ института усыновления в России в XIX веке // Известия Иркутской государственной экономической академии. №4. 2013. С. 145–148.

Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста, 1980. 118 с.

Бурчинова Л.С., Команджаев А.Н. От феодализма к капитализму. Элиста, 1989. 220 с.

Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Отд. 2. Т. 47. 412 с.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.

Воробьев В.В. Астраханские калмыки. М., 1903. 116 с.

Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом (24 ноября 1834 г.) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том X. Отделение 2. 1835 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 873–895 (Прибавление к тому IX. № 7560а)

Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом (23 апреля 1847 г.) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XXII. Отделение 1. С. 349-373.

Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1795. 178 с.

Душан У.Д. Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Этнографический сборник. №1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 3–54.

Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Приложения // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: тип. «Астраханского листка», 1892. С. 150–173.

Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Репринтное издание. Элиста, 1991. 260 с.

Зайкова О.Н. Усыновление как социокультурное явление: автореф. дис. … канд. культурологии / Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск: тип. ЧГАКИ, 2011. 27 с.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 335 с.

Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. 458 с.

Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции под начальством К.И.Костенкова. СПб., 1868. 380 с.

Карагодин А.И. Калмыцкий базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР / КНИИЯЛИ. Элиста, 1981. С. 31–50.

Киселева Е. Дядя Гиляй: я репортер // Журналист. 1978. № 7. С. 74–78.

Кичиков М. Л. К истории образования Калмыцкого ханства в составе России // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 31–60.

Команджаев А.Н. Капиталистические тенденции развития животноводства у калмыков в конце XIX – начале XX века // Вестник института. №15. Элиста, 1976. С.91.

Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в XIX – пер. пол. XX вв. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 347 с.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 219 с

Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб.: Хромолитография Н. Глыбова, 1870. 174 с.

Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Курапов А.А. Деятельность и предложения астраханского губернатора И. С. Тимирязева по реформированию религиозной жизни калмыков в 1830-1840-е гг. // Вестник архивиста. №4. 2011. С. 204–216.

Ланко П. Отрывки из записки о калмыках Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Отд. 1. Ставрополь, 1863. С. 70–85.

Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч.1. Одесса, 1880. 286 с.

Лиджеева К.Ф. Влияние буддийского и мусульманского духовенства на просвещение народов национальных районов юга России в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2(76). С. 151–153.

Лиджиева И.В., Батыров В.В., Оконова Л.В. Калмыцкая степь в годы Первой мировой войны: к вопросу о переходе в казачье сословие // Bylye Gody. 2015. Vol. 35. Is. 1. Pp. 137–144.

Львовский Н. Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса // Ученые записки императорского Казанского университета. Кн. 5. Казань: тип. Императорского Университета, 1893. С. 79–106.

Марзаева М.Б. О преподавании курса основ буддизма в школах Калмыкии // Буддизм Ваджраяны в России: От контактов к взаимодействию. М.: Алмазный путь, 2012. С. 827–833.

Материалы для статистики Российской империи издаваемые, при статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел. СПб.: тип. М-ва вн. дел,, 1839. 458 с.

Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Ч. II. Астрахань: Паровая губернская типография, 1910. 509 с.

Материалы для хозяйственной статистики России, издаваемые Императорским Вольным Экономическим обществом. Книга 1. СПб.: тип. Деп. внеш. торговли, 1853. 320 с.

Медведский П. Отчет по командировке в 1884 г. главного ветеринара-консультанта Главного управления государственного коннозаводства, магистра ветеринарных наук, действительного статского советника Медведского, старшего чиновника особых поручений того же Управления подполковника Фейхтнера и причисленного к Управлению, магистра агрономии, коллежского ассесора Костычева, с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней Киргизской Орды и астраханских калмыков. СПб., 1885. 250 с.

Митиров А.Г. Избранные труды А.Г. Митирова. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 240 с.

Митиров А.Г. К вопросу об этнониме шубучинер // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 107–112.

Митиров А. Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.

Митиров А.Г. Ойраты–калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

Наберухин А.И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987.

Наберухин А.И., Тепикин А.В. Программные требования калмыцкой национальной буржуазии накануне и в годы первой русской революции // Калмыкия в трех революциях и гражданской войне. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С.42–63.

Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. 192 с.

Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Типография Карла Крайя, 1834. 314 с.

Ослянников С.В. Очерки рыболовства по реке Волга и берегам Каспийского моря. Астрахань, 1856.

Отчет Астраханского миссионерского комитета за 1889 г. Астрахань, 1890. 186 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

Очиров Н.О. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань, 1925. 72 с.

Очиров Н.О. Живая старина. Из литературного наследия. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2006. 396 с.

Очиров Н.О. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 35–58.

Очирова В. Не зная прошлого, невозможно постичь настоящее и построить будущее // Хальг Унн. 20 февраля 2014. С. 13.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Изд. II. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. 786 с.

Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1871. С. 39–180.

Позднеев А.М. Записка о преобразовании учебной частью у калмыков Астраханской губернии. С.-Петербург: Типография и литография Л. Бермана и Г. Рабиновича. Измайлов. просп., №7, 1889. 72 с.

Позднеев А.М. Калмыки // Словарь Брогкауза и Ефрона. Т. XIV. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. С.117.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. Т. XXII. Отделение первое. СПб: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848. 758 с.

Попов А.В. Краткие замечания о приволжских калмыках. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1839. 32 с.

Преображенская П. С. Калмыки в первой половине XVII в. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: автореф … канд. ист. наук. М., 1963. 26 с.

Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь: типография Губернскаго Правления, 1912. 311 с.

Профессор У.Э. Эрдниев: научное наследие. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. 220 с.

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 455–456.

Сартикова Е.В. Учительские кадры в Калмыцкой степи в начале XX в. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2011. № 1(75). С. 97–100.

Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: матлы Всесоюзной конференции (Элиста, 17–19 мая 1972 г.). Вып. I. Элиста, 1974. С. 220–230.

Ташнинов Н.Ш. Большедербетовский улус в конце XVIII – нач. XIX вв. // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1973. –

Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 214 с.

Топоркова Е.П. Феномен «адопция»: теоретико-методологический аспект // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2010. №4. С.178–182.

Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.

Шениан И. Хозяйство и опыты члена-корреспондента ученого комитета Сербеджаб Тюменева за 1846 г. // Журнал министерства государственных имуществ. 1847. Ч. 24. С. 120.

Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань: очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского Правления, 1896. 134 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

Эрдниев У. Э. Проблемы калмыцкой этнонимии (О происхождении некоторых «этнонимов») // Вестник института. №10. Серия этнография. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 24–36.

Birge B. Levirate Marriage and the Revival of Widow Chastity in Yüan China // Asia Major. Third Series, Vol. 8. No. 2 (1995). Pp. 107–146

Holmgren J. Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate // Journal of Asian History. Vol. 20, No. 2 (1986). Pp. 127–192.

Pans A. E. M. J. Levirate and Sororate and the Terminological Classification of Uncles, Aunts, and Siblings' Children // Ethnology. Vol. 28, No. 4 (Oct., 1989), pp. 343–358.

Pans A. E. M. J. Levirate and Sororate and the Terminological Classification of Uncles, Aunts, and Siblings' Children // Ethnology. Vol. 28, No. 4 (Oct., 1989). Pp. 343–358.

Sapir E. Terms of Relationship and the Levirate // American

Anthropologist. New Series, Vol. 18, No. 3 (Jul. - Sep., 1916). Pp. 327–337.

Zhao G. Q. Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from World Empire to Yuan dynasty. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2008. 319 p.

Приложения

Ведомость о проданном скоте в 1868 г.
Л. 79–*80*.

Улусы	Владельцами			
	Лошадей	Коров	Овец	На сумму
Хошетовский	400	100	500	3804
Итого				

Улусы	Зайсангами					
	Верблюдов	Лошадей	Коров	Овец	Коз	На сумму
Хошетовский						
Итого	80	864	1258	7141	176	40 479

Улусы	Духовенством	Простолюдинами
	На сумму	На сумму
Все	27 698 руб.,97 коп	449 763 руб., 39 коп.

[НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937]

Ведомость о проданном скоте в Калмыцких улусах за 1886 г.

Л. 79–*80*.

Улус	Владельцами					Духовенством				
	Верблюдов	Лошадей	Коров	Овец	На сумму	Верблюдов	Лошадей	Коров	Овец	На сумму
Александровский	4	24	73	253	2163		34	160	755	4 819
Малодербетовский	-	-	-	-	-	3	147	232	389	5 680
Яндыковский	-	-	-	-	-		43	51	790	1 769
Икицохуровский	-	-	-	-	-	3	20	84	360	3 150
Харахусовский	-	-	-	-	-	2	2	28	142	761
Эркетеневский	-	-	-	-	-	2	5	10	150	550
Мочаги	-	-	-	-	-	-	17	46	130	1 285
Калмыцкий базар	-	-	-	-	-	-	4	207	784	6 141
По р. Маныч.	-	-	7	-	70	-	10	96	100	16 000

Улус	Зайсангами				
	Верблюдов	Лошадей	Коров	Овец	На сумму
Александровский	8	269	134	986	14 684
Малодербетовский	5	72	321	497	8 122
Яндыковский	-	17	30	-	940
Икицохуровский	-	261	345	655	16 827
Харахусовский	21	20	150	600	3 550
Эркетеневский	2	23	-	700	2 594
Мочаги	20	-	15	1 000	3 180
Калмыцкий базар	-	-	334	2 883	13 629
По р. Маныч.	-	175	125	485	10 679

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 94]

Л. 102–*103*

Ведомость о проданном скоте в Калмыцких улусах за 1892 г.

Улусы	Владельцами					Зайсангами					
	Верблюдов	Лошадей	Коров	Овец	На сумму	Верблюдов	Лошадей	Коров	Овец	Коз	На сумму
Сев. часть Малодербетовского		52	94		2970		12	322	180	-	5182
Юж. часть Малодербетовского	-	-	-	-	-	5	150	170	-	-	18708
Багацохуровский	7	21			634	-	247	-	308	-	10536
Александровский	-	107	81	417	4934	13	52	116	284	-	3998
Яндыко-Мочажный	-	11	3	-	340	58	247	367	3580	-	27546
Эркетеневский	-	-	-	-	-	5	100	-	3500	-	11500
Икицохуровский	-	-	-	-	-	34	90	342	181	15	7972
Харахусовский	-	-	-	-	-	23	213	134	937	-	12580
Калмыцкий базар	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	7	191	181	417	8878	138	1111	1451	8970	15	98022

Улусы	Духовенством	Простолюдинами
	На сумму	На сумму
Сев. часть Малодербетовского	1 600	64 058
Юж. часть Малодербетовского	960	38 041
Багацохуровский	1 893	7 982
Александровский	2 573	27 741
Яндыко-Мочажный	4 555	71 296
Эркетеневский	1 580	68 466
Икицохуровский	3 050	93 546
Харахусовский	2 388	62 242
Калмыцкий базар	-	492 298
Итого	18599	925 670

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41]

Л. 111–*112*

Ведомость о проданном скоте в Калмыцких улусах за 1894 г.

Улусы	Владельцами				Зайсангами				
	Лошадей	КРС	Овец	На сумму	Верблюдов	Лошадей	КРС	Овец	На сумму
	-	-	-	-	5	78	240	350	8 790
	-	-	-	-	15	291	123	1500	21 915
Багацохоровский	40	-	-	1600	-	408	8	-	16 480
Александровский	87	72	200	8380	8	46	36	380	5 655
Яндыко-Мочажный	2	4	-	316	-	16	22	70	1 250
					23	175	124	1000	21 410
					14	245	206	1098	21 222
					1	118	54	835	10 846
Калмыцкий базар					-				
Итого	129	76	200	10299	66	1377	813	5233	117 569

Улусы	Духовенством	Простолюдинами	Итого (всех)
	На сумму	На сумму	
	6 780	109 540	125 110
	530	144 709	167 154
Багацохоровский	2 180	39 896	60 156
Александровский	6 362	58 290	78 687
Яндыко-Мочажный	3 220	79 150	83 936
	1 226	102 573	125 210
	2 100	104 500	127 822
	1 765	68 481	81 092
Калмыцкий базар	-	313 149	313 149
Итого	24163	1 020 288	1 162 316 руб.

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55]

Протокол дознания
о родопроисхождении зайсанга Багутова рода,
Яндыко-Мочажного Улуса, Цебек-Убуши Шергиева

Л.1. 1916 года ноября 3 дня. Урочище «Кюгля» Помощник Попечителя Яндыко-Мочажного Улуса Балецкий, согласно предписаний Управления Калмыцким Народом от 29 сентября с. г. за №7952 и Попечитель Яндыко-Мочажного Улуса от 10 октября с. г. за №3198, производил дознание о родопроисхождении зайсанга багутова рода бывшаго Яндыковскаго, а ныне Яндыко-Мочажного Улуса Цебек Убуши Шергиева, а для сего опрашивал хотоннаго старосту этого улуса, хотона №2 и двенадцать почетных стариков – калмыков, того же улуса и хотона, при чем они показали:

«в старое время нашим Багутовским аймаком владел наш зайсанг Сальди; у него было два сына Шерге и Бюве; у Шерге было три сына: ныне умерший Церенден и Бембе и третий, ныне находящийся в живых, Цебек Убуши 50 лет; у Цебек Убуши, в свою очередь, ныне имеются три сына: 1) Кокалдан 23 л., 2) Манджи 16 л., 3) Ханшан 8 л.; Цебек Убуши, а также

Л.1 об. и его дети под судом и следствием не состояли и не состоят, поведения, нравственных качеств и образа жизни хороших. Ввиду вышесказаннаго мы, вышеупомянутаго Цебек Убуши Шергиева признаем и ранее всегда признавали за зайсанга нашего, Багутова рода, Яндыко-Мочажного, а по прежнему Яндыковскаго Улуса.

Постановлено: записать о сем в протокол.

Помощник Попечителя Яндыко-Мочажного Улуса Балецкий
Хотоный староста Багутовскаго аймака, Яндыко-Мочажного Улуса [Неразборчиво].

Калмыки Багутовскаго аймака, Яндыко-Мочажного Улуса, Онном <…> Банчихаев, Мучик Боролдаев, <…> Цебек

Онкоров, Мука Боролдаев, <…> и Бембе Батаев, а за них неграмотных, по их личной просьбе а равно и за себя расписались Контуш Дабгаев, Бадма Басанов и Улумжи Убуши Кеджаев <…>

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226.]

Клятва в суде Зарго

Л. 116.

Боже! Безошибочно различающий истину и неправду, пред лицом Твоим свидетельствую по чистой справедливости .и истине в том, о чем спрашиван буду, ни для дружбы, вражды или корысти, ниже страха сильных лиц, ничего не утаю, что знаю, слышал и видел, а буду показывать сущую правду; если же посягну солгать пред Тобою, Судия всевышний, то да отнимется язык мой, тело мое да низвергнуто будет в преисподнюю земли и душа моя в будущей жизни да низвергнута будет в преисподнюю, да будет предана Хану адских духов и погружена в вечно в вечно пламяняющий ад. В заключение сей моей клятвы на главу мою образ Твой и троекратно поклоняюсь тебе всесильному

[НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 268]

Рапорт
смотрителя Астраханского тюремного замка П. Никитина .

Л. *191.* Над телом умершего в тюремной больнице калмыка Малодербетовского улуса Сангаджи Шандыковым, 6 числа чего месяца по Ламайскому обряду присланным Гелюнгом Калмыцкого базара молитва прочтена и тело его <...> предано земле.

О чем имею честь донести управлению калмыцким народом

11 августа 1884 года. г. Астрахань.

[НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 268]

№2792/1142
В Управление Калмыцким Народом
Получено 4 мая 1893 года

Калмыков Степнаго Эркетенѣвскаго улуса
Керетова рода Муча Тапкаева, Джал Тапкаева,
Тюрбе Тапкаева и Бовка Гагучиева

ПРОШЕНИЕ

Л. *1*. С давних времен мы с со своими семействами проживаем по бедности, в Мочагах, нанимаясь постоянно в работы на рыболовных промыслах. По случаю дальности разстояний до Эркетеневскаго Улуснаго управления выправка нам рабочих билетов сопряжена с безвозвратной утратой денег и желая оставаться на всегда на жительство в Мочагах, мы имеем честь покорнейше просить Управление Калмыцким Народом сделать распоряжение о перечислении нас, с нашими семействами по переписи 1876 года, из Степнаго в Мочажное ведомство. К сему за неграмотных калмыков Муча, Джал и Тюрбе Тапкаевых и Бовка Гагучиева по личной их просьбе расписался калмык Ики-цохуровскаго улуса Сангаджи Будаев.

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 51]

Л. *4*. Справка: 1., Калмыки Эркетеневскаго улуса, Керетова рода, бывшие безаймачные зайсанги Джал Табкаев, Тюрбе Табкаев и Бовка Гагачиев значатся записанными в семейных списках переписи 1876 г., первый — 46 лет, под №33; второй 42 лет под №32, и третий 37 лет — под №15; Муча же Табкаев в списках записанным не значится. Джал Табкаев имеет жену Болха 36 лет, Тюрбе Табкаев жену <…> 42 лет и сына Санджи 17 лет, Бовка же Гагачиев холостой. 2., под следствием и судом эти лица не состоят и 3., Из окладных книг по взысканию с калмыков денежных повинностей видно, что за вышеупомянутыми тремя лицами состоит неуплаченнаго кибиточного сбора за 1893 год по 6 руб., 69 1/2 коп., с каждаго, а всего 20 руб. 8 1/2 коп.

Верно письмоводитель Эркетеневскаго улуснаго управления <…>

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 51]

Приговор

Л. *5.* Общества калмыков Эркетеневскаго улуса, Керетова рода, в коем по пересчету, бывшему в ноябре месяце 1892 года, числятся: кибиток 95, аймачный старшина один, хотонных старост два и выборных лиц, долженствующих участвовать на аймачном сходе от пяти кибиток по одному — 12-ть человек.

Настоящий приговор составлен 11 августа 1893 года.

Мы, нижеподписавшиеся: аймачный старшина, хотонные старосты и выборные, собравшись сего числа на урочище Дамба-Гецуль и аймачный сход, по выслушании от Заведующаго Черными Землями Помощника Попечителя Эркетеневскаго улуса (похоже все улусы делились на части, которые управлялись помощниками) предложения Улуснаго Управления, от 12 июля сего года за №1252, относительно увольнения из нашего общества калмыков Муча, Джал и Тюрбе Тапкаевых и Бовка Гагучиева в Мочажное ведомство, составили настоящий приговор в том, что все мы, по единодушному согласию, калмыков нашего рода, Степнаго ведомства, - Муча, Джал и Тюрбе Тапкаевых и Бовка Гагучиева, с их семействами, увольняем в Мочажное ведомство нашего рода. В том, что составили настоящий приговор подписуемся: аймачный старшина Кооку Натыров, а за него неграмотнаго по его просьбе, расписался калмык Кооку Шогляев.

Хотонные старосты – Сангаджи Гаряев и Дживе Сарангов, а за них неграмотных, по их личной просьбе росписался калмык Кооку Шогляев

И выборные: Шогля Омачиев, Бада Цеденов, Ользята Хара Манджиев, Эдя Балдыров, Оргечке Джимбеев, Бадма Балдан Цеденов, Лиджи Омачиев, Музгун Саксыков, Че Цеденов, Хулхачи Делядинов, а за них неграмотных, по их личной просьбе, росписался калмык Кооку Шогляев.

Приговор отбирал Заведывающий Черными Землями Помощник Попечителя Эркетеневскаго улуса А. Попов.

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 51]

Приговор

Л. *16.* 1891 года Октября 18 дня мы нижеподписавшиеся хотонные старосты, выборные лица Багацохоровскаго улуса барунова рода, аймака зайсанга Онкорова, собрались сего числа на ур. «Хорин Худук», где вследствие прочитаннаго нам Правителем улуса Онкоровым предписания Управления Калмыцким Народом, от 31 августа за №3826, о принятии в среду нашего общества калмыка Эркетеневскаго улуса Оман (Олюн) Дорджиева, мы с единодушного нашего согласия составили настоящий приговор в следующем: Калмыка Эркетеневскаго улуса, Харнутова рода, аймака зайсангаа Некуева, Олюн Дорджиева, <…> принять в среду нашего общества, в чем составили настоящий приговор, который по утверждении подписали и представлением в Александровско-Багацохуровское Улусное управление. Зайсанг Онкоров. Хотонные старосты: <…>

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226]

Протокол

Л. 15**.** 1903 года марта 13 дня. Помощник Попечителя Малодербетовскаго улуса Курасов составил настоящий протокол в следующем <…> отправляясь в Калмыцкую степь по срочным делам, для открытия аймачных сходов, я вызвал со станции <…> «Боро Сала» в 12 1/1 часов дня лошади <…> мне поданы крайне захудалые и <…> видимо, по недостатку кормов <…> отъехав от станции с версту они <…> плетясь шагом <…> убедясь, что на этих лошадях <…> добраться до следующей станции <…> Ики-Манлан-Шабинеры, находящейся в 20 верстах, я приказал ямщику переменить лошадей. Ямщик распряг в степи лошадей, поехал для обмена, а я остался ожидать <…> Ямщик вернулся, но привел <…> только одну лошадь, тоже одинаково захудалую и заморенную, а в выдаче другой лошади хозяин ему отказал. На этих лошадях я отправился в путь, но и они стали приставать плетясь почти всю дорогу шагом, тоя добрался до ст. Бага-Манлан-Шебенеры лишь в 5 ½ часов вечера. Таким образом на станцию в 20 верстах

Л. 15об. меня провезли 5 часов. Такая неисправность содержания лошадей почтосодержателем — кроме с. Тундутово Осипом Цыбаневым известна всей улусной администрации, была замечена мною и в прошлом году, но, не смотря на мои неоднократные требования Цыбанев не принимает никаких мер к улучшению, ведя нетрезвый образ жизни, а потому в виду нетерпимаго содержания станций на ур. «Боро-Сала».

Постановил: о всем изложенном предоставить в Улусное управление, для наложения на почтосодержателя Цыбанева <…> строго взыскания, в виду его неисправимости.

Помощник Попечителя Курасов

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226]

№21 Копия

Тысяча девятьсот четвертаго года января 28 дня

Контракт

Л. *37.* Я нижеподписавшийся неводчик калмык Богоцохуровскаго улуса Барунова родв, Ердне Булхаев. Заключил сей контракт с крестьянином Села Сергиевскаго, Икрянинской волости Астраханскаго уезда, Василием Александровичем Барышниковым в нижеследующем; 1-е Я, Булхаев принял на себя обязанность нанять и доставить на промысловый стан Кокшинг; Барышникова взрослых неводных рабочих калмык, знающих неводную Работу не моложе 20 лет и не старше 50-ти лет, а сколько именно людей значится ниже сего в Контракте по Реэстру сроком с 1-го Марта по 5-е Мая сего года. 2-е, Явившись в означенный срок на стан Кокшин-Барышникова, Я неводчик с своими комплектами должны поступить в работу, которую нам назначит хозяин, или лицо поставлено от него Барышникова, и исполнять всякую работу без всяких отговорок и лености. Тягу производить обязаны на тонях, а именно: в Реке Могойской и Нижней Кукшинской, должны быть в Комплекты на тоне с неводчиком и пятчиков по Семи человек и делать по двадцать шесть тоней в сутки; кроме неводной тяги мы обязуемся работать всякую промысловую работу. Если же Хозяин найдет нужным перевести нас во время лова с одной тони на другую или же на Стан, то я неводчик с своими комплектами не в каком случае отказываться не должны, а должны переехать по первому требованию распорядителя; 3-е, Если кто из подряженных мною рабочих не явится в означенный срок к работе или поступивши, оставит оную ранее срока или прогуляет по лености, то с таковых Барышников вправе вычитать, за каждый прогульный или нерабочий день поденную плату; за недоставленных

Л. *37об.* же в работу на стан рабочих обязуюсь за каждаго внести обратно сей час же взятый задаток. В случае если кто либо из Рабочих захворает при неводной тяге, и если комплект взамен хвораго потребует добавочнаго человека, то тогда Барышников вычитает из его разделки по расчету платы; 5-е, Уловленную рыбу из матней обязаны выливать прорезя успешно дабы незадержать тяги и успевать своим чередом на замет, прорезя же порожняю и с коравана к матне и налитыя с рыбой подводить и отводить должны сами, не требуя на это дело особых людей; За каждую прогульную тоню Барышников имеет право вычитать с Комплекта по пяти рублей. Для продовольствия рабочие не имеют права самовольно брать Рыбу, а должны обращаться к поставленному от него, Барышникова, и довольствоваться мелкой частиковой Рыбой, а крупной отнюдь не требовать, если же будут брать для себя по воровски или же раздавать на сторону и будут в том уличены, то Барышников имеет право вычитать с Рабочих втрое против стоимости украденнаго ими; 6-е, Всякое Имущество выданное им с промысла, рабочие калмыки обязуются хранить целости, При неводной тяге Барышников должен выдать рабочим по одной паре Бахил, по одному полукожану, по одной паре поршон и сукна вачужнаго на одну пару вачуг в путину на каждаго человека. По окончании же срока работы все вышесказанные материалы рабочие обязуются сдать обратно без потери, и если что либо будет утрачено, то Барышников вычитает за оное по стоимости из общей Разделки. Как в неводной тяге, так и во всей промысловой работе

Л. *38.* рабочие должны оказывать полное повиновение распорядителям. Если же в работу явятся в место хороших рабочих старики или подростки то Барышников имеет право росчитать таковых по пятнадцати рублей за всю путину; 7-е, За выполнение всех вышесказанных пунктов

Неводчик договорился получать за вышеозначенный в сем Контракте срок плату и задаток, как сказано ниже сего в Контракте по Реэстру. Я Неводчик получаю Маклерских за каждаго взрослаго человека по одному рублю; 8-е, В случае если правительством срок лова рыбы будет продолжен далее срока, указаннаго в сем контракте, и Барышников пожелает оставить нас работать без отговорочно, и за это Барышников должен уплатить нам поденно по расчету дневной нашей платы; 9-е, В обеспечение исправной нашей работы и полученных задатков я Неводчик, Ердне Булхаев, представил Барышникову на каждаго человека билеты, требовать которые доокончания расчета права не имею; 10-е, Продовольствие должны получать следующие: Неводчику – Чаю кирпичнаго по одной доске на человека, Пятчику муки рожанной 2 п 20 ф., Чаю кирипичнаго по одной доске, а остальным рабочим: Чаю кирпичнаго по ½ доске, и хлеба печенаго по три фунта в сутки на каждаго человека. Неводчику же - получать с каждаго доставленнаго нанятого человека муки рожанной по 20 ф.; 11-е, по окончании неводной тяги рабочие должны вывешивать невода для просушки на вешела и вычинивать оный, как прикажет хозяин или его Распорядитель;

Л. *38об.* 12-е, По окончании срока работы Неводчик должен учинить расчет с Барышниковым, а если я неводчик Ердне Булхаев, почему либо останусь должен Барышникову, то обязан тот час же внести наличными деньгами при самом расчете; в случае же неуплаты мною Балхаевым, Барышников имеет право поступить со мною, как с несостоятельным должником по закону. 13-е Заключив сей Контракт, должны соблюдать с обеих сторон с обеих сторон свято и нерушимо.

Реэстр Рабочим в получении платы задатка и разделки	Число людей	Плата каждому в срок	Плата в срок Общия		Задаток		Розделка	
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Подрядчик Ердне Булхаев	1	32	32	…	22	…	10	…
Пядчиков	2	35	70	…	44	…	26	…
Рабочих	15	32	480	…	330	…	150	…
Арканщиков	2	20	40	…	24	…	16	…
	20	…	622	…	420	…	202	…

Подписали: Василий Барышников
За неграмотнаго Эрдени Булхаева росписался <…>
Шараевым

За попечителя улуса (неразборчиво)
Письмоводитель (неразборчиво)

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226]

Семейные списки аймачного зайсангов Икицохуровского улуса за 1868 год.

ЛЛ. *1-17*.

№	Фамильные списки всех членов семейств				Количество принадлежащего скота				
	Мужского пола	Лет по 1 января 1869г.	Женского пола	Лет по 1 января 1869г.	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Коз
1.	Зюнгарова рода аймачный зайсанг: Эрдени Очиров,	36	Жена Булгун,	32	10	112	39	252	-
2.	сын его Мархаш.	1	дочь его Болха.	9					
3.	Брат его Джанджи.	27	Жена его Джиргал,	23	6	59	28	149	20
			дочь его Цаган	3					

	Зюнгарова рода								
	аймачный зайсанг:								
4.	Балдан Балыков,	39	Жена его Делгерке,	30	8	10	20	50	
	сын его		дочь его Булгун, мать	3					-
5.	Церен-Убуши.	5	его Баячиха.						
	Брат его		Жена его Кишикте.	52					
6.	1-й Эрдени,	36							
	сын его		Мать его Булгун	26		1	2		
7.	Телюмджи.	4							
8.	2-й Бамба.	29							
9.	3-й Оргодак	15		18	4	4	10	30	
10.	4-й Телемджи	14							
	Зюнгарова рода								
	аймачный зайсанг:								
11.	Басанг Очиров, сын его	56	Жена его Цаган, дочь						
12.	Сангаджи-Гаря.	4	его Баин.	44	5	2	8	100	
	Братья его			14					
13.	1-й Кюря, сын его Утту-	51	Жена его Хараш, дочь						
14.	Насун	1	его Зурман.	38					
15.	2-й Бютюки,	50	Жена его Кишекте,	15	10	12	29	350	
16.	сын его Му-Хур	18	дочь его Джоджи.						
17.	Бегби.	15		37					
				5	4	2	8	30	
	Зюнгарова рода								
	аймачный зайсанг:		Жена его Джаджи, дочь						
18.	Табка Осоров,	52	его Бюрю, Бичкан-	48	-	1	1	-	-
19.	сын его Хуцу,	12	Кюкен.	19					
20.	Брат его Нохо.	45	Мать его Оргечке	13					
21.	Сыновья его: Бельтрек	18							
22.	Сангаджи	11		45	-	1	4	-	-
23.	Манджи.	7							
	Зюнгарова рода								
	аймачный зайсанг:								
24.	Балдан Цаганов,		Жена его Амгулунг.						
	Сыновья его:	53		44	-	1	5	-	-
25.	Шара		Жена его Бююбе.						
26.	Кеджи	25		22					
27.	Кекте	13							
	Братья его:	11	Жена его Оргечки						
28.	1-й Умке,	33	Мать его Цатхланг	32	-	1	4	-	-
29.	сын его Басанг.	15	Жена его Кешекте	62					
30.	2-й Лиджи	31		25	-	1	7	-	-
31.	3-й Окон	12							

32.	Зюнгарова рода умершего аймачного зайсанга Мухур Ормыкова внук: Убуши Сангаджиев	4	Жена Ормыкова Джанджи, дочь ее Амии. Жена умершего Сангаджи, Ользете. Дочери ее: Кешикте Амгулун	51 17 30 13 11	4	5	6	50	-
	Зюнгарова рода умершего аймачного зайсанга Омба Очирова сыновья:		Жена его Ользете Дочери его: Бадма Кермен.	25 6 3	11	30	19	400	-
33. 34. 35.	Тангад Дава Цебек Брат Очиров	28 23 15	Жена его Бадма Мать его Делек	18					

36.	Манка.	53	Жена его Кензе. Дочери его:	45	9	5	15	100	- -
	Сыновья его:		Бичи Кюкен	18					
37.	1-й Дорджи,	28	Баин.	10					
38.	Сын его Эренцен.	3	Жена его Делгерке.	24					
39.	2-й Баби	23	Жена его Амархан. Жена умершего аймачного зайсанга Зюнгарова рода Оканун Дорджаева, Инджи. Дочери: Бютсюн Цаган Самл-Белек	19 33 15 7 5					

.	Кебюн-Ноютова рода аймачный зайсанг:		Жена его Бююбе	38	-	1	3	-	-
1	Эрдени Амулунгов.	42							
2.	Сын его Гаря.	3							
	Братья его:								
3	Муута	28	Жена его Белек	20	-	1	5	-	-
4	Тебе	18							
	Родной дядя аймачного зайсанга Зюнгарова рода Балдан Балыкова:								
1.	Неле Дюндюев	50	Жена его Баячиха.	47	-	1	7	-	-
	Сыновья его:								
2.	Надбит	20							
3.	Цаган-Манджи	18							
4.	Улан	15							
5.	Уту-Насун	9							

	Двоюродные братья аймачного зайсанга Зюнгарова рода Балдан Цаганова:								
6.	Коток Джимбеев	58	Жена его Джавджи.	58	5	2	10	70	-
	Сыновья его:		Жена его Амгулунг						
7.	1-й Манджи	36		29	2	1	4	20	-
	Сыновья его:								
8.	Зула	3							
9.	Царцан.	1							
10.	2-й Бадма,	19							
	братья Котока								
11.	1-й Онкор, сын его	50	Жена Бююбе	37	2	1	2	-	-
12.	Убуш-Гаря.	6							
13.	2-й Бурул	41	Жена его Токта	32	3	1	3	20	-
	Сыновья его:								
14.	Эрдени	18							
15.	Басанг	13							
16.	Сангаджи	11							
17.	3-й Боронг	38							
	Сыновья его:		Жена его Джаргал	38	4	2	8	10	-
18.	Микула	17							
19.	Заганда	7							

20. 21. 22.	Сангаджи Акушиев, сыновья его: Санжип Лиджи	40 13 8	Жена его Бюрюн	35	1	1	4	-	-
  23. 24. 25.	Брат Акушиева Кёке Акушиев, сыновья его: Баин Очир	 38 17 13	 Жена его Бадма	 35	 1	 1	 4	 -	 -
26. 27. 28.	Троюродный брат умершего аймачного зайсанга Зюнгарова рода Мухур Ормыкова: Исмаил Гамаев умер: Сыновья его: 1-й Бадма, Сын его Яшкул 2-й Шуга	24 1 23	Жена его Бююбе	20	-	-	4	-	-

29. 30. 31. 32. 33. 34. 35.	Двоюродный брат умершего аймачного зайсанга Зюнгарова рода Омбы Очирова: 1-й Болда Самтан-Убушаев, Сыновья его: Мацак Эрдени Халга 2-й Манихан Джугаев умер. Сыновья его: Джал Ките Бадма	39 12 16 10 24 23 10	Жена Амгулунг Дочери: Цаган Кишикте Мать их Амгулунг, сестра их Ользете	 35 13 5 50 20	-	1	5 3	-	-

       36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44.	Троюродные братья умершего аймачного зайсанга Зюнгарова рода Окун Дорджиева: 1-й Адучи Ширипов, сыновья его: Манджи Бадма Джунка Носто 2-й Джабджи Ишиев, сыновья его: Менкен Шургучи 3-й Намка Гахашев умер, сыновья его: Чанка	 43 19 15 11 7 39 16 5 32	 Жена его Кермен Жена его Даганда, дочь его Кишикте Жена его Ользете, дочь его Бююбе	 38 33 15 28 9	- - -	2 3 1	10 5 3	50 25 -	- - -

[НА РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 67]

Число домов и других строений в Калмыцкой степи в 1848 г.

Л. 56.

№	Улус	деревянные	кирпичные	каменные	Итого:
1.	Хошеутовский	203			203
2.	Малодербетовский	60	19		79
3.	Багацохуровский	28			28
4.	Большедербетовский	3			3
5.	Эркетеневский	6			6
6.	Харахусо-Эрдениевский	3			3
7.	Яндыковский	2	5	1	8
8.	Икицохуровский	3			3
9.	Мочаги	2			2
	Итого:	310	24	1	335

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12]

Число домов и других строений в Калмыцкой степи в 1868 г.

Л. 60-61.

Калмыцкая степь	Домов						
	Камен.	Дерев.	Глинобит-ные	Земле-битные	Мазанок	Мельниц	Итого:
	3	597	30	135	548	3	1316

[НА РК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1937]

Число домов и других строений в Калмыцкой степи в 1875 г.

Л. 71.

№	улусы	Домов								
		ка-менн.	дере-вян	земле-бит.	глино-бит.	мазанок	земля-нок	хуторов	др. строе-ний	Итого
1.	Багацохуровско-Муравьевский улус	-	64	-	-	6	1	14	3	88
2.	Малодербетов-ский улус	2	98	68	53	11			3	235
3.	Яндыковский улус	2	20	-	7	3	-	-	-	32
4.	Икицохуровский улус	-	14	22	-	3	-	-	-	39
5.	Харахусовско-Эрдениевский улус	не указ.	не указ.	не указ.	не указ.	не указ.	не указ.	не указ.	не указ.	
6.	Эркетеневский улус	-	13	-	-	-	-	-	-	13

7.	Хошеутовский улус	-	130	-		220	-	39	4	393
8.	Мочаги	-	32	-	23	28	-	-	-	83
9.	по р. Маныч	1	8	-	50	-	-	-	-	59
Итого:		5	379	90	133	271	1	53	10	942

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17.]

Число домов и других строений в Калмыцкой степи в 1886 г.

Л. 71.

№	Улусы	Домов						
		Камен.	Деревян.	Глино-битные	Земле-битные	Маза-нок	Др. поме-щений	Итого
1.	Александровский улус	-	153	9	-	623	8	793
2.	Малодербетовский улус	2	175	108	123	2	1992	2402
3.	Яндыковский улус	2	62	23	-	95	50	232
4.	Икицохуровский улус	-	17	-	67	-	3	87
5.	Харахусовский улус	-	3	-	2	-	5	10
6.	Эркетеневский улус	-	9	-	2	-	4	15
7.	Мочаги	-	98	15	-	123	260	496
8.	п. Калмыцкий Базар	-	128	-	1	16	51	196
9.	по р. Маныч	1	20	-	65	142	203	431
	Итого:	5	665	155	260	1001	2576	4758

[НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 94]

Число домов и других строений в Калмыцкой степи в 1892 г.

Л. 102–*103*

№	Улусы	Домов							
		Камен.	Деревян.	Глино-битные	Земле-битные	Маза-нок	Мель-ниц	Др. поме-щений	Итого
1	Сев. часть Малодербетовского улуса	3	186	264	-	-	2	678	1133
2	Юж. часть Малодербетовского улуса	1	14	-	62	-	1	99	177
3	Багацохуровский улус	1	100	5	-	89	1	9	205
4	Александровский улус	-	68	7	-	627	1	-	775
5	Яндыко-Мочажный улус	2	189	52	8	372	-	268	891
6	Эркетеневский улус	-	17	-	-	4	-	6	27
7	Икицохуровский улус	-	15	75	-	-	-	60	150
8.	Харахусовский улус	1 цаца	21	2	-	-	-	5	29
9	п. Калмыцкий Базар	-	157	-	1	7	-	219	384
	Итого:	8	764	405	71	1099	5	1344	3696

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 41]

Число домов и других строений в Калмыцкой степи в 1894 г.

Л. 103–*104*.

№	Улусы	домов							
		Камен.	Дере-вян.	Глино-битные	Земле-битные	Маза-нок	Мель-ниц	Др. поме-щений	Итого
1	Сев. часть Малодербетовского улуса	3	204	160	-	148	2	788	1306
2	Юж. часть Малодербетовского улуса	1	14	30	93	2	1	104	267
3	Багацохуровский улус	1	90	5	-	89	1	9	203
4	Александровский улус	-	68	7	-	692	1	-	775
5	Яндыко-Мочажный улус	2	203	60	12	423	-	227	982
6	Эркетеневский улус	-	27	5	-	20	-	15	82
7	Икицохуровский улус	-	21	42	-	38	-	66	178
8	Харахусовский улус	1 цаца	21	4	-	-	-	6	35
9	п. Калмыцкий Базар	-	147	1	-	7	-	300	484
	Итого:	8	822	314	105	1419	5	1515	4312

[НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 55.]